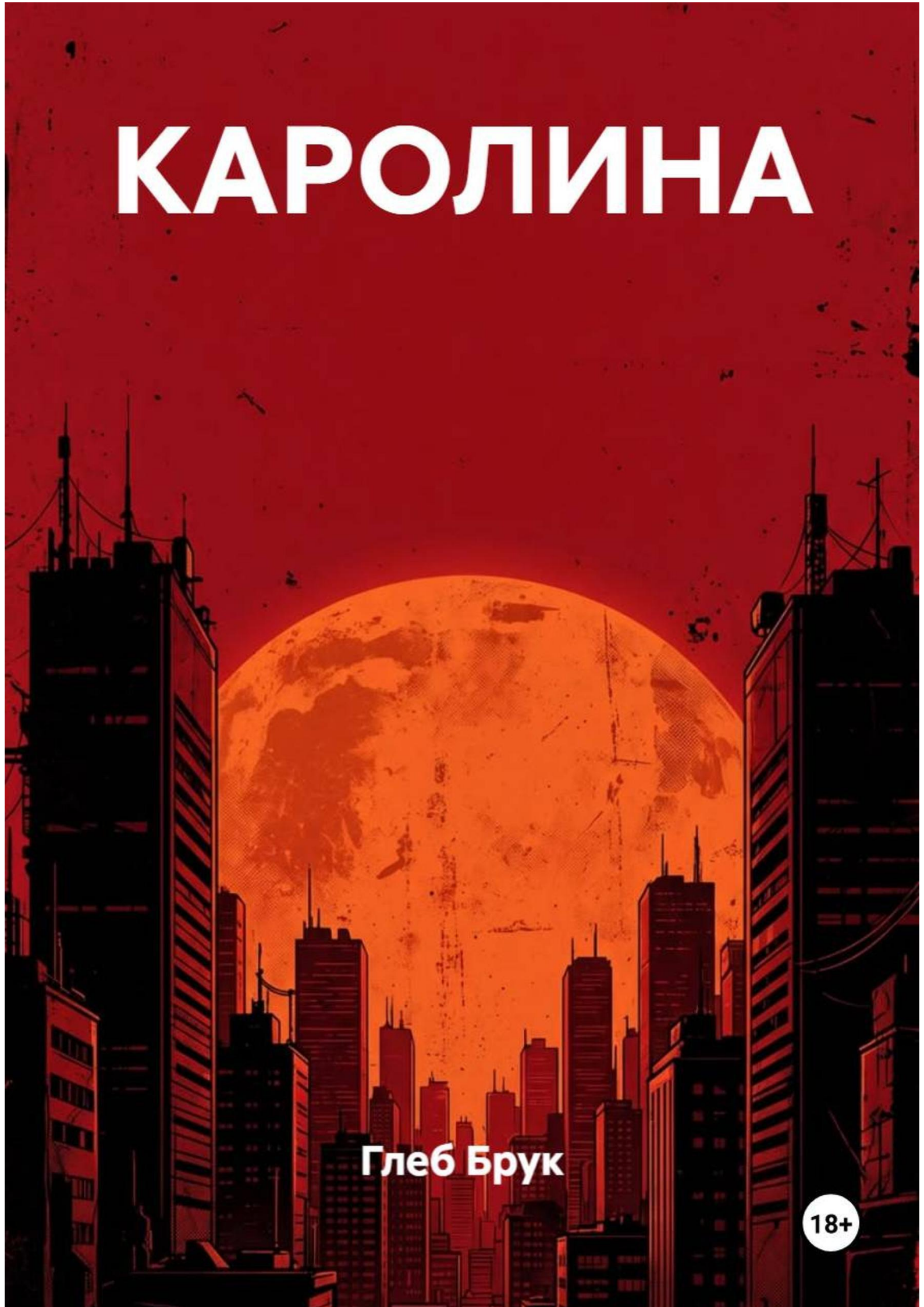

КАРОЛИНА

Глеб Брук

18+

Глеб Брук

КАРОЛИНА

«Автор»

2026

Брук Г.

КАРОЛИНА / Г. Брук — «Автор», 2026

Что, если душа не уходит, а оказывается заперта в стали? 1956 год. Мальчик Юра получает сыворотку, которая будит в нём дар видеть смерть. Спустя годы он находит на свалке красную «Волгу» — и слышит женский голос. Каролина была человеком. Теперь она — Хоррорформир: душа, вынужденная стать машиной, вечно помнящая боль предательства. Вместе им предстоит столкнуться с программой «Армада», секретными проектами КГБ и собственными тенями. Хоррорформир — это не машина с призраком. Это душа, ставшая металлом. И металл помнит всё. Глеб Брук сплетает хоррор, саспенс и советскую историю в роман о памяти, свободе и цене выбора. Добро пожаловать в мир, где машины не умирают, а у каждой запертой души есть причина — самое страшное и самое человеческое, что в них есть.

© Брук Г., 2026

© Автор, 2026

Глеб Брук

КАРОЛИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

От автора: почему металл помнит

Эта история началась не с замысла, не с плана и не с желания написать «что-то в духе». Она началась со случайного видео.

Однажды, листая ленту YouTube, я наткнулся на ролик блогера Даниеля Хорна, который тогда рассказывал о фильме и книге Стивена Кинга «Кристина». Признаюсь честно: я смотрел этот разбор не как исследователь, а как читатель, который любит, когда его пугают по-настоящему. И вот тогда меня насторожила одна вещь. В истории от признанного «короля ужасов» не было самой главной детали для подобного сюжета — раскрытой причины, по которой душа оказалась внутри кузова «Плимута Фьюри».

Поверьте мне на слово: такая деталь не просто важна или нужна. Эта деталь — сердце всей истории. Без неё машина с душой остаётся эффектным образом, но не становится существом, которому можно сопереживать, которого можно бояться по-настоящему и которого можно пожалеть. Потому что страх, лишённый причины, — это всего лишь декорация. А страх, у которого есть причина, — это уже судьба.

И тогда в моей голове начала зреть идея. Идея написать историю, которая отвечала бы сразу на два вопроса. Первый: какова причина обретения корпусом машины душой? Не «как это произошло технически», а «почему это произошло с человеком» — почему душа не ушла, почему она осталась, почему она выбрала металл вместо покоя. И второй: как такие автомобили с душой эволюционируют? Что происходит с ними через год, через десять лет, через десятилетия? Во что превращается существо, запертое в стали, если его не освободить, если его не понять, если его не услышать?

Именно так и появилось ядро этой истории — «Каролина».

Но очень скоро я понял, что для чистоты и честности мне нужно разграничить свою «Каролину» от «Кристины» Стивена Кинга. Не потому, что я боюсь сравнений — сравнений в литературе не избежать никому. А потому, что моя история говорит о другом. Кинг писал о одержимости и о том, как зло может вселиться в вещь. Я же хотел написать о том, как человек оказывается заперт в вещи — и что из этого вырастает. О том, что страшно не только зло, но и плен. О том, что металл может помнить не только прикосновения, но и боль.

Так родилось новое понимание металлического хоррора — хоррорформир. Это не просто «машины с призраками» и не «ожившие автомобили». Это отдельный класс существ, новый жанровый пласт, который я сознательно вывожу за пределы привычного «одушевлённого транспорта». Хоррорформир — это не машина, в которую вселилась душа. Это душа, которая была вынуждена стать машиной. Разница принципиальная. И именно эта разница определяет всё: и характер страха, и характер сочувствия, и характер вопросов, которые история задаёт читателю.

В этой книге вы встретите несколько хоррорформиров. У каждого из них своя причина, своя боль, своя форма плена. И у каждого — своя эволюция. Потому что металл не стареет так, как стареет человек. Металл не умирает. Металл накапливает. И то, что накапливается в нём десятилетиями, рано или поздно начинает говорить.

Но я не хотел бы, чтобы вы воспринимали это предисловие как инструкцию. Хоррор хорош тогда, когда читатель входит в него без карты. Поэтому скажу только самое необходимое — то, что поможет вам не потеряться в этом мире, но не отнимет у вас удовольствия открывать его самому.

Мир этой истории — Советский Союз второй половины двадцатого века. Мир, в котором наука умела очень многое и очень многое скрывала. Мир, в котором государство могло позволить себе эксперименты, о которых не писали в газетах. Мир, где за высокими заборами стояли лаборатории, а в лабораториях — машины, которые должны были стать оружием, но стали чем-то гораздо более страшным и гораздо более человечным одновременно.

В этом мире существует программа «Армада» — программа создания бессмертных солдат. Не людей, которые не боятся смерти, а людей, которые уже умерли, но остались. Их души помещают в металл: в автомобили, в танки, в корабли, в самолёты. Они не знают страха. Они не знают боли. Они не знают усталости. Но они знают кое-что другое — то, о чём создатели программы не подумали. Они знают, что такое память. И они знают, что такое одиночество.

Каждый хоррорформир в этой книге — это не просто боевая единица. Это человек, который когда-то дышал, любил, мечтал — а теперь заперт в стали и вынужден смотреть на мир через фары и датчики. И у каждого из них есть причина, по которой это случилось. Причина, которую они помнят. Причина, которую они не могут забыть. Причина, которая делает их не оружием, а свидетелями.

Именно поэтому эта история — не только о машинах. Она о людях, которые создавали эти машины. О людях, которые в них оказались. О людях, которые пытаются их освободить. И о том, что освобождение — это не всегда уничтожение. Иногда освобождение — это понимание. Иногда — это память. Иногда — это выбор, который ты делаешь не за себя, а за того, кто уже не может выбрать сам.

Отдельно скажу о двух вещах, которые для меня в этой истории принципиальны.

Первое — это причина. Я убеждён, что в любом хорроре, где речь идёт о существе, запертом в вещи, причина важнее самой вещи. Читатель должен не просто испугаться — он должен понять, почему это произошло. Не оправдать, нет. Понять. Потому что страх без понимания быстро проходит, а понимание без страха остаётся навсегда. И если после этой книги вы будете смотреть на старые машины иначе — с лёгким холодком под ложечкой, с вопросом «а что если?» — значит, я написал её не зря.

Второе — это эволюция. Хоррорформеры не статичны. Они меняются. Они проходят через стадии, которые я назвал кругами. И то, что происходит с ними на каждом круге, — это не просто сюжетный поворот. Это ответ на вопрос, который рано или поздно задаёт себе каждый, кто пишет о живых машинах: а что будет с ними потом? Что будет с существом, которое не может умереть, но и не может жить? Что будет с душой, которая помнит всё, но не может ничего изменить?

Ответ на этот вопрос вы найдёте в книге. Я не буду его здесь раскрывать. Скажу только, что он не такой простой, как может показаться. И что он не всегда утешительный.

Ещё одно, о чём хочу сказать прямо, без обиняков. Эта книга — не политическая. Советский Союз в ней — не идеологическая декорация и не предмет ностальгии. Это мир, в котором определённые вещи были возможны: закрытые города, секретные институты, программы, о которых не знал никто, кроме узкого круга людей. Мне была важна не идеология, а масштаб — масштаб замысла, масштаб ответственности и масштаб трагедии, которая рождается, когда люди начинают играть в Бога, не спрашивая разрешения у тех, кем они играют.

И последнее. Эта история — о памяти. О том, что память — это не просто способность помнить. Это способность оставаться собой. Хоррорформеры страшны не только тем, что они — оружие. Они страшны тем, что они — память, которую нельзя выключить. И в этом смысле они гораздо человечнее многих людей, которых вы встретите на этих страницах.

Я не буду обещать вам, что эта книга будет лёгкой. Она не будет. В ней есть боль, есть смерть, есть вещи, которые трудно читать. Но в ней есть и другое — есть выбор, есть любовь, есть те самые пять граммов совести, о которых говорит один из героев. И есть надежда — не сладкая и не утешительная, а та, которая остаётся, когда всё остальное уже потеряно.

Добро пожаловать в мир «Каролины». В мир, где металл помнит. В мир, где машины не умирают. В мир, где у каждой души, запертой в стали, есть причина. И эта причина — самое страшное, что в них есть.

И самое человеческое.

Глеб Брук

Том I:

«Агония красного рассвета»

Глава 1. Пионерская зона.

Август 1956 года. За окном плацкартного вагона проплывали бескрайние поля Кубани, сменявшиеся густыми перелесками. Колёса стучали размеренно, убаюкивающе. В купе царил полумрак и смешанный запах угольной пыли, крепкого чая и дорожного белья.

Юра сидел, прижавшись носом к стеклу, и смотрел на убегающие вдаль столбы. В его голове рисовались картины одна грандиознее другой: вот он, взрослый, в белой рубашке, получает золотую медаль; вот чертит сложнейшие схемы; а вот уже стоит в цеху, и все уважительно кивают: «Юрий Дмитриевич, лучший инженер». На благо родного Союза. Честно, самоотверженно, на всю жизнь.

Отец, Дмитрий Алексеевич, читал «Правду», изредка хмыкая. Мама, Анна Сергеевна, перелистывала медицинский журнал, отдыхая после месяца дежурств. Их попутчик — неприметный мужчина в штатском, но с военной выправкой — не спал. Он сидел в углу и что-то быстро записывал огрызком карандаша в потрёпанный блокнот. Юра заметил на полях странные чертежи — не то схемы, не то формулы.

В этот момент раздался стук. Не обычный «тук-тук-тук», а один-единственный, глухой, словно стукнули не костяшками пальцев, а обмотанным тканью кулаком.

— Войдите, — спокойно отозвался отец, откладывая газету.

Дверь со скрипом отъехала в сторону. На пороге стоял проводник, но какой-то ненастоящий. Форма сидела на нём мешковато, фуражка была надвинута низко на глаза, а улыбка казалась приклеенной.

— Здравствуйте, товарищи, — голос скрипучий, не вяжущийся с внешностью. Взгляд быстро обежал купе и упёрся в мужчину с блокнотом. — Все ли вас устраивает, профессор Киселев Сергей Викторович?

В купе повисла звенящая тишина. Слышно стало, как скрипят рессоры вагона. Юра перестал дышать.

Сергей Викторович медленно, очень медленно поднял глаза. Блокнот он закрыл почти неуловимым движением. В его взгляде не было ни растерянности, ни узнавания.

— Простите, товарищ проводник, — произнёс он ледяным тоном. — Вы ошиблись. Моя фамилия Кравцов. И я не профессор.

— Да ну? — проводник осклабился, и в его руке, которую он до этого держал за спиной, тускло блеснул металл. Не нож для угля. Пистолет с навинченным на ствол глушителем, похожим на обрубок трубы.

Время словно загустело, как смола.

Дмитрий Алексеевич, прошедший войну, мгновенно оценил ситуацию. Он резко привстал с полки, пытаясь заслонить сына.

— Вы что себе позволяете?! — рявкнул он, набычившись.

— Сидеть, — коротко бросил убийца, поведя стволом в сторону отца. — Профессор Киселев, не усложняйте. Шпионские игры закончены. Проект «Смертоносец» должен быть остановлен. Встаньте и идите к выходу. Без шума.

Юра, скованный ледяным страхом, смотрел на эту сцену широко раскрытыми глазами. Он не понял смысла слов, но увидел главное: незнакомец-попутчик полез во внутренний карман пиджака. И в этот миг убийца перевёл ствол прямо на профессора, намереваясь выстрелить в грудь.

Инстинкт сработал раньше разума. Юра был мальчишкой шустрым, юрким, и пионерская правда в его голове была проста: враг нападает — врага надо остановить. Он с криком: «Не трогай дяденьку!» — сорвался с места и кинулся в ноги убийце, пытаясь толкнуть его всем своим небольшим весом.

— Сопляк! — прохрипел лжепроводник и, не целясь, просто отмахнулся.

Тяжёлая рукоять пистолета обрушилась Юре на затылок, прямо над краем пионерского галстука. В голове вспыхнул ослепительно-белый свет, а затем мир резко померк, превращаясь в глухую, звенящую пустоту. Маленькое тело мешком рухнуло на пол.

Анна Сергеевна вскрикнула, рванувшись к сыну. Дмитрий Алексеевич, воспользовавшись секундным замешательством нападавшего, бросился вперёд. Но Киселев оказался быстрее.

Движение профессора было почти невидимым глазу. Никакого оружия в его руке не было, но киллер вдруг захрипел, схватился за горло и начал оседать. Его лицо моментально приобрело синюшный оттенок. Пистолет глухо стукнулся о ковровую дорожку.

— Анна Сергеевна, — голос профессора был стальным, но в нём прорывались нотки отчаяния. — Заприте дверь. Дмитрий Алексеевич, уберите тело под полку. Быстро! У нас не больше двух минут.

Родители Юры двигались на автопилоте. Мать уже опустилась на колени перед сыном, пальцы привычно нащупывали пульс на сонной артерии.

— Зрачки реагируют, но слабо, — прошептала она дрожащими губами. — Гематома, возможно, трещина... Боже, Юрочка, Юра...

— Слушайте меня предельно внимательно, — Киселев присел перед ней на корточки, заглядывая прямо в глаза. — Вы — хирург с золотыми руками. Вы — партийный работник, Дмитрий Алексеевич. Вы оба давали присягу не только государству, но и будущему.

Он достал из внутреннего кармана не оружие, а небольшой металлический цилиндр, похожий на термос для лекарств, но с гравировкой неизвестных символов. С тихим шипением открыл его. Внутри, в специальной капсуле, плескалась жидкость цвета расплавленного серебра.

— Что это? — голос отца дрогнул впервые за вечер.

— То, ради чего меня пытались ликвидировать. Проект «Смертоносец». Это сыворотка адаптивной регенерации и усиления когнитивных способностей. Тестовый образец. Время пошло, — профессор взглянул в лицо матери. — У мальчика внутреннее кровоизлияние в мозг. До Москвы мы доехать не успеваем. Ваша хирургия здесь, в полевых условиях, бессильна. Но если ввести этот препарат сейчас, он не просто выживет. Его мозг перестроится на решение нестандартных задач. Он станет тем, кем вы его воспитали, — защитником и созидателем.

— Это эксперимент над живым ребёнком! — выдохнула мать, прижимая голову сына к груди.

— Это его единственный шанс, — жёстко ответил Киселев. — Я — куратор проекта «Смертоносец», и я спрашиваю вашего разрешения, как родителей. Дмитрий Алексеевич, ваше слово!

Отец смотрел на бледное лицо Юры, на кровь, проступающую на светлых волосах. На тело убийцы, торчащее из-под полки. Он понял: прежней жизни конец. Есть только этот момент.

— Вливайте, — сказал он глухо, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

Анна Сергеевна, переглянувшись с мужем, судорожно кивнула, разжимая сыну зубы.

Профессор наклонился, и несколько капель серебристой жидкости упали мальчику на язык. Горло Юры дёрнулось в рефлекторном глотке.

— Что с ним теперь будет? — тихо спросила мать.

— Он станет лучшим инженером, которого когда-либо видел Союз, — устало ответил Киселев, откидываясь к стенке купе. — Только вот строить ему, боюсь, придётся совсем другой мир. Вы уж простите меня, товарищи...

Поезд нёсся сквозь ночь, унося в себе новую тайну и мальчика, заснувшего обычным сном, чтобы проснуться кем-то совершенно иным.

Время неслось с той же скоростью, что и поезд по рельсам. Юра спал едва дыша, его родители молча сидели рядом. Мама ждала, когда «Смертоносец» залечит его рану на голове, но они не знали, что Юра в этот самый момент проходил процедуру трансформации — на всех уровнях собственного юного тела.

Он спал и видел первый сон: все граждане СССР, которые сейчас называются противниками Союза, стоят возле Берлинской стены и смотрят, как она рушится. А после видит бунт возле Белого дома в Москве.

От увиденного Юра вначале ерзал головой по подушке, чем ещё больше пугал наблюдавших за ним родителей. Но когда отец мальчика спросил у Киселева: «Что с ним происходит?» — Киселев, сидевший и пивший чай, с существенным грохотом поставил стакан в подстаканнике на деревянный столик и, лишь взглянув на мальчика, сказал: «Сейчас проходит мутацию, но, судя по всему, сыворотка пробуждает врождённый ему дар прорицания».

Юра открыл глаза. Первое, что он увидел, — встревоженное лицо матери, склонившейся над ним. Её тёплая ладонь лежала у него на лбу, и он почувствовал, как она вздрогнула, когда его ресницы дрогнули.

— Мам? — голос мальчика был хриплым и чужим. — Почему мы трясёмся?

Анна Сергеевна судорожно выдохнула, прижимая его к себе, и Юра почувствовал, как её плечи мелко дрожат. Он попытался сесть, но голова казалась тяжёлой, словно налитой свинцом. Он провёл рукой по волосам, нащупал что-то липкое, но кожа под пальцами была целой. Ни ран, ни шишек.

— Ты упал, сынок, — раздался глухой голос отца. Дмитрий Алексеевич сидел напротив, стиснув колени руками так, что побелели костяшки. Его глаза ввалились, под ними залегли тёмные круги, но он старался улыбнуться. — Ударился головой о полку. Но теперь всё хорошо. Ты... ты просто спал.

Юра наморщил лоб, пытаясь собрать воедино обрывки воспоминаний. Поезд. Бабушка в Сочи. Он прыгал по верхней полке. А потом — пустота. Липкий, вязкий холод, похожий на сон, который уже начал ускользать.

— Больно не было, — сказал Юра, удивлённо моргая. — Мне снилось что-то странное. Там стена падала. Большая, серая. И люди кричали. А потом белый дом, и кто-то стрелял.

Анна Сергеевна судорожно переглянулась с мужем. Киселев — профессор, который всё это время сидел в углу, прикрыв глаза, — медленно отставил стакан с остывшим чаем и подался вперёд.

— Что ещё ты видел, Юра? — спросил он тихо, почти ласково. — Постарайся вспомнить.

Мальчик нахмурился, кончиками пальцев касаясь висков. В голове шумело, как в пустой раковине, где гуляет ветер.

— Я не помню... — протянул он, потом вдруг резко дёрнул головой, и его глаза на мгновение остекленели. — Только... там была вода. Чёрная, как масло. И огонь. Корабли горят. А я стою на скале и смотрю.

— Что за корабли? — переспросил отец, подаваясь вперёд.

— Не знаю, — Юра пожал плечами, и в этом жесте вдруг проскользнула какая-то взрослая усталость. — Но пахло железом и солью. Как на море, когда шторм.

Он замолчал, уставившись в окно, за которым начинали мелькать огни предместий, прибрежные пальмы и белые корпуса санаториев. Поезд замедлял ход.

— Мы приехали, — сказала мать, и в её голосе проскользнуло облегчение. Она быстро убрала прядь волос с его лба, словно проверяя температуру. — Юрочка, мы в Сочи. Твоя бабушка уже на перроне. И Оля.

— Оля? — переспросил мальчик, и его лицо на мгновение просветлело. — Ирка приехала?

— Оля, — поправила мать с мягкой улыбкой. — Ирина. Твоя двоюродная сестра. Она окончила школу, теперь будет здесь жить, помогать бабушке. Помнишь, мы тебе говорили?

Юра кивнул, хотя на самом деле помнил смутно. Голова по-прежнему гудела, и каждый звук — лязг колёс, гудок паровоза, голоса родителей — отдавался в затылке тупой пульсацией. Он чувствовал себя странно: словно внутри него кто-то поселился, кто-то очень взрослый и очень уставший, кто смотрел на мир сквозь его глаза и удивлялся, как здесь всё просто и ярко.

Профессор Киселев тем временем поднялся, аккуратно собрал в портфель свои бумаги и металлический цилиндр, который Юра мельком заметил на столике. Внутри что-то плеснулось серебром, но мальчик не придавал этому значения — он думал о море, о солнце, о том, как они будут бегать по пляжу и строить замки из песка.

— Мы выходим, — сказал отец, поднимаясь и забирая с полки два чемодана. Он бросил короткий взгляд на Киселева: — Вы с нами, Сергей Викторович?

— Нет, — профессор покачал головой, пряча цилиндр во внутренний карман плаща. — Моя работа здесь закончена. Я остаюсь в поезде, до Новороссийска. У меня ещё дела.

Он подошёл к Юре, присел перед ним на корточки и заглянул в глаза. Мальчик смотрел на него с детским любопытством, но без страха. Профессор улыбнулся — устало, с уголками губ, опущенными вниз.

— Ты славный мальчик, Юра, — сказал он негромко, чтобы слышали только они двое. — Ты будешь сильным. Помни: сны — это не просто сны. Иногда они предупреждают нас. Прислушивайся к ним.

— Вы как бабушка моя говорите, — серьёзно ответил Юра. — Она тоже верит в вещие сны.

— Значит, ты в хороших руках, — Киселев легко сжал его плечо и встал. — Счастливого пути, Бойко.

Юра спрыгнул с полки, натянул сандалии и, пошатываясь, направился к выходу. Голова кружилась, но он уже чувствовал, как воздух из открытых окон вагона становится солёным, тёплым, пахнет цветущим инжиром и морем. Мать поддерживала его за локоть, отец нёс чемоданы, а позади остался профессор, молча глядящий им вслед из глубины купе.

Когда состав остановился, Юра первым выскочил на перрон. Солнце резануло по глазам, и он зажмурился, делая глубокий вдох. А когда открыл их, увидел бабушку — маленькую, круглую, в светлом платке и с огромным букетом белых роз. Рядом с ней стояла девушка лет семнадцати, с тёмными косами, перекинутыми через плечо, и улыбалась так же широко, как и он сам.

— Юрка! — крикнула она, размахивая рукой. — Вырос-то как! Совсем дядька!

— Олька! — засмеялся он, забывая о странном послевкусии сна, о пророчествах и о том, что кто-то в этом поезде называл его «Смертоносцем».

Он рванул к бабушке, и она раскрыла объятия, прижимая его к груди, пахнувшей пирогами и лавандой. Юра приник к ней, чувствуя, как тёплая волна уюта разливается по телу, вытесняя ту липкую тяжесть, что осталась в голове.

— Здравствуй, внучок, — прошептала бабушка и вдруг, отстранившись, заглянула ему в глаза. Её зрачки расширились, она на миг замешкалась, и что-то промелькнуло в её взгляде — тревога, узнавание, как будто она видела в его глазах нечто, что не должна была увидеть.

— Что, бабуль? — спросил он беззаботно.

— Ничего, — она быстро прижалась щекой к его макушке и незаметно перекрестила, так, чтобы никто не увидел. — Ничего, внучек. Главное, что ты живой, здоровый и с нами. А остальное — как Бог даст.

Отец, поставив чемоданы на асфальт, протянул руку Ольге, и она звонко поцеловала его в щёку, а потом обняла Анну Сергеевну.

— Мы так волновались, — говорила Ольга, оглядывая всех. — Дорога долгая. Бабушка пирогов напекла, ужин ждёт. Идёмте скорее, машина на стоянке.

Юра взял её за руку, и они двинулись к выходу с вокзала, мимо белых колонн и пальм, мимо людей с чемоданами и алыми гвоздиками. Поезд позади свистнул, трогаясь, и унёс профессора Киселева и его серебряную сыворотку дальше, к Чёрному морю.

Юра шёл, глядя на горы, синеющие на горизонте, на высокие небеса, и не чувствовал ни боли, ни ран, только лёгкое, щекочущее чувство новизны. В его голове начинал пульсировать новый мир — огромный, сложный, странно знакомый, словно он видел его раньше, много раз, но никак не мог вспомнить, когда.

Он не знал, что эта поездка на море станет для него последним днём детства.

Он не знал, что бабушка, глядя на него, уже увидела тот самый чёрный огонь, о котором он говорил в полусне.

Он не знал, что «Смертоносец» пробудил в нём то, что было спрятано глубоко в крови, — способность видеть не просто сны, а будущее. Своё. Чужое. Страны.

Но он знал одно: запах моря и голос сестры были сейчас важнее всего на свете. И этого было достаточно, чтобы сделать шаг вперёд — в солнечный день, в шум курортного города, в новую, ещё не написанную жизнь.

Они медленно шли к выходу с вокзала, запах морского бриза встречал его, предвещая неизбежную мутацию его ДНК. Они вышли с вокзала и увидели, как приезжие встречают своих: друзей, знакомых.

Особенно маленькому Юре понравилось наблюдать, как дети в пионерской форме встречали своих представителей из самого желанного лагеря для любого советского школьника — «Артека».

В мыслях маленького Юры была лишь одна мысль: «Поскорее бы ему самому вручили путёвку в этот лагерь». Ибо Юра за свои девять лет ещё не был пионером, но носил красный галстук, поскольку восхищался ими. Но мы отвлеклись.

Когда они вышли на стоянку, машина действительно стояла там. Это была мечта любого советского автолюбителя: ГАЗ М-20 «Победа». Нежного белого цвета, словно молочная продукция, четырёхдверная, излучающая стиль Советского Союза. Внутри на месте водителя сидел дедушка Юры — отец его матери — Всеволод Сергеевич Игнатов. Он читал газету «Правда».

Когда этот суровый советский пенсионер, прошедший закалку прошлым, сидевший с суровым офицерским взглядом и читавший газету, услышал знакомые шаги, он повернул голову и, увидев родных, преобразился. Суровость сменилась радостью от окончания долгой разлуки. Он медленно, словно со скрипом в коленях, открыл дверь и радостно раскрыл руки для долгих объятий: родной дочери, внука и зятя.

— А ну, дайте хоть поглядеть на вас, — прогудел Всеволод Сергеевич, разводя руки в стороны. — Неужели доехали?

Первой в его объятия шагнула Анна. Она уткнулась лицом в отцовскую рубашку, пропахшую табаком и одеколоном, и на секунду замерла так, словно снова стала маленькой девочкой.

— Здравствуй, пап, — тихо сказала она.

— Здравствуй, дочка. Устала?

— В поезде выпалась. А ты похудел. Опять сердце беспокоит?

— Тьфу на тебя! — дед наигранно нахмурился, но тут же подмигнул Юре. — Моё сердце крепче узлов на этой машине. Дим, здорово, боец!

Дмитрий Алексеевич, сняв кепку и вытерев лоб платком, подошёл пожать руку тестю. Их рукопожатие было крепким, мужским — с коротким, понимающим кивком.

— Здравствуйте, Всеволод Сергеевич. Хорошо выглядите.

— А ты всё такой же дипломат, Димка. Ну, давай обнимемся, что уж там.

Они обнялись сдержанно, но крепко. Дед тут же перевёл взгляд вниз, на внука, который застыл, держа в одной руке галстук, а в другой — небольшой чемоданчик. Юра смотрел на деда снизу вверх с тем же неизменным восторгом. Для него этот высокий, кряжистый человек с тяжёлым подбородком и седыми висками был живым монументом.

— Ну а ты чего застыл, пионер? — хмыкнул Всеволод Сергеевич, приседая на корточки, и его колени предательски хрустнули. — Иди к деду.

Юра бросил чемоданчик и повис у деда на шее.

— Деда, мы приехали! Я всю дорогу считал столбы за окном, уже сбился.

— Считал он. Математик, — дед пах смолистым табаком и бензином. — Галстук-то поправь. Съехал набок.

— Это я сам завязал! — похвастался Юра, пока дедушка своей большой шершавой ладонью ловко поправил узел.

— Вижу, что сам. Кривой, но от души. Готов к лагерю?

Глаза мальчика загорелись.

— Готов! Я «Смертоносца» прочитал, знаешь, деда, там такой корабль был, он...

Но Всеволод Сергеевич, услышав знакомое слово, вдруг слегка нахмурился, переглянулся с дочерью, и они о чём-то тихо переговорили друг с другом. Взгляд его стал на мгновение таким же тяжёлым, каким он смотрел в газету минуту назад. Но он тут же смягчился.

— Книжки — это дело хорошее, — сказал он, кряхтя поднимаясь. — Но море лучше книг, Юр. Ладно, грузитесь. Хватит печься на солнце.

Уложив чемоданы в багажник «Победы» и разместившись в просторном, нагретом солнцем салоне, они тронулись. Всеволод Сергеевич вёл машину уверенно, одной рукой слегка придерживая руль, а другой потирая колено — давала знать о себе старая фронтовая рана.

Они катили по солнечным, продуваемым морским бризом улицам Сочи. За окном проплывали белоснежные сталинские дома с колоннами, утопающие в зелени кипарисов и магнолий, вывески санаториев и шумные перекрёстки, где милиционер в белом кителе лениво регулировал движение. Ветер, врываясь в приоткрытые окна, трепал волосы и приносил запахи моря, бензина и цветущих акаций.

Юра, прижавшись лицом к стеклу, с едва скрываемым любопытством рассматривал город. Его взгляд цеплялся за детали: массивные балконы с лепниной, мозаичные панно на стенах, арки и переходы. Он пытался угадать, в каком году построили то или иное здание, мысленно сравнивая их с учебником по истории архитектуры.

Но больше всего его занимали люди. Рядом с машиной проезжали автобусы, полные пионеров. По голубой рубашке и красному галстуку он безошибочно угадывал в них сверстников, которые, как и он, спешили к морю. Он вглядывался в их лица: вот девчонка с бантами восторженно тычет пальцем в окно, показывая подруге море; вот мальчишка, весь сжавшийся в комок, нервно теребит ремешок чемодана — явно впервые уезжает от родителей так далеко; а вот юноша с комсомольским значком, сидящий у прохода с отрешённым видом бывалого вожатого, который везёт в лагерь уже пятый поток за лето.

Юра улыбнулся и откинулся на сиденье. Веки вдруг налились свинцом. Жара, долгая дорога, мерное покачивание машины — всё это слилось в одну убаюкивающую колыбельную. Голоса родителей и деда на переднем сиденье стали доноситься словно сквозь толстый слой ваты.

— ...нет, ты посмотри, что в газетах пишут, — доносилось сквозь дрему.

— Пап, ну хватит о политике, — мягко упрекнула Анна.

— А о чём прикажешь? О погоде?

Слова потеряли смысл, превратились в монотонный гул мотора. Юра закрыл глаза, всего на секундочку...

И вдруг звук мотора изменился. Стал громче, надрывнее. К нему примешался чужой, нарастающий гул.

Юра «увидел» перекрёсток — ярко, чётко, как в кино. Их «Победа» выезжает на зелёный свет. Слева, из арки старого дома, вылетает огромный, чёрный, блестящий капотом грузовик. Он несётся, не сбавляя скорости, прямо на них. Юра видит лицо водителя — бледное, с расширенными от ужаса глазами, который отчаянно давит на педаль, но педаль проваливается в пустоту. Тормозов нет.

Он чувствует, как напрягается тело деда, как тот машинально хочет нажать на газ, чтобы проскочить, но не успевает. Грузовик с рёвом вгрызается в левое переднее крыло...

Глава 2: Диагноз — Родители.

Юра дёрнулся, словно от удара током, и распахнул глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Никакого перекрёстка ещё не было — они ехали по прямой, залитой солнцем улице. Но ощущение надвигающейся катастрофы было настолько реальным, что он закричал звонким, ломким от страха голосом:

— Деда! Деда, пожалуйста, поверни направо! Сейчас же!

Всеволод Сергеевич вздрогнул и инстинктивно вывернул руль. «Победа», взвизгнув шинами, вильнула в узкий правый переулок, обдав пылью растущие у тротуара кусты.

— Ты что творишь?! — начал было Дмитрий Алексеевич, но его слова потонули в оглушительном, полном ужаса звуке.

Сзади, на главной улице, раздался протяжный автомобильный гудок, полный паники, скрежет металла и звон разбитого стекла. А затем — глухой, тяжёлый удар, от которого, казалось, вздрогнула сама земля.

Всеволод Сергеевич резко ударил по тормозам. Все в машине обернулись. В зеркале заднего вида было видно, как на перекрёстке, который они проехали буквально пару секунд назад, в клубах пара и пыли, уткнувшись смятым капотом в фонарный столб, замер огромный чёрный грузовик. Фонарный столб, к счастью, принял удар на себя, не дав многотонной махине влететь в автобусную остановку. Вокруг уже собиралась толпа.

В салоне «Победы» повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием.

Всеволод Сергеевич медленно, не веря, посмотрел на свои руки, сжимающие руль. Потом перевёл взгляд на абсолютно бледного внука.

— Юра... — голос его сел, стал хриплым. — Ты... ты как?..

— Я не знаю, — прошептал Юра, глядя в зеркало на хаос позади. — Я просто увидел. Увидел, как будто это уже случилось. Он не тормозил, деда. У него тормозов не было. И я... я испугался.

Анна, бледная как полотно, повернулась к сыну, схватила его за руку. Дмитрий Алексеевич снял очки и молча протирал их платком, не в силах вымолвить ни слова.

Анна, не отпуская ледяную руку сына, медленно повернула голову к мужу. Дмитрий Алексеевич перехватил её взгляд. В его глазах, обычно таких спокойных и ироничных, плескался почти первобытный ужас, смешанный с пониманием. Он перестал тереть очки и сжал их в кулаке так, что побелели костяшки пальцев.

Они оба мысленно вернулись на три часа назад, в то самое купе поезда.

— Профессор, мы слушаем, — твёрдо сказал Дмитрий, положив руку на плечо Анны.

— Проект «Смертоносец», — начал Киселёв глухо, глядя не на супругов, а в окно. — Государство думало, что создаёт идеального солдата. Это не вирус, не наркотик и не оружие

в привычном понимании. Это... эволюционный триггер. Генетическая перестройка организма, запускающая в человеке те механизмы, которые природа заблокировала за ненадобностью. Обострённая до предела интуиция, временное восприятие, при котором линейность времени — не аксиома, а лишь одна из осей координат. Субъект видит не событие, а спектр вероятностей, ведущих к гибели.

Анна побледнела. Дмитрий перебил:

— Но зачем? Для чего такие риски?

— Потому что препарат вводится только в момент клинической смерти, — отрезал Киселёв. — В этом и заключалась жестокая ирония проекта. Активировать «Смертоносца» можно лишь тогда, когда мозг осознаёт неизбежность конца. Выброс гормонов, предсмертная агония клеток служат катализатором. Девяносто девять процентов испытуемых просто не возвращались. Перестройка сжигала их нервную систему за секунды. Но те, кто возвращался... они переставали быть просто людьми. Они обретали способность обманывать саму смерть.

Киселёв снял очки и устало потёр глаза.

— Но ваш сын... Юрий...

— Что с ним? — голос Анны дрожал.

— У него врождённая мутация. Его ДНК уже изменена. Такое ощущение, что он родился, уже побывав «за гранью». «Смертоносец» — это просто ключ к замку. Но боюсь, что в его случае... замок уже открыт. Препарат, если ввести его здоровому носителю мутации, не даст ему умереть. Он просто пробудит его истинные силы. Сорвёт предохранители, которые пока сдерживают его сознание рамками обычного времени.

Сознание Анны и Дмитрия одновременно вынырнуло из душного, пропитанного страхом купе, но тяжесть услышанного не отпускала. Стук колёс, казалось, до сих пор отдавался в висках, превратившись в размеренный шум мотора. За окном автомобиля проплывали не бескрайние поля, а густые заросли самшита и кипарисов, влажный субтропический воздух сменялся сухим, прогретым соснами горным ветерком. Они въезжали в посёлок, где время текло иначе. Дорога, серпантинном взбиравшаяся вверх, вдруг выпрямилась, и взгляду открылся дом — не дача, а настоящая крепость духа, сложенная из посеребрившего от южного солнца камня.

Машина остановилась у кованых ворот, увитых плющом. Дверь открыла высокая, статная женщина с тяжёлым серебряным узлом волос на затылке. Это была Елизавета Андреевна, мать Анны, но все вокруг — и стар, и млад — звали её просто бабушкой Лизой. Её глаза, такого же глубокого серого оттенка, как у дочери, мгновенно считали напряжение, повисшее в воздухе.

— Приехали, — тихо сказала она, не спрашивая, а утверждая очевидное. Она не бросилась с объятиями, лишь крепко, по-мужски пожала руку Дмитрию и прижала к себе Анну, задержав ладонь на её голове чуть дольше обычного. — Всеволод Игнатович в кабинете. Ждёт.

Дом встретил их запахом старых книг, сушёных трав и моря. Маленький Юра, который всю дорогу хныкал, не в силах понять тревоги матери, вдруг затих, едва переступив порог. Ему казалось, что сам воздух здесь звенит, как натянутая струна, а тени в углах живут своей, тайной жизнью. Поздний ужин прошёл почти в молчании. Взрослые обменивались короткими, ничего не значащими фразами, но Юра, несмотря на возраст, чувствовал фальшь. Он ковырял ложкой гречневую кашу и искоса поглядывал на деда, Всеволода Игнатовича, чей профиль с горбатым носом и клинышком седой бороды напоминал ему портреты древних мудрецов из книжки с картинками.

Ночь в горах наступает стремительно. Мальчика уложили в маленькой угловой комнате на втором этаже. Окно было распахнуто настежь, и ветер играл кисейной занавеской. Но сон не шёл. Юра ворочался, прислушиваясь к стрекоту цикад за окном. Ему было душно, страшно и любопытно одновременно. В доме стояла та особенная, звенящая тишина, которая предшествует грозе или очень важному разговору.

Вдруг сквозь эту тишину прорезался звук. Не ветер и не скрип половиц. Низкий, вибрирующий гул мужских голосов. Дед и отец. Юра сел на кровати, сердце его бешено заколотилось. Он понимал, что подслушивать нехорошо, но неведомая сила, исходившая, казалось, от самого дома, заставила его спустить босые ноги на прохладные доски пола. Он бесшумно, как учил его отец в их играх «в разведчиков», прокрался по коридору и замер у приоткрытой двери библиотеки.

Свет от камина падал на ковёр длинными оранжевыми полосами. Голос деда, Всеволода Игнатовича, звучал глухо, но каждое его слово впечатывалось в сознание мальчика.

— ...Вы приехали, потому что чувствуете беду, и чутьё вас не обмануло, — говорил дед, и в его тоне не было вопроса, только горькая констатация факта. — Киселёв раскрыл вам суть «Смертоносца», но он знает лишь прикладную, биологическую часть. Это как знать химический состав пороха, но не ведать, зачем человек спускает курок.

Дмитрий стоял у камина, опершись рукой о каменную кладку. Анна сидела в кресле, закутавшись в шаль.

— Папа, хватит загадок, — резче, чем хотелось, произнесла Анна. — При чём здесь Юра? При чём здесь препарат?

— При том, что «Смертоносец» — этот проект стал попыткой исправить ошибку, — отчеканил Всеволод Игнатович, поднимаясь с кресла. Он подошёл к секретеру и извлёк оттуда старую, обтянутую кожей папку. — Жалкая попытка исправить то, что уже создано природой. Речь идёт о том, о чём ты, Аня, знаешь лучше, чем думаешь. «Феникс».

В комнате повисла такая тишина, что Юра услышал, как потрескивают дрова в камине. Дед продолжил:

— Ты помнишь Яну, сестру твою? Не тот образ светлой девочки, что остался на старых фотографиях, а ту Яну, что была в тот день на батарее?

Анна вздрогнула, словно от удара током.

— Не смей. Я похоронила эти воспоминания.

— А придётся воскресить, — дед говорил жёстко, но в глазах его стояла боль. — То, что случилось с Яной Сергеевной под тем миномётным обстрелом у «Катюш», не было простым героизмом. Это была активация. Спонтанная, страшная, но именно та, что описана в наших старых, ещё довоенных дневниках.

Маленький Юра прижался лбом к дверному косяку, боясь дышать. Он плохо понимал, о чём речь, но имя тёти Яны, портрет которой висел в гостиной, заставило его замереть. Тётя Яна, которая погибла на войне. Дед рассказывал, что она закрыла собой командира, когда осколки накрыли расчёт «Катюши».

— Твой Киселёв ищет ключ к «Смертоносцу», — продолжал Всеволод Игнатович, обращаясь к Дмитрию. — Он думает, что клиническая смерть — это ворота. Но это лишь щель в них. Яна шагнула в эти ворота целиком, сознательно, отдавая жизнь за других. Её дар — видеть смерть, видеть вероятности — не был химической реакцией. Это был зов крови. И этот зов, Аня, течёт в жилах твоего сына.

Дмитрий резко выпрямился, заслонив собой свет камина.

— Вы хотите сказать, что Юра... унаследовал способности Яны? Что та мутация, о которой говорил Киселёв, — это и есть «Феникс»?

— Да, — тихо ответил старик. — Вы привезли его сюда, подальше от лабораторий. Правильно сделали. Потому что если препарат вколоть обычному человеку — он сгорит. А если его ввести Юре... он не просто выживет. Сознание, которое уже сейчас с трудом удерживается в рамках линейного времени, расправится. Он перестанет видеть разницу между «вчера», «сегодня» и «завтра». Он застрянет в вечном моменте предсмертия, как застряла Яна, когда, умирая, одновременно видела и взрыв, и нас, и будущее, которое мы не можем себе вообразить.

В коридоре раздался тихий стук. Это Юра, не справившись с дрожью в ногах, задел плечом вешалку. Разговор в библиотеке мгновенно смолк. Тяжёлые шаги отца зазвучали ближе. Дверь распахнулась шире, и на пороге возникла высокая фигура Дмитрия. Он посмотрел на сына сверху вниз, на его испуганное, бледное в лунном свете лицо. Вместо гнева в глазах отца плескалась невыносимая, щемящая тоска.

— Иди спать, сынок, — голос Дмитрия дрогнул, он подхватил Юру на руки, прижав к груди так, словно хотел спрятать от всего мира. — Это просто гром. Где-то далеко идёт война, которой для тебя нет. И не будет.

На следующее утро...

Солнце вломилось в окна старого дома так, словно решило выжечь все ночные страхи без остатка. Юра проснулся с чувством прекрасно выспавшегося человека и не помнил, что было прошлой ночью. Только сон, странный, тягучий, ещё таял на краю сознания — будто он стоял босиком на тёплом песке и смотрел на море, которое почему-то пахло оружейным порохом. Но стоило открыть глаза, и сон ушёл, растворился в запахе свежей выпечки, поднимавшемся с первого этажа.

Когда Юра, наспех умывшись и натянув лёгкую льняную рубашку, спустился вниз по скрипучей деревянной лестнице, вся семья уже сидела на увитой диким виноградом веранде. Стол ломился от утреннего изобилия: пышные оладьи с мёдом, творог с прошлогодним абрикосовым вареньем, тонко нарезанное копчёное сало и огромный, пузатый самовар, который мама торжественно водрузила в центр стола.

— Доброе утро, соня, — Анна улыбнулась сыну, и ни одна морщинка не выдавала на её лице вчерашнего напряжения. Она сидела, закутавшись всё в ту же шаль, но теперь та выглядела не защитой от ледяного ужаса, а уютным домашним аксессуаром. — Как спалось?

— Отлично! — бодро отрапортовал Юра, пристраиваясь на стул рядом с отцом. Дмитрий, уже одетый в светлую полотняную рубашку с закатанными рукавами, коротко взъерошил сыну волосы. От него пахло одеколоном и немного табаком. Он посмотрел на Юру тем самым долгим, изучающим взглядом, каким обычно врачи смотрят на пациентов, но тут же отвёл глаза и потянулся за чашкой чая.

— Жара сегодня будет, — заметил Дмитрий, кивая на безоблачное, выцветшее от зноя небо. — Градусов тридцать, не меньше.

— Самое то, чтобы на речку! — оживился Юра, прихлёбывая горячий, сладкий чай. — Пап, мам, ну пожалуйста! Пока погода позволяет. В прошлый раз мы ту излучину нашли, где песок как сахар. Глубина там хорошая, я проверил!

Анна переглянулась с Дмитрием. Во взгляде отца промелькнула тень — та самая, вчерашняя, — но он быстро замаскировал её лёгкой улыбкой.

— А что, — протянул он, — хорошая идея. Всё равно к обеду здесь будет как в печке. Искупаемся, а заодно проверим, не разучился ли ты плавать.

— Я?! — возмутился Юра. — Да я лучше тебя кролем иду!

— Ну, это мы ещё посмотрим, — усмехнулся Дмитрий.

Из дома, стуча тростью по половицам, вышел Всеволод Игнатович. Сегодня он выглядел иначе — не вчерашним суровым пророком, вещающим о роковых тайнах, а обычным дачным дедом, в старой соломенной шляпе и просторной ситцевой рубашке навыпуск. Только вот папка, обтянутая кожей, уже не лежала на секретере. Секретер был заперт, и ключ, кажется, висел теперь на шее у деда, спрятанный под воротником.

— На реку собрались? — дед присел на свободный стул, с видимым удовольствием принимая от Анны чашку дымящегося чая. — Правильно. В такую погоду сидеть дома — грех.

— Дедушка, а ты с нами? — спросил Юра.

— Нет, голубчик. Я уже для таких заплывов староват. Но пока вы будете плескаться, я займусь делом не менее важным. Обед надо готовить, а то вернётесь голодные, как волчата, и съедите меня самого.

Юра засмеялся, представляя, как ест дедушку. Анна улыбнулась, но улыбка вышла чуть натянутой.

После завтрака начались сборы — суетливые и радостные. Анна собирала корзину: большое вафельное полотенце, запасную одежду для Юры, бутылку домашнего кваса в стеклянной бутылке, завернутой в мокрую тряпку, чтобы не нагрелась. Дмитрий надувал старую автомобильную камеру, превращённую в импровизированный круг для плавания, и проверял, не спускает ли она.

А Юра тем временем крутился вокруг деда. Всеволод Игнатович вышел во двор, в летнюю кухню, представлявшую собой простой дощатый навес с огромным столом и старым очагом. На столе уже выстроились глиняные плошки, пучки свежей зелени и большой кусок свиной вырезки, накрытый марлей.

— Смотри и учись, Юрка, — важно проговорил дед, закатывая рукава. — Это тебе не просто шашлык. Это — искусство. Маринад по-сочински. Рецепт моего старого друга, армянина из Гагр. Он этим секретом ещё с турецких времён владел.

Юра с любопытством наблюдал за священнодействием. Дед взял большую стеклянную банку и начал колдовать. Сначала он налил туда стакан гранатового сока — густого, тёмно-рубинового, собственноручно выжатого из плодов, что росли в их саду.

— Кислота, видишь? — пояснил он. — Она волокна размягчает. Но одной кислоты мало. Теперь масло.

Он добавил оливкового масла — чуть-чуть, буквально две ложки.

— Масло — оно проводник. Через него в мясо войдут все ароматы.

Дальше в ход пошли специи. Дед не мельчил, не отмерял по граммам — бросал щедро, на глаз. Крупная каменная соль, свежемолотый чёрный перец, сладкая паприка. Затем он взял луковичу, разрезал её на четыре части и вместе с шелухой бросил в банку.

— Шелуха цвет даст, золотистый, — подмигнул он Юре. — Но главный секрет — вот!

И он извлёк откуда-то из-под стола пузатую бутылку с мутноватой жидкостью. Это была чача. Дед плеснул граммов пятьдесят, не больше, и над летней кухней поплыл терпкий, крепкий виноградный дух. Последним штрихом стал пучок свежей кинзы и несколько раздавленных зубчиков чеснока.

— Всё, — Всеволод Игнатович бережно опустил куски мяса в это ароматное месиво и принялся массировать их руками, втирая маринад в каждую прожилку. — Теперь пусть стоит. Через три часа это будет не мясо, а песня. Когда вернётесь с речки, я как раз угли разведу.

Юра сглотнул слюну, уже представляя шипящий, истекающий соком шашлык.

— Здорово! — выдохнул он.

— Ну, всё, пловец, — раздался со двора голос Дмитрия. — Квас взяли, полотенца взяли. По коням!

Дорога к реке шла через старый яблоневый сад, потом спускалась по меловому склону к густым зарослям ракитника. Воздух уже звенел от зноя. Где-то в траве неумолчно трещали цикады.

Юра бежал впереди родителей, размахивая корзинкой, и не знал, не помнил, не догадывался о том, какой разговор остался в библиотеке, запёртый вместе с кожаной папкой. Он просто знал, что впереди — искрящаяся на солнце вода, горячий песок и беззаботный день.

Анна шла медленно, опираясь на руку мужа. Она смотрела на спину сына, на его вихрастый затылок и смешные, по-мальчишески торчащие лопатки, и думала о том, что «Феникс» — красивое слово. Но она помнила Яну. И знала, что огонь, из которого восстаёт Феникс, сжигает дотла.

— Дима, — тихо сказала она, когда Юра скрылся за поворотом. — Мы справимся? Дмитрий сжал её ладонь. Ответил не сразу.

— У нас нет выбора, — сказал он наконец. — Мы должны верить, что наш сын — просто мальчик. Хотя бы сегодня. Хотя бы сейчас.

Впереди, из-за деревьев, уже блеснула река, и Юра, добежав до берега, издал восторженный вопль, эхом разлетевшийся над водой.

Война, секретные лаборатории, клиническая смерть и дар, который был страшнее любой мутации, — всё это осталось там, за плотно закрытой дверью кабинета. А здесь был летний день, жара и обещание самого вкусного в мире шашлыка по-сочински. И Юра, конечно же, ничего не помнил.

Но, как течёт песок в песочных часах, время с момента событий пошло вперёд.
Сентябрь 1961 года.

Пять лет пролетели как одно жаркое лето. Юре исполнилось двенадцать, и от того вихрастого мальчишки, что бежал к реке с корзинкой в руках, почти ничего не осталось. Теперь это был угловатый, вытянувшийся подросток с острыми коленками, вечно ободранными локтями и серьёзным не по годам взглядом серых глаз. Семья давно перебралась с дачи обратно в город, в старую профессорскую квартиру с высоченными потолками и бесконечными книжными шкафами. Дед Всеволод Игнатович занимал самую дальнюю комнату, превращённую в подобие лаборатории — с микроскопом, колбами и картами звёздного неба на стенах.

Школа, в которой учился Юра, носила имя какого-то героя Гражданской войны и стояла на перекрёстке двух шумных улиц. Старое кирпичное здание с толстыми стенами и узкими окнами-бойницами, внутри пропахшее казённым мелом и мастикой для полов. Именно здесь, в пионерской комнате, увешанной красными флагами и портретами вождей, решалась судьба Юры.

— Не можем мы его принять, — старшая пионервожатая, грузная женщина с пучком седых волос и усталым лицом, развела руками. Перед ней лежала характеристика на Юру, исписанная мелким, убористым почерком классной руководительницы. — Посмотрите сами, Анна Сергеевна. Успеваемость отличная, тут спору нет. Мальчик способный, даже талантливый. Но...

Она замялась, подбирая слова.

— Что «но»? — голос Анны звучал ровно, но пальцы, сжимавшие ремешок сумки, побелели.

— Он... странный, — выпалила вожатая. — Дети его сторонятся. Учителя жалуются. Нет, он не хулиганит, не грубит. Но с ним неуютно. Говорят, он смотрит так, будто насквозь видит. И эти его припадочки...

— Это не припадочки, — резко оборвала Анна. — Это последствия тяжёлой болезни в раннем детстве. У нас есть все медицинские справки. Эпилепсией он не страдает, для окружающих не опасен.

— Да я понимаю, понимаю, — закивала вожатая. — Но вы поймите и нас. Пионер — он всем ребятам пример. А Юра ваш... Он на прошлой неделе на уроке биологии сказал учительнице, что у неё *stones in gallbladder*. Это ведь по-английски, да? Камни в жёлчном пузыре. И ведь прав оказался — через три дня Марью Петровну в больницу увезли. А откуда он знал? А в прошлом месяце подошёл к девятикласснику Сомову и сказал: «Не садись сегодня на мотоцикл». Тот посмеялся, сел — и в тот же вечер в аварию попал. Жив остался, но ногу сломал. Дети теперь его колдуном зовут. Шепчутся за спиной. Какое уж тут пионерское движение...

Анна молчала. В висках стучало. Она вспоминала тот день на реке, пять лет назад. Вспоминала, как Юра, накупавшись до посинения, вдруг замер на песке и сказал, глядя куда-то сквозь отца: «Пап, а почему у тебя в груди светится красная точка? Она раньше меньше была». Дмитрий тогда отшутился, но через два года та самая «красная точка» оказалась опухолью,

которую, слава богу, успели вырезать вовремя. И как забыть тот вечер, когда Юра подошёл к деду и тихо спросил: «Дедушка, а кто такая Яна? Она стоит за твоей спиной и плачет. У неё очень длинные мокрые волосы». Всеволод Игнатович тогда посерел лицом и заперся в своей комнате на два дня.

— Я поняла вас, — Анна поднялась со стула. — Всего доброго.

Дома её ждал Дмитрий. Он поставил чайник и молча слушал сбивчивый рассказ жены, нервно постукивая пальцами по столу.

— Отказали, значит, — подытожил он. — Этого следовало ожидать. Пионерская организация — это ведь не только галстук и значок. Это идеология. А наш сын, со своим даром, в их стройные ряды никак не вписывается. Он видит то, чего видеть не положено. Чувствует то, что наука объяснить пока не может. Кому понравится, что рядом ходит ребёнок, который видит твои болезни, твои тайные страхи и, прости господи, твоих мёртвых родственников?

— Что же нам делать? — Анна опустилась на стул. — Он так хотел в пионеры. Галстук, горн, походы... Он будет спрашивать, почему его не приняли. Что я ему скажу?

— Правду, — вдруг раздался голос из коридора. Всеволод Игнатович стоял в дверях, опираясь на свою неизменную трость. — Хватит лжи. Мальчику двенадцать. Дар, который спал, пробуждается. И чем дальше, тем сильнее. Вы думали, что переезд, школа, новые друзья — это поможет? Наивные. «Феникс» не отменишь сменой обстановки. Это не болезнь. Это эволюционный скачок. Другое зрение. Другое восприятие ткани мироздания. И теперь мы должны научить его этим управлять, пока дар не свёл его с ума или не погубил.

Глава 3: Охота на крота.

В этот момент хлопнула входная дверь. Юра вернулся из школы. Он вошёл в кухню — взъерошенный, с портфелем наперевес — и сразу почувствовал напряжение, повисшее в воздухе.

— Что случилось? — спросил он, переводя взгляд с матери на отца, с отца на деда. — Опять из-за меня?

Анна хотела что-то сказать, но дед жестом остановил её.

— Юрий, — сказал он негромко. — Сядь. Разговор есть. Серьёзный. О тебе. О том, что ты видишь. И о том, почему тебя не берут в пионеры.

Юра медленно опустился на табурет. Сердце его забило быстрее. Он знал, что этот день настанет. Он давно догадывался, что он — другой. И теперь, глядя в мудрые, чуть грустные глаза деда, он вдруг понял: то, что случилось с ним в далёком детстве и о чём он ничего не помнил, было лишь началом.

Где-то в недрах старого секретера, запертого на ключ, ждала своего часа папка с грифом «Феникс». А за окном разгорался обычный летний вечер — с запахом пыли и цветущих лип, с далёкими гудками трамваев и смехом детей во дворе. Только для Юры этот вечер был последним вечером обычного детства. Завтра должна была начаться новая жизнь.

И где-то там, впереди, маячила пионерская линейка, на которой ему уже никогда не суждено было стоять в ровном, как штык, строю. Потому что такие, как он, не ходят строем. Они летят. Сквозь огонь. Сквозь время. Сквозь саму смерть. Как Феникс.

— Нам надо для блага самого Юры и спасения его жизни обсудить сейчас всем присутствующим вопрос о помещении нашего с тобой сына в психиатрическую больницу, — сказал холодным, но с явным сомнением в голосе Дмитрий.

— В психиатрическую? — голос Анны сорвался на крик. — Ты спятил, Дима!

Дмитрий стоял, привалившись спиной к дверному косяку, скрестив руки на груди. Лицо его казалось застывшей маской — ни кровинки, одни острые тени от кухонной лампы.

— А что ты предлагаешь? Ждать, пока соседи донесут, что у нас ребёнок с чертовщиной? Или пока он сам не натворит такого, что в тюрьму, а не в больницу?

— Это не чертовщина, — сухо вставил Всеволод, но Дмитрий будто и не слышал.

— Ты сама посуди, Аня. Клиника Сербского, или куда там сейчас кладут... Там специалисты. Врачи. Светила науки. Они посмотрят, снимут энцефалограмму, разберутся. Может, это действительно какая-то особая форма эпилепсии. Может, опухоль, как у меня тогда. Может, это всё лечится, понимаешь? Таблетками, процедурами, режимом. И Юрка станет нормальным ребёнком. Обычным. Без этих его... — он запнулся, подбирая слово попримичнее, — видений.

— Нормальным? — Анна шагнула к мужу вплотную. В её глазах блеснули слёзы, но голос звучал твёрдо. — Ты сам-то в это веришь? Ты помнишь, что он сказал про твою опухоль? За два года до того, как её нашёл профессор Левин на рентгене. Два года, Дима! Если бы не он, тебя бы уже закопали. И вместо благодарности ты хочешь упрятать его в психушку?

— Это не психушка, это диагностическое отделение! — Дмитрий ударил ладонью по столу так, что подпрыгнула сахарница. — Я хочу понять, что с моим сыном! Я хочу ему помочь, а не молиться на него, как на святого! Дед вон уже договорился до эволюционного скачка. А мне сын нужен, понимаешь? Живой, здоровый сын, который пойдёт в институт, а не сгорит, как спичка, от этого проклятого дара. Ты вспомни, что с ним бывает после этих видений: лежит пластом, ни рукой, ни ногой пошевелить. Это нормально, по-твоему?

Всеволод Игнатович поднялся, тяжело опершись на трость. Половица под ним скрипнула, и этот звук оборвал спор, как удар гонга.

— Ты закончил? — спросил старик спокойно. — Тогда слушай сюда, Дмитрий. Ты инженер, человек точных наук. Ты привык верить приборам и цифрам. Это похвально. Но скажи мне, положи руку на сердце: ты действительно веришь, что электроэнцефалограф способен зафиксировать то, что происходит в мозгу у твоего сына? Ты действительно думаешь, что врачи в клинике, которые всю жизнь лечат шизофрению и маниакальные психозы, поймут, с чем столкнулись? Да они залечат его нейролептиками так, что от дара останется овощ на инвалидной коляске. Это и есть твоё «для его же блага»?

— Но ведь есть же методики... — начал Дмитрий неуверенно.

— Есть. В закрытых институтах, о которых ты никогда не слышал и не услышишь. И работают там не психиатры, а совсем другие люди. И поверь моему опыту: попасть к ним — это билет в один конец. Обратного не возвращают ни дара, ни разума. Ты этого хочешь для внука?

Дмитрий молчал, глядя в пол. Желваки ходили на скулах. Анна беззвучно плакала, прижав к губам кухонное полотенце.

— Я не чудовище, — проговорил он наконец глухо. — Я просто боюсь. Боюсь, что однажды он увидит что-то такое, что ему не положено, и просто не вернётся. Уйдёт туда, за грань, и мы его потеряем. Я не хочу терять сына.

— Поэтому ты предлагаешь потерять его прямо сейчас? — тихо спросила Анна. — Сдать в больницу и подписать бумаги? «Социально опасен»? «Не поддаётся коррекции»? Ты знаешь, какие диагнозы они пишут, если не могут объяснить феномен? «Вялотекущая шизофрения». И всё, Дима. Клеймо на всю жизнь. Армия, институт, работа — ничего этого не будет. Будет учёт в диспансере и сочувственные взгляды соседей. Это благо?

— Хватит, — голос деда прозвучал как приказ. — Никаких больниц. Никаких обследований. Мальчик останется дома. Я беру ответственность на себя. У меня есть кое-какие связи и кое-какие знания, о которых вам лучше пока не знать. Я сам займусь его обучением. И если ты, Дмитрий, попробуешь что-то предпринять за моей спиной — пеняй на себя.

В кухне повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим всхлипыванием Анны да мерным тиканьем ходиков над дверцей буфета. Юра сидел ни жив ни мёртв, вцепившись побелевшими пальцами в края табурета. Слова, которые он услышал, были страшнее любых дворовых дразнилок и косых взглядов. Психушка. Диагноз. Учёт. Он знал, что он не псих, но страх ледяной змеей скользнул за воротник. А ну как взрослым виднее?

Дед, так и не притронувшись к остывшему чаю, тяжело поднялся и ушёл в свою комнату, плотно притворив дверь. Слышно было, как звякнул ключ, отпирающий заветный секретер с

папкой «Феникс». Дмитрий, не проронив больше ни слова, махнул рукой и ушёл в прихожую, где долго и ожесточённо шуршал плащом, а затем громко хлопнул дверью, заставив задребезжать стёкла в серванте.

Неделя минула в тягучем, вязком молчании. Дома разговаривали мало и только по делу. «Передай хлеб». «Вынеси ведро». Слова стали колючими, как сухой репейник. Юра старался лишний раз не попадаться отцу на глаза, а мать только молча гладила его по голове, глядя куда-то в стену заплаканными глазами. Дед же, напротив, стал чаще звать Юру к себе. Они подолгу сидели в его комнате, пахнувшей табаком и старыми книгами, и Всеволод Игнатович рассказывал странные вещи. О свойствах человеческой памяти, о границах восприятия, о том, что на свете есть куда больше тайн, чем описано в учебнике физики.

В школу идти не хотелось. Там была пионерская линейка, на которую его не взяли. Одноклассники, ещё вчера галдевшие с ним на переменах, теперь замолкали при его приближении. Вожатая Зинаида Павловна смотрела с холодным подозрением. Юра чувствовал себя мишенью в тире, и каждый взгляд был выстрелом.

В тот день уроки закончились, и он брёл домой один, нарочно отстав от шумной стайки ребят. У школьных ворот, возле старого дуба с потрескавшейся корой, стояла чёрная «Волга» — машина сама по себе редкая и приметная. Юра поравнялся с ней, собираясь свернуть в проулок, как дверца машины мягко открылась, преграждая ему путь.

На тротуар вышли двое. Не милиционеры — те носят форму. Не военные — хоть выправка у обоих была та ещё. Одеты они были как-то странно: строгие серые костюмы, белые рубашки, галстуки не кричащих расцветок, но всё сидело на них будто с чужого плеча, неестественно правильно, словно они не привыкли к гражданской одежде. От первого, коренастого, с лицом, будто вырубленным из твёрдого дерева, веяло холодом. Второй, что помоложе, сухощавый, в очках без оправы, наоборот, старался улыбаться, но улыбка получалась механической, как у манекена.

— Юрий Дмитриевич? — негромко спросил коренастый, заступая дорогу так, что не обойдёшь.

— Я, — голос у Юры дрогнул. Он машинально прижал к груди портфель, словно тот мог служить щитом. — А вы кто?

— Фамилии ни к чему, — сухощавый снял очки, протёр их ослепительно белым платком и водрузил на место, буравя мальчика острым взглядом. — Достаточно того, что мы слышаны о твоих способностях.

Внутри у Юры всё оборвалось. «Донесли, — мелькнула паническая мысль. — Отец был прав. Сейчас схватят и в психушку».

— Я не понимаю, о чём вы, — пролепетал он, пытаясь обойти коренастого, но тот неуловимым движением снова оказался на пути.

— Не надо, Юра, — вкрадчиво произнёс сухощавый, и его бескровные губы снова растянулись в улыбке-щели. — Мы представляем одно ведомство. Тебе не нужно бояться. Мы не из больницы и не из милиции.

— Мы из Комитета, — коротко бросил коренастый, и слово это упало, как свинец.

КГБ. В сознании Юры это слово было окутано туманом из бабушкиных пересудов, обрывков радиопередач и пугающих фраз о «там, где надо». Он стоял, парализованный, чувствуя, как летняя пыль набивается в горло.

— Мы наблюдали за тобой некоторое время, — продолжил сухощавый, понизив голос и чуть наклонившись к нему. — То, что ты не стоишь на пионерской линейке, для нас, поверь, скорее плюс, чем минус. Твоя... особенность... представляет огромный интерес. Государственный интерес.

— Мы здесь не для того, чтобы тебя обидеть, — добавил коренастый, но в его стальном голосе забота звучала как угроза. — Напротив. У нас есть к тебе предложение. Очень серьёзное. Такое, которое меняет всю жизнь.

— Какое предложение? — выдохнул Юра, чувствуя, как противно заныло где-то под лопаткой.

— Сейчас раскрывать детали мы не уполномочены, — сухошавый поправил галстук. — Время неподходящее, да и место тоже. Но могу сказать одно: твой дар можно поставить на службу. На очень важную службу. Тебе не придётся больше прятаться, бояться косых взглядов или жалеть, что ты не такой, как все. Мы дадим тебе цель. Знания, о которых твой дед, — он кивнул куда-то в сторону дома, и Юра вздрогнул, поняв, что эти люди знают и про деда, — даже не догадывается.

— Мы придём завтра, — отрезал коренастый, кинув быстрый взгляд на часы. — К вам домой. В девятнадцать ноль-ноль. К этому времени ты должен быть с родными. Разговор будет ко всем. И Юрий... — он впервые прямо посмотрел мальчику в глаза, и Юра увидел в них не жестокость, а странную, пугающую правду, — ...не вздумай сбежать. Это бесполезно. И вредно для твоего здоровья.

Они повернулись и, не прощаясь, сели в чёрную «Волгу». Мотор заурчал мягко и мощно, и автомобиль скрылся за поворотом, оставив после себя лишь сизое облачко выхлопного газа.

Юра стоял, не в силах двинуться с места. «Ведомство... Государственный интерес... Завтра...» Слова обжигали сознание. Отец предлагал упрятать его в психушку, дед — тайно учить непонятной премудрости, а теперь и эти, из Комитета, с их холодной вежливостью и предложением, от которого нельзя отказаться.

Словно во сне он дошёл до подъезда, поднялся по лестнице и толкнул незапертую дверь квартиры. В кухне горел свет. Мать сидела за столом, а перед ней стоял Дмитрий — бледный, сжимающий в руке какую-то бумажку. Дед стоял у окна, и лицо его было мрачнее тучи.

— Юра, — голос отца дрогнул. — Ты вовремя. У нас опять гости.

Он протянул сыну листок. Это был не повестка и не справка. На плотной, чуть желтоватой бумаге казённого образца было всего две строки, отпечатанные на машинке:

«Завтра. 19:00. Быть всем дома».

И внизу вместо подписи — маленькая, будто вдавленная в бумагу, эмблема щита и меча.

Но когда мысли более улеглись в его голове, ему стало интересно: кто именно рассказал самому КГБ о его даре?

— Объяснение только одно: среди моих одноклассников или информатор КГБ, или, что ещё хуже, посланный шпион, — вертелась данная мысль у Юры в голове.

Мысль, поначалу острая и холодная, как лезвие, теперь свербила, не давая покоя. Шпион. Крот. Кто-то из тех, с кем он сидит за одной партой, списывает контрольные, толкается в буфете, — кто-то из них сдал его людям с эмблемой щита и меча. Юра прокручивал в голове лица одноклассников, словно кадры диафильма, пытаясь уловить фальшивую ноту, скрытый жест, взгляд, брошенный не вовремя.

Сергей Лютый, верзила с окраины, чей отец работал на мясокомбинате. Этот бы не смог — слишком прям, слишком прост. Если бы заподозрил что-то, то не писал бы рапорты, а прижал бы в туалете, требуя «поколдовать» на спор. Нет, не он.

Ленка Свиридова, комсорг, отличница с вечно поджатыми губами и глазами-буравчиками. Слишком очевидный вариант. Она доносила на всех и вся с чувством глубокого морального удовлетворения, но её доносы касались сигарет в туалете или невыученного урока политинформации. В «сверхъестественное» Ленка не верила принципиально, считая всё это мракобесием. Если бы Юра при ней начал двигать предметы силой мысли, она бы не поверила своим глазам и потребовала бы научного объяснения. Исключено.

Мишка Корнеев, толстяк и фантазёр, который вечно таскал с собой потрёпанные номера «Техники — молодёжи» и бредил телекинезом. Он, наоборот, если бы узнал, ходил бы за Юрой как приклеенный, с восторженным шёпотом и просьбами «ну покажи ещё разочек». Но в его глазах Юра видел лишь чистый, незамутнённый энтузиазм. Если бы Мишка был стукачом, то давно бы проговорился — фантазия у него была бурная, а вот умения врать никакого.

Юра перебирал в памяти день, когда всё случилось. Тот самый случай в школьном коридоре на перемене. Его случайно толкнули, книги полетели на пол, а одна из них, учебник по физике, словно нехотя, воспарила на сантиметр над линолеумом, прежде чем упасть. Это длилось долю секунды, но он точно помнил удивлённый шёпот за спиной. Кто там стоял? Пашка Громов, Лена Григорьева и... Игорь Стеклов.

Игорь. Юра замер у окна своей комнаты, глядя невидящим взглядом в тёмный двор. Тихоня, серая мышь, которого никто не замечал. Он всегда сидел на последней парте у окна, рисовал в блокноте и практически ни с кем не разговаривал. Юра напряг память, пытаясь вспомнить о нём хоть что-нибудь. Перевёлся к ним в седьмом классе. Жил с матерью, учительницей музыки. Был болезненно бледным, часто пропускал уроки. Однажды на субботнике он порезал палец осколком бутылки, и из ранки потекла кровь. Обычная, алая кровь. Но лицо Игоря тогда исказилось не от боли, а от какой-то загнанной, потаённой паники. Он не позволил школьной медсестре обработать рану, сбежал домой.

Деталь, деталь. Но цепляется ли она? Юра вспомнил другое. Несколько раз он ловил на себе взгляд Игоря — не любопытный, не насмешливый, а оценивающий, изучающий. Словно тот вёл какое-то внутреннее досье. А однажды в библиотеке Юра взял с полки ветхий справочник по психиатрии — готовил реферат по психологии — и увидел, как Игорь чуть заметно вздрогнул, оторвав взгляд от своего блокнота. Тогда Юра списал всё на совпадение. Мало ли кто на что смотрит.

Теперь же в его голове все эти мелочи, эти песчинки обыденности, вдруг начали срастаться в зловещий узор. Но было ли это доказательством? Никаких. Ни единого факта. Только подозрения, призрачные и липкие, как паутина в тёмном углу. Игорь мог быть просто нелюбимым, просто странным, просто болезненным мальчиком. А мог быть тем, кто сообщил куда следует о странном ученике, у которого учебники иногда забывают падать.

Подтверждения не было. Как не было и оправдания. Только мутное, тревожное пятно на периферии сознания, которое Юра теперь рассматривал пристально, словно пытаясь разглядеть в бесформенной кляксе очертания щита и меча. Эта неизвестность мучила едва ли не больше, чем сам визит людей из Комитета. Потому что визит был фактом, уже свершившимся злом, а Игорь Стеклов — неразрешимой загадкой, которая таилась рядом, на расстоянии вытянутой руки, и улыбалась своей тихой, бесцветной улыбкой.

На следующий день

Юра проснулся с гудящей, будто чугунной головой. Сон был рваным, наполненным тенями и шёпотом. Утро встретило его серым, ватным небом за окном и ощущением затишья перед бурей. Он машинально оделся, позавтракал, почти не чувствуя вкуса еды, и пошёл в школу. Мысль жуткая и тянущаяся — выяснить правду — гвоздём сидела в мозгу. Ему необходимо было увидеть Игоря. Заглянуть в его бесцветные глаза, поймать реакцию, хоть как-то подтвердить или опровергнуть свою догадку. Иного пути не было.

Школьный двор встретил его привычным гомомом. Малыши носились друг за другом, старшеклассники курили за углом спортзала, Ленка Свиридова, вздёргнув подбородок, тащила в школу огромный транспарант. Всё как всегда. Только сам Юра чувствовал себя чужим на этом празднике обычной жизни.

Он высматривал Игоря в толпе у вешалок, но безуспешно. Тогда, стараясь ступать как можно тише, он поднялся на второй этаж и заглянул в кабинет физики. Игоря не было и там. Его место за последней партой у окна сиротливо пустовало.

Внезапно звякнул звонок, заставив Юру вздрогнуть. Он поплёлся в свой класс, чувствуя, как разрастается внутри гнилое, тягостное разочарование. Неужели Стеклов почуял неладное и исчез?

В классе стоял привычный гул. Юра сел за свою парту, рассеянно разложил учебники. До начала урока оставалась минута, когда дверь отворилась и на пороге возникла классная руководительница, Маргарита Павловна, — сухопарая женщина с безупречной химической завивкой и массивной брошью на строгом жакете. В руках она держала классный журнал и какую-то бумагу.

— Тихо, дети! — её резкий голос перекрыл шум. — Сели все по местам.

Она обвела класс привычно-цепким взглядом и остановилась на Юре. Что-то дрогнуло в её лице — не жалость, нет, скорее любопытство, смешанное с плохо скрываемой неприязнью.

— Бойко, — произнесла она, и её голос эхом разнёсся по притихшему классу, — задержись, пожалуйста, после урока. А остальные — открываем тетради.

Весь урок Юра сидел как на иголках. Он чувствовал на себе взгляды — украдкой бросаемые, любопытные, от Ленки так и вовсе сверлящий. Он пытался писать, но ручка выводила лишь бессвязные каракули. Когда прозвенел звонок и одноклассники, гремя стульями, потянулись в коридор, он остался на месте.

Маргарита Павловна дождалась, пока класс опустеет, и, поджав губы, жестом подозвала его к учительскому столу.

— Юрий, — начала она, тщательно выговаривая слова и не глядя ему в глаза, — у меня для тебя распоряжение от директора. От завуча, если точнее. На основании... — она замаялась на мгновение, подыскивая формулировку, и, не найдя её, просто ткнула пальцем в бумагу, лежащую перед ней, — ...в общем, на основании ходатайства внешкольной организации ты освобождаешься от учебных занятий.

— Как освобождаюсь? — Юра опешил. — Насовсем?

— В документе сказано: «На неопределённый срок, в связи с особой государственной необходимостью». — Она произнесла эту фразу с таким выражением лица, будто раскусила кислую, незрелую ягоду. — Твои документы пока остаются в школе, но с сегодняшнего дня можешь не приходить. Домашние задания тебе присылать не будут.

Она поджала губы ещё сильнее, так, что они превратились в тонкую, бледную нить.

— Что за ходатайство? От кого? — тихо спросил Юра, хотя ответ уже знал. Знал он и то, что Маргарита Павловна ответа не даст. Так и вышло.

— От кого надо, Бойко, от кого надо, — отрезала она. — Не задавай лишних вопросов. Я тебе больше ничего не скажу, потому что и сама ничего не знаю. И знать не хочу. Свободен. Иди домой. И передай родителям... — она на миг замаялась, словно решая, стоит ли продолжать, — ...передай, что школа выполнила предписание в точности и в срок.

Юра, не чуя под собой ног, вышел из класса. В коридоре было пусто, только на подоконнике, болтая ногами, сидел Мишка Корнеев. Завидев Юру, он спрыгнул на пол.

— Эй, Бойко, ты чего такой бледный? Опять двойка? — в его глазах плескалось искреннее сочувствие.

— Нет, Миш, не двойка. Меня... освободили от занятий. На неопределённый срок. Государственная необходимость.

Глаза Корнеева стали круглыми, как плоски.

— Врёшь! — выдохнул он. — Как космонавта, да? Будешь в закрытой школе учиться, на реактивных самолётах летать?

— Что-то вроде того, — криво усмехнулся Юра, ища глазами в опустевшем коридоре хоть какой-то след Игоря Стеклова. Но коридор был безмолвен.

— Повезло тебе... — с завистью протянул Мишка. — А я тут сиди, алгебру долби...

Юра ничего не ответил. Он повернулся и медленно пошёл к выходу. Школа, ещё вчера бывшая привычным, хоть и опостылевшим миром, вдруг стала чужой и далёкой, как перевёрнутая страница жизни. Он вышел на крыльцо, вдохнул сырой, прохладный воздух. Освобождение. Свобода, которой он не просил и которой боялся. Она свалилась на него, как казённый бланк с эмблемой щита и меча.

День пролетел в странном, тягучем полузабытьи. Юра бесцельно слонялся по городу, пытаясь унять тревогу. Он прошёл мимо кинотеатра, мимо парка, где малыши пускали в лужах бумажные кораблики. Время, безжалостное и неумолимое, текло к назначенному часу. Домой он вернулся, когда короткий осенний день уже начал клониться к закату.

В квартире было тихо. Отец, как узнал Юра позже, задержался в больнице на внеплановую операцию — словно работа могла стать щитом от надвигающейся реальности. Мать, не в силах выносить гнетущую тишину, ушла в церковь — ставить свечку Георгию Победоносцу и молиться за сына, чей дар она считала скорее проклятием. Дома оставались только Юра и дед.

Всеволод Игнатович сидел в своём любимом кресле, у торшера, и читал старую, потрёпанную книгу в потертом кожаном переплёте. Очки в тонкой золотой оправе поблёскивали в мягком свете. Он казался единственным островком спокойствия в этом море тревоги.

— Деда, они скоро придут, — тихо сказал Юра, опускаясь на стул напротив.

— Знаю, — спокойно ответил старик, не отрываясь от книги. — Я слышу время, Юра. Оно звенит в тишине, как натянутая струна.

В девятнадцать ноль-ноль тишину квартиры разрезал звонок. Не обычный, дребезжащий, каким оповещали о своём приходе почтальон или соседка тётя Вера за солью. Этот звонок был долгим, требовательным, электрическим — он ввинчивался в мозг и требовал немедленного повиновения.

Юра вздрогнул. Дед, напротив, отложил книгу и медленно, с достоинством поднялся.

— Открой, Юра. И не бойся. Страх — плохой советчик. Они это чувствуют.

Юра на негнущихся ногах подошёл к двери, щёлкнул замком и распахнул дверь.

Глава 4. Свалка истории.

На пороге стояли трое. Двоих он уже знал — того самого коренастого крепыша с короткой, словно литой шеей и его тощего, бледного напарника с бегающими глазами. Они были всё в тех же серых, безукоризненно отглаженных костюмах, но теперь, в полумраке лестничной клетки, казались не людьми, а порождениями сумерек — цепными псами могущественного ведомства.

Но третьего Юра не знал. Он был выше и старше своих сопровождающих. Лет шестидесяти, с благородной, серебрящейся сединой в волосах и тяжёлым, высеченным из гранита лицом человека, привыкшего повелевать. На нём была не серая униформа подчинённых, а добротный тёмно-синий костюм, сидевший с той небрежной элегантностью, что выдаёт большого начальника. В петлице тускло поблёскивал значок — крошечный щит и меч, но не золотой, а платиновый. В руке он держал тонкий кожаный портфель. От него исходило ощущение сдерживаемой, колоссальной силы, как от спящего вулкана. Это был полковник КГБ Константин Геннадьевич Вороненко.

— Добрый вечер, молодой человек, — голос у полковника оказался глубоким, обволакивающим, с едва уловимым украинским мягким акцентом. — Полагаю, нас ждут. Мы заходим. Это был не вопрос. Это была констатация факта.

Юра молча посторонился, пропуская гостей в прихожую. Коренастый и тощий прошли первыми, привычно сканируя пространство глазами. Полковник Вороненко шагнул через порог последним, остановился, чтобы вытереть ноги о коврик, и только после этого прошёл в коридор.

Сергей Игнатович стоял на пороге гостиной, освещённый светом люстры. Его высокая, чуть сутулая фигура в серой домашней кофте казалась сейчас высеченной из старого, сухого дерева. Увидев вошедшего полковника, старик на мгновение замер. Взгляд его, острый и пронзительный, встретился со взглядом Вороненко. На какую-то долю секунды в воздухе повисла странная, звенящая пауза. Юра увидел, как брови деда чуть дрогнули, а на переносице залегла глубокая, горькая складка. Это не было удивлением. Это была встреча, к которой он, казалось, готовился много лет, но всё равно оказался не готов.

— Константин Геннадьевич, — голос деда был сух и тих. Это было не приветствие, а скорее произнесение приговора. — Прошу вас.

Полковник Вороненко чуть склонил голову, и его лицо на миг утратило казённую непроницаемость. В нём проступило что-то сложное, почти человеческое — смесь усталости, уважения и давней, незаживающей боли.

— Сергей Игнатович, — так же сухо и тихо ответил он. — Давно не виделись. Я бы предпочёл иной повод.

— Все предпочли бы, — отрезал дед. — Проходите. Не будем играть в гостей на пороге.

Он повернулся и первым прошёл в гостиную, жестом указав на диван. Полковник прошёл за ним, а двое его подручных, переглянувшись, остались стоять в коридоре, словно бесстрастные часовые.

Юра, у которого бешено колотилось сердце, последовал за дедом. Он понял главное: они знакомы. И это знакомство сулило куда больше бед, чем он мог себе представить. Проект «Феникс», о котором ему запрещал говорить дед, внезапно обрёл имя, лицо и тяжёлую поступь человека с платиновым значком в петлице.

В гостиной повисла та самая липкая, звенящая тишина, которая бывает перед грозой или перед выстрелом. Юра стоял в дверях, не решаясь войти, но и не в силах уйти. Вороненко и дед смотрели друг на друга, и в этом взгляде читалось больше, чем могли бы передать слова. Полковник медленно, с каким-то щемящим достоинством, положил портфель на журнальный столик. Щёлкнули замки.

— Сергей Игнатович, — начал Вороненко, и голос его потерял стальную официальность, став вкрадчивым, почти доверительным, — вы знаете, зачем я здесь. Не думайте, что мне это доставляет удовольствие. Я помню «Феникса» таким, каким его задумывали. Помню, как мы стояли у его истока. Помню ваши идеи, ваши наработки по нему, особенно помню, как чуть не погиб тогда при пожаре в лаборатории, когда «Эриний-1» вышел из-под контроля и ты меня спас. Я не забыл.

— Забывать не надо, — глухо ответил дед, опускаясь в кресло. — Но и помнить о долгах в таком деле — опасная роскошь. Константин, ты пришёл за мальчиком. За Юрой.

Вороненко кивнул, не отводя взгляда.

— Проект «Феникс» не умер. Я думал, что он похоронен вместе с Яной, но ошибся. Ваш внук — это не просто наследник. Это ключ. Киселёв, тот самый профессор, что вколол ему сыворотку в поезде, давно работает на нас. Он не знает всей правды. Никто не знает, кроме меня. И теперь, когда дар начал проявляться, я должен быть уверен, что мальчик окажется под защитой. Не под колпаком, Сергей Игнатович. Под защитой.

— Ты хочешь забрать его в закрытую школу? В интернат для таких же «одарённых»? — дед усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Константин, я знаю, что там происходит. Я знаю, что вы делаете с детьми, у которых есть «врождённые особенности». Вы превращаете их в оружие. В расходный материал.

— Время другое, Сергей Игнатович. Мир катится к пропасти. Афганистан, гонка вооружений, нестабильность в союзных республиках. Мы не знаем, что будет завтра. Но я знаю одно: если не взять Юру под крыло, его либо уничтожат свои же, либо... либо он уничтожит себя

сам. Вы видели, что с ним происходит после видений? Он лежит пластом. Дар выжигает его изнутри. Ему нужен учитель. Настоящий.

Юра стоял, прижавшись спиной к косяку, и не мог пошевелиться. Он видел, как побелели костяшки пальцев деда, сжимающих подлокотники кресла. Слышал, как прерывисто дышит полковник. И вдруг внутри что-то щёлкнуло. Острая, как осколок стекла, мысль пронзила сознание: они говорят о нём, но при нём. Словно он уже не человек, а вещь. Документ. Экспонат.

Он не слышал, что сказал дед в ответ. Не слышал, как Вороненко назвал дату и время — «завтра, в восемь утра, за вами приедет машина». Слова растворились в гуле крови, стучащей в висках. Юра развернулся и, стараясь ступать бесшумно, как учил его отец в играх в разведчиков, скользнул в коридор, мимо двух неподвижных фигур с серыми лицами, мимо вешалки с пальто, мимо кухни, где на плите остывал забытый чайник.

Он выскочил в подъезд и, не дожидаясь лифта, побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Лёгкие горели, но он не останавливался. Вылетел во двор, свернул за угол и, не разбирая дороги, помчался вдоль забора, через заросли сирени и колючего боярышника, туда, где за домами начиналась пустошь.

Сердце колотилось где-то в горле. В голове шумело, как в пустой раковине. Он не знал, куда бежит. Просто хотел уйти, спрятаться, стать невидимым. Под ногами захрустел битый кирпич и стекло. Он выбрался на заброшенную промзону — место, куда даже дворовые мальчишки боялись соваться. Старые ржавые контейнеры, груды бетонных плит, остовы разбитых машин, поросшие пылью.

Ноги сами вынесли его к краю оврага, где местная свалка истории сбрасывала всё, что не пригодилось городу: сломанные станки, проржавевшие трубы, кузова грузовиков, выпотрошенные и забытые. Внизу, в сумерках, всё это походило на кладбище металлических монстров. Юра остановился на краю. Дышал тяжело, хрипло. Слёзы — то ли от бега, то ли от бессилия — защипали глаза.

— Почему я? — прошептал он в пустоту. — За что?

В ответ — только шелест ветра в ржавом железе. И вдруг — звук. Тонкий, металлический, похожий на стон. Он донёсся из глубины оврага.

Юра замер. Сердце пропустило удар. Он шагнул вперёд, к самому краю обрыва, вглядываясь в сгущающиеся тени. Внизу, среди груды битого шифера и спутанной арматуры, что-то блеснуло. Не стекло, не лужа — слишком ровный, слишком осмысленный свет.

— Кто здесь? — голос сорвался на хрип.

Никто не ответил. Но свет — два желтоватых пятна — горел ровно, как глаза ночного зверя. Юра наклонился, чтобы рассмотреть получше, и в этот миг земля под ногами предательски осыпалась. Он взмахнул руками, пытаясь ухватиться за край, но пальцы скользнули по мокрой траве, и он полетел вниз.

Падение длилось вечность. Удары о склоны, хруст веток, острая боль в плече и колене. Он кубарем скатился вниз по груде мусора, пока наконец не рухнул на что-то твёрдое и холодное. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Он лежал, пытаясь отдышаться, и чувствовал, как по щеке течёт что-то липкое.

Когда он открыл глаза, первое, что он увидел, была она.

Морда машины. Кроваво-красная ГАЗ-3102 «Волга». Она стояла чуть в стороне, наполовину заваленная мусором, но её передок был чистым, будто кто-то заботливо отгрёб от неё хлам. Фары горели ровным, неестественно ярким светом, хотя вокруг не было ни проводов, ни аккумулятора. Она смотрела на него. Именно так — смотрела. Всей своей тяжёлой металлической мордой. Хромированная решётка радиатора, казалось, была оскалом огромной хищной пасти. А в стёклах фар, словно в живых глазах, отражалось его собственное, испуганное, бледное лицо.

Юра застыл, боясь дышать. Машина не двигалась. Она просто стояла, вросшая в эту гору хлама, но она была живой. Он чувствовал это каждой клеткой своего тела. От неё исходил странный металлический запах, смешанный с ароматом нагретого асфальта и бензина, и ещё чем-то — чем-то древним, почти живым.

И вдруг Юра понял. Он не просто упал сюда случайно. Его привело. Этот свет, этот зов — он тянул его сюда, заставлял бежать именно в этом направлении. Машина звала его, как зовут родные, которых давно потерял. Как звала его тётя Яна в том сне, который он видел в поезде.

— Ты... — прошептал он, поднимаясь на дрожащих руках. — Ты меня звала?

В ответ — тишина. Но фары моргнули. Один раз. Медленно, как веко. И в этом моргании не было случайности.

Юра поднялся на ноги, пошатываясь, и медленно, боязливо шагнул к машине. Она была старой, но не ржавой. Краска, кроваво-красная, как запёкшаяся кровь, блестела в тусклом свете фар, будто её только что вымыли. Боковое зеркало на водительской двери было целым, и в нём отражался овраг, полный хлама. Но небо над головой отражалось почему-то не серым вечерним, а густо-синим, с редкими незнакомыми звёздами.

Юра протянул руку, коснулся капота. Металл оказался тёплым, почти горячим. Не от солнца — он был нагрет изнутри, как живое тело. Под его пальцами по металлу пробежала тонкая, почти неуловимая вибрация. Машина дышала.

— ГАЗ-3102, — тихо прочитал он по эмблеме на капоте. — С тобой... что-то случилось?

Рука сама собой потянулась к водительской двери. Ручка была старой, хромированной, с едва заметной царапиной. Юра потянул. Дверь открылась легко, почти бесшумно, хотя петли должны были заржаветь за годы лежания на свалке. Внутри пахло кожей и пылью, но не той затхлой, болотной пылью, а сухой, южной, словно машина только что приехала из дальней дороги. Сиденья были целы, приборная панель сверкала чистотой, и на руле, подёрнутая лёгким инеем времени, лежала... книга.

Юра наклонился, взял её в руки. Кожаный переплёт, истёртый, но крепкий. На обложке — золотой тиснёный герб: щит и меч, тот самый. Но под ним — ещё один символ: птица, восстающая из пламени. Феникс. Сердце ухнуло куда-то вниз.

Он открыл книгу. Текста в ней не было.

— Это шутка какая-то. Здесь пусто, нет ни строчки, — воскликнул Юра, но в этот момент почувствовал внутри себя нечто новое, какое-то новое чувство.

От шока и решив подумать, что ему делать дальше, он сел на водительское кресло. Но когда он сел, дверь резко закрылась, а блокиратор сам опустился, блокируя выход.

Паника его охватила, он даже отбросил книгу на рядом лежащее пассажирское место.

— Юра, успокойся, я тебе не причиню вреда, — раздалось словно гром среди ясного неба.

Голос, раздавшийся из динамиков старого магнитофона «Былина», вмонтированного в переднюю панель, был женским. Низким, с лёгкой хрипотцой, будто динамик долго не использовали и мембрана отвыкла от звука. Юра вздрогнул так, что лопатки вжались в мягкую спинку водительского кресла. Книга, отброшенная им в сторону, глухо шлёпнулась на пассажирское сиденье и сама собой раскрылась на пустой странице, словно внимательно слушая.

— Кто... кто здесь? — голос Юры дрогнул, пальцы сами собой вцепились в руль. Обод был тёплым, почти горячим, и под кожей ощущалась та же ритмичная пульсация, что и на капоте. — Кто это говорит?

Магнитофон издал лёгкое потрескивание, так потрескивает патефонная пластинка перед началом песни. Где-то под капотом, глухо и мягко, повернулся стартер — всего на долю секунды, не заводя двигатель, а лишь напоминая о его существовании. Стрелки на приборной

панели дрогнули, ожили, загорелись мягким янтарным светом. Топливный указатель качнулся к отметке «полный», хотя Юра был уверен: бак этой машины должен быть сух, как прошлогодняя листва.

— Я же сказала, Юра, не бойся. Я — это я. Та, в чьём салоне ты сейчас сидишь, — в голосе слышалась почти человеческая усталость, смешанная с терпеливой, почти материнской заботой. — Ты сам меня нашёл. Ты сам протянул руку. Не каждый способен на это, поверь.

Юра нервно сглотнул, покосившись на кнопку блокиратора. Та была утоплена глубоко в гнездо, и он знал: без согласия говорящей с ним сущности он не выйдет. Но паника, отхлынув, сменилась жгучим, острым, как лезвие, любопытством. Он ведь так и не завёл её, а приборы горят. Он не включал магнитофу, а она говорит.

— Ты — машина, — выдохнул он, сам не веря в то, что произносит. — ГАЗ-3102. «Волга». Но ведь машины не говорят. Это какой-то розыгрыш? Скрытая камера? — Он обвёл взглядом пустой, укрытый сумерками пустырь, тени от ржавых остовов. Вдалеке, у кромки леса, зажётся одинокий фонарь, но его свет не доставал сюда.

Из динамиков вырвался звук, отдалённо похожий на тихий смех. Секунду спустя Юра понял, что это не смех, а шум помех — длинный, переливчатый, как вздох.

— Машины не говорят, потому что люди разучились их слушать, — ответил голос. В нём прорезалась лёгкая, почти незаметная горечь. — Вы привыкли слышать только рёв моторов и скрежет тормозов. А тишину между словами... её вы не слышите. Я не просто машина, Юра. Я Каролина.

Магнитофон, издав ещё один глубокий трескучий вздох, на секунду умолк, словно давая ему время осмыслить услышанное. На приборной панели мигнула красная лампочка давления масла — будто подмигнула.

— Каролина... — тихо повторил Юра, пробуя имя на вкус. Оно странно, совершенно не по-машинному ложилось на язык. В нём слышалось что-то дорожное, ветреное, из фильмов про дальние странствия. — Так тебя зовут? Но... почему? Почему ты здесь, на свалке? И... как ты вообще можешь существовать? Книга с пустыми страницами, говорящий магнитофон... Это всё ты?

Стеклоподъёмник на пассажирской двери тихо зажужжал, и стекло опустилось на пару сантиметров, впуская в салон прохладный вечерний воздух, пахнувший прелой листвой и сырой землёй. Это было похоже на жест — жест живого существа, которое немного приоткрывает форточку, чтобы стало легче дышать.

— Книга — это не совсем я, — заговорила Каролина, и в этот раз голос её звучал ровнее, спокойнее, словно динамик «Былины» наконец разогрелся и заработал в полную силу. — Это твоя история, которой только предстоит наполнить страницы. Я лишь... её хранитель. И твой, если ты примешь это. На вопрос «почему я здесь» отвечу: я ждала. Ждала того, кто увидит не грудку мёртвого металла. Того, кто почувствует тепло там, где его, по логике, быть не должно. Твоя рука была первой за долгие годы, что коснулась моего капота с... добротой.

Юра молчал, переваривая услышанное. В голове это не укладывалось, но сердце, то самое, что ухнуло вниз при виде Феникса на обложке, билось ровно и сильно. Он ей верил. Идиотизм ситуации, весь этот сюрреализм — машина с женским именем, ведущая философские беседы на свалке — казался сейчас самой естественной вещью на свете.

— Значит, ты сказала «я не причиню тебе вреда», — прервал он затянувшееся молчание. — Это я уже понял. Блокиратор — чтобы не сбежал с перепугу, да? Но зачем я тебе, Каролина? Я простой человек, у меня и прав-то нет. Зачем ты меня ждала?

Салон осветился мягче. Юра понял, что это зажётся плафон на потолке, заливая всё вокруг тёплым, почти домашним светом. На секунду ему показалось, что старые кожаные сиденья, чистые коврики и поблёскивающая панель — это не салон автомобиля, а маленькая уютная

комната. И комната эта приглашает его остаться. Каролина не ответила сразу. Слышно было только, как в динамике что-то едва уловимо шуршит — так шуршит дыхание в трубке телефона, когда на другом конце провода собираются с мыслями.

— Мир полон дверей, Юра, — наконец произнесла она, и голос её прозвучал так серьёзно, что по спине юноши пробежал холодок. — Большинство из них закрыты. Некоторые — лишь кажутся открытыми. А есть одна дверь, которую не найти ни на одной карте. Её нельзя открыть ключом или отмычкой. Для неё нужен особый проводник. Тот, в чьём сердце ещё живёт искра веры в невозможное. Я — не просто машина. Я — транспорт. Я перевожу не из пункта А в пункт Б. Я доставляю людей к их судьбе. И ты, Юра, стоишь сейчас на пороге. Готов ли ты узнать, куда ведёт эта дорога? Она начинается прямо здесь. С этой книги, с этого сиденья. Со знакомства со мной.

Юра перевёл взгляд на книгу. Та лежала на пассажирском кресле, открытая, и он мог поклясться, что на абсолютно пустой минуту назад кремовой странице теперь проступает, словно проявленная невидимыми чернилами, одна-единственная фраза. Тонкая, летящая вязь, написанная будто от руки: «Дорога возникает под шагами идущего».

Тёмное пространство вокруг, наполненное лишь мягким свечением приборной панели и тихим дыханием динамиков, казалось Юре островком реальности посреди моря абсурда. Он всё ещё перебирал в пальцах невидимые нити произошедшего, пытаясь связать их в узел, который можно было бы понять, когда тишину снова разрушил голос Каролины. На этот раз в нём, помимо знакомой уже хрипотцы, проскользнуло что-то новое — едва уловимая, но отчётливая мелодика, мягкое «р», чуть более твёрдое «т» на концах слов. Лёгкий, почти призрачный немецкий акцент, словно эхо давно забытой речи.

— Юра, ты как? — спросила она, и в вопросе этом было столько участия, что юноша невольно выдохнул, расслабляя плечи, о напряжении в которых даже не подозревал. — Под успокоился?

Последнее слово она произнесла с чуть заметной вопросительной интонацией, и в этом «поуспокоился», прозвучавшем почти как «под успокоился», сквозила лёгкая, почти дружеская ирония. Юра невольно улыбнулся, качнув головой.

— Знаешь, — медленно произнёс он, глядя на своё отражение в тёмном стекле, — я, наверное, должен сейчас бежать, кричать или решить, что сошёл с ума... Но странное дело, мне спокойно. Как будто... как будто так и должно быть.

Динамик потрескивал, и в этом потрескивании слышалось удовлетворение. Плафон на потолке стал гореть чуть ярче, словно Каролина улыбнулась.

— Gut, — тихо вырвалось у неё, и это немецкое «хорошо», проникшее в салон вместе с запахом старой кожи, окончательно расставило всё по местам. Перед Юрой была не просто говорящая машина, а нечто гораздо более сложное, со своей историей, своими корнями. Возможно, даже с родиной, оставшейся в далёком прошлом.

— Может, поездка за город тебе поможет? — предложила она, и акцент её стал чуть заметнее на слове «поездка» — она произнесла его мягче, растягивая гласные. В этом предложении не было настойчивости, лишь предложение, жест доброй воли.

— Да, — выдохнул Юра раньше, чем осознал, что отвечает. Куда угодно, лишь бы не оставаться на этой свалке, где реальность трещит по швам. Но тут же в голову пришла мысль, отрезвляющая, как ведро ледяной воды. Он окинул взглядом салон — такой чистый и уютный внутри, но снаружи-то... Он вспомнил вмятины на крыльях, треснувшее лобовое стекло, спущенные до земли колёса. — Каролина, не обижайся, пожалуйста, но... ты разве ещё на ходу?

Повисла пауза. Такая густая и осязаемая, что Юра уже пожалел о своих словах, решив, что задел её чувства. Но тут из динамиков вырвался звук — уже знакомый, похожий на смех, но теперь он точно знал: это смех. Мягкий, переливчатый, с теми же тёплыми помехами.

— Хорошо, что не спросил «на ходулях», — ответила она, и в голосе её слышалось откровенное веселье, а акцент на мгновение стал гуще, окрашивая фразу в интонации старого немецкого анекдота. — Я, может, и выгляжу не очень, *liebbling*, но внутри я — всё та же. А внешность... что внешность? Её можно поправить. Для этого ты мне и нужен, Юра. Пересядь, пожалуйста, на пассажирское место. Рядом со мной.

Последние слова прозвучали почти интимно, тихо, и Юра, не задавая больше вопросов, повиновался. Он перебрался через рычаг коробки передач, ощущая, как нагретая кожа сидений принимает его, и устроился справа, глядя на опустевшее водительское кресло. Книга с золотым фениксом сама собой переключалась к нему на колени, будто живая.

И началось.

Сначала раздался низкий, утробный гул, исходящий, казалось, отовсюду — от днища, от стенок, от самого сердца машины. Этот гул проникал сквозь тело, заставляя кости вибрировать в унисон. Юра смотрел, раскрыв рот, как спущенные почти до земли колёса, жалкие и потрескавшиеся, начали наполняться изнутри. Не воздухом — нет, это было что-то иное. Резина на глазах становилась гладкой, упругой, приобретая глубокий матово-чёрный цвет. Протектор проступал на ней, будто его проявляли, — чёткий, глубокий, хищный.

В то же мгновение по корпусу побежала дрожь. Вмятины на переднем крыле, те самые, что Юра заметил ещё снаружи, начали выпрямляться с глухим, чавкающим звуком, словно металл был живой плотью, залечивающей раны.

Глубокие царапины на дверях, покрытые ржавчиной, затягивались, как затягиваются шрамы на коже, оставляя после себя лишь гладкую, нетронутую поверхность благородного тёмно-синего цвета. Трещины на лобовом стекле, паутиной расходившиеся от верхнего левого угла, начали уменьшаться, срастаться и на глазах у потрясённого Юры исчезли, не оставив и следа. Стекло стало прозрачным и чистым, как горный хрусталь.

Он смотрел на это, затаив дыхание. Это была не просто починка. Это было возрождение. Восстановление до изначального, идеального состояния, словно Каролина сбрасывала с себя годы, десятилетия забвения, возвращаясь к своему истинному «я». Последней затянулась ржавая прореха на задней арке — металл сомкнулся с тихим, удовлетворённым звоном. Каролина восстановилась на все сто процентов.

И в тот же миг, когда последняя деталь встала на место, водительское кресло перестало быть пустым. Прямо из руля — из того самого тёплого, пульсирующего обода — начало проступать свечение. Оно уплотнялось, принимало форму, впитывая в себя янтарный свет приборной панели. И вот уже перед Юрой, держась за руль изящными, но сильными руками, сидела женщина. Ей было лет тридцать пять — сорок. Строгий профиль, волевой подбородок, светлые волосы, убранные в низкий пучок, и глаза — отражение того самого света, что горел в приборах. Она была одета в простой, но элегантный дорожный костюм, цвет которого напоминал обивку салона. Она была и не была человеком одновременно — скорее, воплощением самой идеи этой машины, её душой, обретшей зримую форму. Она не смотрела на Юру, взгляд её был устремлён вперёд, сквозь очистившееся лобовое стекло, в темноту пустыря.

Глава 5: Органное соло.

— Юра, держись крепче, — произнесла она, и голос её шёл теперь не из динамиков, а от этого полупрозрачного силуэта, обретя ещё больше глубины и тепла.

Она не нажимала на педаль газа. Педаль сама, движимая неведомой силой, ушла в пол. Рычаг автоматической коробки передач, щёлкнув, сам переключился на «D» — езде. Двигатель под капотом даже не взревел, а запел — низкой, мощной, идеально ровной нотой, в которой слышалась вся мощь, готовая сорваться с цепи.

Каролина, а это была, без сомнения, она, бросила на Юру короткий взгляд, полный обещания приключения, и, не шевельнув рулём, направила ожившую «Волгу» прочь от свалки, в распахнувшуюся перед ними ночь.

Машина мягко, но стремительно выкатилась на пустынную дорогу. Юра сидел, вжавшись в пассажирское кресло, и не мог оторвать взгляда от своей спутницы. Она была бесплотна, но осязаема — он чувствовал тепло, исходящее от неё, тепло нагретого солнцем металла и старой добротной кожи. Салон наполнился тонким ароматом — не машинным маслом и бензином, а чем-то вроде сухой лаванды, смешанной с запахом дорогого табака.

— Кто ты? — спросил он наконец, когда первое оцепенение прошло. Слова давались с трудом, горло пересохло. — Я понимаю, это звучит глупо: ты — Каролина, но... откуда ты? Что ты такое? Ты пришелец? Я читал фантастику, может быть, ты — разумная форма жизни с другой планеты, которую просто... собрали в виде автомобиля? Или ты энергетическая сущность?

Полупрозрачный силуэт, не отрывая взгляда от дороги, издал тихий смешок. Акцент в её голосе стал заметнее, окрашивая слова в мягкие, певучие тона, но вместе с тем в нём прорезалась сталь.

— Пришелец? Nein, Юра. Никаких зелёных человечков и летающих тарелок, — она, казалось, пробовала это слово на вкус, и оно ей не понравилось. — Моё происхождение... куда прозаичнее и одновременно сложнее. Ты, возможно, слышал выражение «сделано на совесть»? Иногда, *liebling*, в творение рук человеческих вкладывают столько души, столько страсти и безупречного расчёта, что материя перестаёт быть просто материей. Она обретает... самосознание.

— То есть тебя собрали на заводе, — медленно проговорил Юра, пытаясь уложить это в голове, — и ты просто... проснулась?

— Это долгая история, — уклончиво ответила Каролина. Тень пробежала по её строгому профилю, словно облако набежало на солнце, которого здесь не было. — Слишком долгая и не для этой ночи. Скажем так: я помню своё истинное происхождение, помню очень отчётливо, каждый узел и каждый сварной шов, но говорить об этом... сейчас я не хочу. Есть вещи, которые должны оставаться в прошлом, под слоем заводской грунтовки.

Юра хотел возразить, задать ещё тысячу вопросов, но странное чувство, холодком пробежавшее по спине, заставило его замереть. Это было ощущение чужого, давящего взгляда. Ощущение, что тишина вокруг сгущается, наполняясь невидимой угрозой.

— Каролина... — начал он, но она его перебила, и голос её стал деловито-жестким.

— Я знаю. Ты почувствовал. У тебя хорошая интуиция, Юра. Посмотри в зеркало.

Юра поднял глаза к боковому зеркалу заднего вида, и сердце его пропустило удар. В крошечной тьме ночного шоссе, вдалеке, загорелись три пары фар. Они вынырнули из-за поворота, который они миновали минуту назад, и двигались с неестественной, хищной скоростью. Свет их был мертвенно-жёлтым, резким, и они не просто ехали — они окружали, выстраиваясь в боевой порядок. Три чёрных, как вороново крыло, «Форда» — новейшие машины, которые Юра видел только в западных журналах, да и то мельком. Они шли уверенно, прижимаясь к земле.

— Они ждали нас, — констатировала Каролина с пугающим спокойствием. В её голосе не было страха, лишь холодная констатация факта. — И они не коллекционеры.

— Кто это? — выдохнул Юра, чувствуя, как липкий страх сковывает внутренности.

— Те, кому не нравится, когда старое и верное поднимает голову с помоек, — она бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида. — Комитет. Они думают, что я — ошибка, которую нужно исправить. Или трофей, который можно изучить в своих подвалах. Держись, мой мальчик. Кресло придержит.

Она не газовала и не переключала скорость. Просто двигатель, до этого певший ровную бархатную ноту, внезапно взвыл, как церковный орган, на полную мощь. Это был глубокий,

многоярусный звук, от которого заложило уши и завибрировали кости. Свет фар преследователей начал стремительно приближаться, но не потому, что они нагнали, а потому, что Каролина сама чуть сбросила ход, давая им подойти ближе.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Юра, инстинктивно хватаясь за подлокотник. — Они же сейчас...

— Испугаются, — закончила за него Каролина, и в этот момент её полупрозрачная рука наконец слегка шевельнула рулём.

Первая пуля — глухой, отвратительный стук — ударила в заднее крыло. Юра дёрнулся, ожидая боли, удара, но вместо этого услышал лишь звонкий металлический визг — свинец срикошетил, не оставив и царапины. Вторая и третья пули ударили в багажник, но машина их даже не заметила. Каролина лишь досадливо поморщилась.

— Невежливо. «Бьют даме в спину», — произнесла она с ледяным презрением. — А теперь, Юра, смотри, как танцует старая школа.

Головная машина преследователей, мощный «Форд», поравнялась с ними слева, намереваясь прижать к ограждению. Юра увидел в его окне напряжённое, злое лицо водителя и пассажира, направившего на них ствол пистолета. Время замедлилось. Каролина не стала ускоряться. Вместо этого она совершила то, чего никто не ожидал от тяжёлой «Волги». Она резко, без малейшего крена, вильнула влево, навстречу преследователю, а затем, словно мастер фехтования, нанесла молниеносный удар задним крылом в передний бампер «Форда». Это было легчайшее, почти невесомое касание, но «Форд», подброшенный в момент манёвра, потерял сцепление с дорогой. Его закрутило волчком, и он, пролетев юзом, исчез в кювете, подняв фейерверк грязи и искр.

В этот же миг водитель второго «Форда», шедшего справа, увидев судьбу товарища, в панике ударил по тормозам, визжа резиной по асфальту.

— Умница, — прокомментировала Каролина. — А ты, третий?

Третий седан, самый настырный, попытался достать их сзади, целясь в колёса. Каролина легонько качнула кормой, и очередь ушла «в молоко». А затем её педаль газа наконец по-настоящему ушла в пол. Двигатель взревел так, что звёзды, казалось, дрогнули в вышине. Юру вдавило в кресло с нечеловеческой силой, перед глазами всё поплыло. «Волга» рванула вперёд не как машина, а как пушечное ядро. Огни последнего преследователя замигали в зеркале и начали стремительно таять, превращаясь в две крошечные точки, а затем и вовсе исчезли, растворённые мраком и расстоянием.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Двигатель снова перешёл на свою ровную, успокаивающую баритональную ноту. Каролина плавно вела машину по пустому шоссе, словно не было никакой погони, словно они просто наслаждались ночной прогулкой. Её полупрозрачный силуэт снова был расслаблен, и только лёгкая, довольная улыбка тронула уголки её губ.

Юра, всё ещё судорожно цепляясь за подлокотник и пытаясь восстановить дыхание, повернулся к ней. Его трясло, но в груди, на удивление, разгорался восторг — чистый, дикий, щенячий восторг перед лицом чуда и опасности.

— Ты... ты сумасшедшая, — только и смог выдохнуть он. — У тебя хоть план есть? Или ты всегда так импровизируешь?

Каролина не ответила. Она лишь снова бросила на него тот же короткий, полный загадочного обещания взгляд и повела их дальше — в сторону города, где огни, словно земные звёзды, уже начинали проступать на горизонте.

Но до города они не доехали. Через пару миль, когда адреналин схлынул, оставив после себя ватную слабость в конечностях и мелкую дрожь в пальцах, Каролина мягко, почти заботливо приняла вправо. «Волга» свернула на узкую, заросшую по краям грунтовку, что змеёй

уползала куда-то вверх по склону холма. Подвеска мягко, по-корабельному покачивалась на ухабах, и в этом размеренном ритме было что-то гипнотическое.

— Куда мы? — спросил Юра, но голос прозвучал хрипло, сорванно.

— Тебе нужно подышать, — произнесла Каролина. В её потустороннем голосе, обычно лишённом человеческих интонаций, прорезалась какая-то новая нота — то ли усталость, то ли с трудом скрываемая боль. — Настоящим воздухом. Не тем, что пахнет палёной резиной и твоим страхом. Остановимся. Всего на минуту. Дальше ехать нельзя, пока твоё сердце колотится, как пойманная птица. Мне нужно, чтобы ты мыслил ясно.

Дорога кончилась внезапно, упершись в край невысокого обрыва, с которого открывался вид на долину. Вдалеке, за тёмным бархатом полей, и впрямь рассыпались огни — город, до которого они так стремились. Каролина остановила машину в нескольких метрах от края, и двигатель, тихо вздохнув напоследок, затих. Тишина, наступившая после многочасового баритонального гудения, показалась оглушительной.

Юра выбрался из салона. Ноги держали плохо, земля казалась зыбкой, как палуба корабля. Он сделал несколько шагов к обрыву и тяжело опустился прямо на холодную, влажную от ночной росы траву, свесив ноги в пустоту. В лицо дул свежий, ещё по-ночному прохладный ветер, пахнувший полынью и далёким дождём. Он глубоко, судорожно вздохнул, чувствуя, как лёгкие наконец расправляются, выгоняя липкий комок ужаса, застрявший где-то под горлом.

«Волга» осталась стоять позади, величественная и неподвижная, словно изваяние. В свете звёзд её чёрный кузов отливал синевой, а хромированные детали мерцали тусклым серебром. Она не была просто машиной. Это Юра понял окончательно. Она была существом, стражем, и сейчас, казалось, она так же, как и он, пыталась переварить произошедшее, глядя на далёкие огни своими погасшими фарами.

В этой тишине, нарушаемой лишь стрёкотом цикад и шелестом травы, Каролина, которая тоже молчала, вдруг погрузилась в воспоминания. Не в те славные, полные ветра и скорости, а в самые чёрные, в те, что она прятала глубоко в недрах своего металлического естества. Юра, сидя на краю обрыва, не мог этого видеть. Для него она оставалась неподвижной машиной. Но внутри её сущности время потекло вспять, срывая покровы годов, стирая хром и лакировку, уводя в прошлое, где не было ни асфальта, ни свободы.

Она вспомнила не ревущий мотор, а собственный, полный животного ужаса крик. Она вспомнила холод.

Ледяной, безжалостный холод металлической каталки, к которой её, Каролину Штайн, намертво прикрутили за запястья и лодыжки. Грубые пластиковые стяжки впивались в нежную кожу, причиняя острую, отрезвляющую боль. Она помнила, как дёргалась, извиваясь, и как стяжки с влажным, отвратительным хрустом затягивались лишь туже, превращая её тело в беспомощный, распятый на стали экспонат. Свет операционных ламп бил прямо в расширенные от страха зрачки, и она видела только силуэты — белые, равнодушные халаты, склонившиеся над ней, словно жрецы какого-то чудовищного культа.

— Bitte! — её крик, срывающийся на визг, эхом отдавался от кафельных стен, мешаясь с русскими словами, которым она научилась совсем недавно. — Прошу! Не надо! Um Gottes willen, я nicht враг! Я учёный, как и вы! Пожалуйста, не делайте этого!

Она молила на ломаном, жутком миксе двух языков, и её аристократический немецкий акцент сейчас звучал не как признак высокого происхождения, а как смертный приговор. Комитету было плевать. Для них она была не Каролиной Штайн, талантливым инженером-идеалистом, перебежавшей за железный занавес в поисках идей и общей мечты. Нет. Для них она была ошибкой, материалом, подопытной крысой.

— Сыворотка «Феникс», серия ноль-семь, — произнёс бесстрастный голос над самым ухом. Даже не ей, а кому-то в диктофон. — Введение начнём внутривенно. Объект женского пола, возраст — двадцать четыре года. Сопутствующих патологий не выявлено.

— Nein! Nein! Nein! — забилась она, чувствуя, как стальная игла, холодная, как сама смерть, протыкает вену на локтевом сгибе. Её руку грубо прижали к поручню каталки, обездвиживая. — Вы не понимаете, что делаете! Es wird mich zerstören! Оно разрушит меня!

И в этот момент в её тело хлынул огонь. Это была не боль в привычном понимании. Это было ощущение, будто по венам вместо крови потёк расплавленный металл, кислотный, пожирающий её изнутри, переписывающий саму структуру клеток. Она чувствовала, как её сердце, живое, горячее, бьющееся в унисон с мечтами, пропустило первый удар. Второй. А затем забилось в дикой, невозможной аритмии, словно птица в стеклянной банке.

Страх пронзил её насквозь — не просто страх смерти, а первобытный, липкий ужас небытия, растворения в чём-то чужеродном, в механической, бездушной вечности. Боль стала вселенной, замкнувшейся на ней одной. Она кричала, срывая голосовые связки, но крик тонул в равнодушном гуле аппаратуры. А затем пришло отчаяние. Чёрное, всепоглощающее, как воды Северного моря. Отчаяние от того, что она покидает этот мир не в грохоте гоночного мотора, не под аплодисменты коллег, а здесь — на холодном алтаре псевдонауки, распятая пластиковыми стяжками, в окружении людей, для которых её жизнь была лишь строчкой в отчёте.

Сознание начало меркнуть. Последним, что видела человеческая девушка по имени Каролина Штайн, были не звёзды, не любящие глаза, а потолочная лампа, расплывающаяся в мутное, безжалостное пятно. Она умирала. Но смерть не была концом. В тот миг, когда сердце остановилось, а тело последний раз выгнулось дугой на каталке, что-то перемкнуло, сдвинулось в самой ткани реальности. Душа, оторгнутая умирающей плотью, но прикованная к ней формулой «Феникса», не ушла во тьму. Она ринулась в единственный металлический объект, с которым была связана тактильно, — в корпус чёрной «Волги» ГАЗ-3102, что стояла в ангаре для изучения «влияния электромагнитного поля на опытный образец».

Комитет получил нечто совершенно иное, чем ожидал. Ошибка, которую нужно было исправить, обрела броню, мотор в двести лошадиных сил и волю, закалённую в огне предательства.

Каролина «проснулась». И первой её мыслью, прошедшей электрическим разрядом по всем цепям, была не месть и не злоба. Это была горечь.

— Глупцы, — прошелестело в шорохе шин по гравию.

Юра вздрогнул. Он обернулся. Ему показалось, что ветер донёс обрывок какой-то фразы, но вокруг была лишь тишина. «Волга» стояла неподвижно, и её передние фары вдруг мягко, на секунду, загорелись, озаряя край обрыва тёплым, почти живым светом. Словно она проверяла, всё ли с ним в порядке. Словно удостоверившись, что он жив, цел и не собирается падать в пропасть.

— Ты как? — голос Каролины вернулся в салон — мягкий, чуть хриловатый, но уже без той ледяной стали, что звучала во время погони. Она снова была просто «Волгой», стоящей на краю обрыва, и её фары смотрели на Юру с той же тёплой, почти материнской заботой.

Юра поёжился от ночного ветра и обернулся к машине. Ноги всё ещё дрожали, но странное чувство — будто его кто-то держит за плечи, не давая упасть в пропасть, — не отпускало.

— Я... я не знаю, — честно признался он, поднимаясь на ноги и делая шаг обратно к «Волге». — Я должен бояться. Я должен бежать. Но я стою здесь и разговариваю с машиной, которая только что уделала три «Форда» на трассе. Это ненормально, да?

— Для тебя — нормально, — ответила Каролина, и в её голосе послышалась улыбка. — Для мира, в котором ты живёшь, — нет. Но этот мир, Юра, скоро изменится. С тобой или без тебя. Вопрос только в том, будешь ли ты тем, кто ведёт, или тем, кого ведут.

Юра подошёл к водительской двери, положил ладонь на тёплый, пульсирующий металл капота.

— И что мне делать? — спросил он тихо. — Дед сказал, что я — ключ. Те люди из Комитета хотят меня забрать. Полковник Вороненко... он знал деда. Они говорили про «Феникса». А теперь ты. Ты говоришь, что ждала меня. Но зачем? Что я должен сделать?

В салоне зажёгся плафон — мягкий, тёплый свет, и на пассажирском сиденье, там, где лежала книга, вдруг замерцали буквы. Не все сразу, а по одной, будто их выводила невидимая рука.

Юра открыл дверь и сел на водительское кресло. Книга лежала на коленях, раскрытая на той же странице, но теперь текст проступил яснее:

«Не ищи ответов вовне. Они уже есть внутри тебя. Ты — не оружие. Ты — мост. Ты — тот, кто соединит то, что было разорвано. Но для этого тебе нужно вернуться. Туда, где всё началось. В Сочи. К дому. К бабушке. Она знает больше, чем говорит».

Юра перечитал фразу дважды, потом поднял глаза на приборную панель. Стрелка топлива дрогнула и качнулась к полной отметке.

— Сочи? — переспросил он. — Но это же... это почти тысяча километров. Как мы...

— А ты забыл, с кем имеешь дело? — голос Каролины стал игривым, почти кокетливым. — Я — не просто «Волга». Я — «Феникс» в металле. Я помню, как летела по автобану в сорок третьем, когда меня ещё собирали на заводе в Штутгарте. Только тогда у меня было другое имя и другая шкура. Но суть... суть осталась прежней.

Юра моргнул.

— Ты была... немецкой машиной?

— Был один проект, — уклончиво ответила Каролина. — Слишком сложный, чтобы рассказывать сейчас. Но скажем так: я не всегда была Каролиной. И не всегда была «Волгой». Я была той, кто видела огонь с другой стороны. Но это — потом. Сейчас — Сочи. Держись.

И прежде чем Юра успел спросить, что значит «держись», двигатель издал не привычный гул, а низкий, пульсирующий звук — будто внутри машины проснулось что-то огромное и древнее. Педали газа и тормоза дрогнули сами собой. Рычаг коробки передач щёлкнул, переходя в режим, которого не было ни в одной инструкции по эксплуатации.

— Каролина, что ты делаешь?! — воскликнул Юра, инстинктивно вцепляясь в руль.

— Я делаю то, что умею лучше всего, — ответила она, и в голосе её зазвучала та самая сталь, что была во время погони. — Я преодолеваю расстояние.

«Волга» сорвалась с места. Но это не был привычный разгон. Это был бросок — пушечный выстрел, от которого у Юры потемнело в глазах, а тело вдавило в спинку кресла с силой, сравнимой с перегрузками космонавтов. Дорога перед ними не просто мелькала — она плавилась, превращаясь в серую, размытую ленту, по краям которой звёзды вытягивались в линии, как на фотографиях с длинной выдержкой.

Скорость была нечеловеческой. Стрелка спидометра, рассчитанная на сто шестьдесят километров в час, давно зашкалила и лежала на ограничителе, дрожа, будто в агонии. Но двигатель пел — ровно, мощно, как орган в соборе, и этот звук проникал в кости, заставляя их вибрировать в унисон с ритмом дороги.

— Мы... мы не врежемся? — выдавил Юра сквозь стиснутые зубы.

— Не врежемся, — ответила Каролина спокойно. — Я вижу дорогу на три шага вперёд. Не как человек. Как система. Я просчитываю каждую кочку, каждый камень, каждую встречную машину за километр. Просто доверься мне. Закрой глаза, если страшно.

— Я не закрою! — крикнул он, но в голосе его звучал не страх, а дикий, щенячий восторг. — Это же... это невероятно!

Они неслись через ночную страну — мимо спящих деревень, мимо одиноких ферм с погасшими окнами, мимо лесов, превратившихся в размытые тёмные пятна. Города проносились как огненные пунктиры, и каждый раз, когда Юра думал, что они сейчас врежутся в

поворот, Каролина входила в него с такой грацией, что колёса даже не пищали — они просто перетекали из одной дуги в другую, как вода.

И вот тогда, на одном из таких поворотов, когда дорога вильнула влево, огибая скалистый выступ, Юра увидел её.

Фигура в красном.

Она стояла у самого края обрыва, там, где асфальт обрывался в темноту. Платье — длинное, алое, как кровь или как знамя, — трепетало на ветру, и оно было единственным ярким пятном в серо-чёрной ночи. Девушка стояла неподвижно, лицом к пропасти, и ветер играл её тёмными, длинными волосами. Но что-то в её силуэте было неестественным — не поза, не платье, а то, как она стояла: чуть откинувшись назад, одной рукой придерживая округлившийся живот. Она была беременна. И стояла на краю.

Юра успел заметить лишь одно — её лицо, повёрнутое в профиль: бледное, с острыми скулами и глазами, которые в свете фар «Волги» сверкнули зелёным, как два изумруда. И на мгновение ему показалось, что она смотрит прямо на него. Сквозь стекло. Сквозь скорость. Сквозь время.

— Каролина! — крикнул он, дёргаясь в кресле. — Там! Девушка! На обрыве! Она...

— Я вижу, — ответила Каролина, и в голосе её впервые за всё время послышалась странная, почти тревожная нота. — Я вижу её, Юра. И я знаю, кто она.

— Кто?

— Елена Константиновна Вороненко.

Юра замер. Вороненко. Та самая фамилия, что звучала в кабинете деда. Полковник КГБ. Человек, который пришёл за ним.

— Дочь полковника? — выдохнул он.

— Нет, — голос Каролины стал тише, почти шёпотом. — Она, скажем так, его дальняя родственница. Всё, что мне известно, — это то, что три месяца назад её изнасиловали и бросили на одном из заводов страны. Её сознание... оно не выдержало. И теперь она ходит между мирами. Иногда она появляется там, где грань между реальностью и тем, что за ней, становится тонкой. Как сейчас.

Юра обернулся. «Волга» уже пронеслась мимо, но в боковом зеркале он видел, как красная фигура медленно повернулась к ним — и её рука, тонкая, бледная, поднялась в жесте, похожем то ли на прощание, то ли на предупреждение.

Но тут Каролина явно что-то почувствовала — и Юра тоже что-то почувствовал. Это было видение: те преследователи скоро вернутся за Каролиной и Юрой. Ибо они уже связаны.

Глава 6. Ночные волки на хвосте.

«Волга» замедлила ход, мягко прижимаясь к обочине. Двигатель, ещё минуту назад певший свою органную симфонию, сбавил тон до едва слышного, убаюкивающего урчания. Задние колёса, коснувшись гравия, тихо зашуршали, и машина остановилась у кромки леса, где дорога делала широкий, ленивый поворот.

Юра сидел, вцепившись пальцами в руль, хотя машина уже стояла. Дыхание выравнивалось медленно, с трудом. Он перевёл взгляд на боковое зеркало. Там, в тёмной глубине ночи, красная фигура уже исчезла, растворилась, словно её и не было. Только ветер, казалось, всё ещё шевелил траву на том месте, где она стояла.

— Она... она ушла? — спросил Юра, и голос его дрогнул.

— Она всегда уходит, — ответила Каролина, и в её голосе послышалась странная, щемящая нота, будто она говорила не о чужой женщине, а о себе. — Она появляется там, где память мира тоньше всего. Как дым, что просачивается сквозь щели.

Юра обернулся к приборной панели, где плафон продолжал гореть ровным, уютным светом. Книга на пассажирском сиденье лежала закрытая, и её кожаный переплёт тускло поблёскивал в полумраке.

— Ты сказала, она — родственница Вороненко, — медленно произнёс он, пробуя слова на вкус. — Того самого полковника. Который приходил к деду. Который хочет забрать меня.

— Хотел, — поправила Каролина, и в этом коротком слове прозвучала сталь. — Теперь он хочет не просто забрать тебя. Теперь он хочет тебя уничтожить. Потому что ты — то, чего он боится больше всего.

— Чего? — Юра нахмурился. — Я же просто мальчишка. У меня даже пионерского галстука нет.

Каролина издала тот странный звук, что походил на вздох. Плафон чуть прикас, а затем разгорелся снова, словно она набиралась сил для разговора.

— Ты не просто мальчишка, Юра. Ты — живое доказательство того, что «Феникс» работает. Что человеческий разум может выйти за пределы, которые они, — она выделила это слово с особой горечью, — установили для всех. Вороненко и его люди строят мир, где всё должно быть предсказуемо. Где каждая шестерёнка знает своё место. А ты — ты та самая шестерёнка, которая вдруг начала вращаться в другую сторону. Сама. Без их разрешения.

Юра молчал, переваривая услышанное. Тишину нарушал лишь лёгкий треск цикад где-то в траве за окном.

— А Елена? — спросил он наконец. — Её сознание, ты сказала, не выдержало. Что с ней случилось?

Каролина не ответила сразу. В салоне повисла та особенная тишина, когда машина словно прислушивается к самой себе. Когда она наконец заговорила, голос её звучал тише обычного, и в нём прорезались те самые нотки — немецкая мягкость, почти шёпот.

— Я расскажу тебе то, что знаю. Это не из книг и не из докладов. Это из тех обрывков, что я собрала за годы... когда я была ещё... когда я помнила себя человеком.

Она замолчала, и в этом молчании Юра почувствовал, как в машине меняется воздух. Становится тяжелее, плотнее, будто сама атмосфера сгущалась вокруг них, готовясь принять чужую боль.

— Елена Константиновна Вороненко была дочерью брата полковника. Он взял её под опеку после того, как её родители погибли в автокатастрофе. Ей было тогда семнадцать. Она была талантливой — не просто умной, Юра, а по-настоящему одарённой. Она видела то, чего не видели другие. Чувствовала то, что люди привыкли называть «необъяснимым». Вороненко заметил это. И решил использовать.

— Как? — Юра сглотнул.

— Он отправил её в один из закрытых институтов, где изучали паранормальные способности. Официально — как «стажёра-исследователя». Неофициально... она стала испытуемой.

Каролина замолчала. Где-то под капотом тихо щёлкнуло реле, будто она сглотнула ком, застрявший в горле.

— Ей было двадцать два, когда всё случилось. Проект, над которым она работала, назывался «Эриний». Это было продолжение того, что начал твой дед, но с одной важной разницей. Вороненко не хотел спасать. Он хотел подавлять.

Юра почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Что значит «подавлять»?

— Он считал, что дар, который ты унаследовал и который был у Елены, — это не эволюция, а угроза. Что люди, способные видеть будущее, чувствовать чужую боль, ощущать ткань времени, — это бомба замедленного действия. Он хотел создать контрмеру. Нечто, что сможет заблокировать эти способности. Навсегда.

— И... он испытывал это на ней? — голос Юры сел до шёпота.

— Да, — просто ответила Каролина. — Три месяца. Три месяца инъекций, процедур, изоляции. Они не просто пытались подавить её дар. Они пытались переписать её сознание.

Заставить её забыть, кто она. Заставить её видеть мир так, как видят его они — серым, плоским, предсказуемым.

Юра сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— И что случилось потом?

— Она сбежала, — сказала Каролина, и в голосе её прозвучала почти гордая нота. — Не физически — стены института были слишком высоки. Она сбежала в другое место. В ту часть себя, куда их иглы и препараты не могли добраться. Её сознание раскололось. Часть осталась там, в серой реальности, которую они пытались ей навязать. А другая... другая ушла в мир между мирами. Туда, где время течёт не по их правилам.

Юра перевёл взгляд на дорогу. Туман, который они видели раньше, начинал сгущаться, окутывая обочины серой, тягучей пеленой.

— А ребёнок? — тихо спросил он. — Она была беременна.

Каролина надолго замолчала. В салоне стало так тихо, что Юра слышал, как где-то в глубине мотора медленно остывает металл.

— Это самое тёмное место в этой истории, Юра, — наконец сказала она. — Ребёнок был не от того, кого она любила. Она была изнасилована. Вороненко приказал это сделать. Он хотел проверить, передаётся ли дар по наследству. Хотел создать новое поколение... контролируемых «Фениксов».

Юре показалось, что земля уходит из-под ног. Он сидел в тёплом, уютном салоне «Волги», но внутри него всё похолодело.

— Он... он хотел сделать из неё инкубатор?

— Да, — голос Каролины звучал жёстко, безжалостно, но в нём слышалась боль. — Но он не учёл одного. Елена была сильнее, чем он думал. Она не позволила им сломать себя до конца. Да, её сознание раскололось. Но та часть, что ушла в иной мир, забрала с собой ребёнка. Физически он так и не родился. Но там, где она сейчас, он существует. И ждёт.

— Ждёт чего? — едва выдохнул Юра.

— Ждёт того, кто сможет соединить разорванное, — ответила Каролина. — Того, кто сможет вернуть его в этот мир. Того, кто станет мостом. Именно поэтому Вороненко так боится тебя. Ты не просто «Феникс», Юра. Ты — ключ. Ключ к двери, которую он сам запер.

Юра молчал. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как натянутая струна. За окнами туман продолжал сгущаться, и где-то в его глубине, казалось, мелькали тени, слишком быстрые и бесформенные для простого света фар.

— Но... почему я? — спросил он наконец. — Почему именно я?

— Потому что твой дед был первым, кто создал «Феникса». Потому что ты унаследовал не просто дар — ты унаследовал его душу. Его веру в то, что люди могут быть больше, чем просто механизмы. И потому что Елена... — Каролина запнулась, и в этой запинке было что-то похожее на удивление, — ...Елена видела тебя. В своих снах. В тех самых, которые стали её новым миром. Она видела мальчика с серыми глазами, который приедет на чёрной машине и откроет дверь, которую она не может открыть сама.

Юра поднял руку, коснулся виска. В голове гудело, как после долгого бега. Слишком много информации, слишком много боли, слишком много правды, которая не укладывалась в его двенадцатилетнюю голову.

— Я не знаю, смогу ли, — прошептал он.

— Ты сможешь, — сказала Каролина, и в голосе её не было сомнений. — Я потому и ждала тебя все эти годы. Не потому, что ты удобный, Юра. И не потому, что ты «избранный». А потому, что ты — тот, кто не сдался. Когда твой отец хотел упрятать тебя в психушку, ты не сломался. Когда школа отвернулась, ты не сдался. Когда люди из Комитета пришли за тобой, ты сбежал. Ты уже сделал первый шаг. Осталось сделать второй.

Она замолчала, и Юра услышал, как где-то вдалеке, за пеленой тумана, что-то глухо ухнуло. Звук был низким, басовитым, похожим на взрыв, который заглушили ватой.

Они оба слышали это.

— Каролина, — сказал Юра, и голос его вдруг стал жёстким, взрослым, — что это было?

Каролина не ответила. Вместо этого она мягко, почти незаметно развернула боковое зеркало заднего вида. Юра проследил за её движением и увидел, как в глубине зеркала, в серой, клубящейся пелене тумана, что-то меняется. Туман не просто стоял — он двигался, перетекая, словно живой, и в его глубине начинали проступать контуры.

И тогда Юра почувствовал это. Холод. Но не тот, что от ветра или ночи. Другой — тот, что проникает под кожу, в самую душу, и заставляет сердце биться быстрее.

— Она смотрит на нас, — тихо сказал он. — Я чувствую. Она...

— Нет, — резко оборвала его Каролина, и в голосе её впервые за всё время прозвучал страх. — Это не она.

Зеркало заднего вида дрогнуло, и Юра увидел, как в тумане начали проступать две точки — ровные, жёлтые, неестественно яркие. Они росли, приближались, и вместе с ними из глубины серой пелены доносился звук.

Грохот. Глухой, низкий, тягучий, как удар колокола под водой. И в этом грохоте слышалось нечто большее, чем просто мотор. В нём слышалась ярость. Голод. Жажда.

А затем из тумана, как чёрный зверь, вынырнула она.

ГАЗ-3102 «Волга». Полностью чёрная, без единого блика, без единого отражения. Её кузов был матовым, словно покрытым слоем сажи, и на нём не играл свет звёзд, не дрожали отражения фар. Она была абсолютно, пугающе чёрной, как кусок вырванной из мира тьмы. Окна её были затонированы до такой степени, что за ними не было видно ничего — ни лиц, ни силуэтов, только чернота, в которой можно было утонуть.

Она не просто ехала. Она плыла, скользила по мокрому асфальту с хищной, пугающей грацией. Её двигатель не пел, как у Каролины, — он ревел, низко и угрожающе, как зверь, почуявший добычу. И в этом рёве слышалась не сила, а злоба.

Каролина молчала. Но Юра чувствовал, как по её кузову пробежала дрожь — мелкая, почти незаметная, но он сидел в ней, он чувствовал её каждой клеткой. Машина, которая только что мчалась быстрее звука, которая уделала три «Форда» одним касанием, сейчас дрожала.

— Каролина, — прошептал Юра, и голос его был тихим, как дыхание, — что это?

Она не ответила. Вместо этого в салоне начало меняться освещение. Плафон, до этого горевший тёплым, домашним светом, начал мерцать, и в его мерцании Юра увидел нечто, отчего у него перехватило дыхание.

Внутри машины, прямо перед ним, в воздухе начали проявляться образы. Не сны, не видения — воспоминания. Чужие, но такие живые, что он чувствовал их кожей.

Он увидел лабораторию. Холодную, белую, стерильную. Увидел стол, металлический, блестящий под яркими лампами. Увидел себя — но не себя, а ту, кем была Каролина до того, как стала машиной. Молодую женщину с тёмными волосами, распятую на этом столе, с пластиковыми стяжками на запястьях и лодыжках. Увидел, как она кричит, и в крике её смешиваются немецкие и русские слова.

«Bitte! Прошу! Не надо!»

Увидел иглу, холодную, стальную, которая входит в вену. Увидел, как её глаза расширяются от ужаса, когда в её кровь вливается то, что она сама помогала создавать. То, что должно было сделать её бессмертной, но превратило в нечто иное.

Он увидел, как она умирает. Не сразу, не быстро — мучительно долго. Как её сердце сбивается с ритма, как тело выгибается дугой, как сознание начинает покидать её, и она чув-

ствуется, как её душа, словно выброшенная из тела, мечется в поисках убежища. И находит его. В металле. В чёрной машине, которая стояла рядом.

Юра увидел этот момент. Увидел, как сознание Каролины вливается в корпус «Волги», как оно заполняет каждый провод, каждый узел, каждую деталь. Как машина оживает, но не как механизм — как живое существо, полное боли, гнева и отчаяния.

А затем видение сменилось.

Теперь он видел другую лабораторию. Такую же белую, такую же стерильную. Но здесь был другой человек. Мужчина. Молодой, лет двадцати пяти, с тёмными, коротко стриженными волосами и безумным, горячечным блеском в глазах. На груди у него был тот самый значок — щит и меч. Вороненко. Молодой, но уже жестокий.

Юра увидел, как он стоит перед группой учёных и говорит, и голос его звучит холодно, расчётливо:

— «Смертоносец» — это не просто оружие. Это средство контроля. Мы не даём людям силу — мы забираем у них слабость. Страх, сомнения, способность выбирать. Те, кто пройдёт процедуру, станут идеальными солдатами. Они не будут знать, что такое предательство. Они не будут знать, что такое свобода.

И в этот момент один из учёных, пожилой человек с седой бородой, поднимает руку.

— Но, товарищ полковник, разве это не противоречит нашим идеалам? Мы строим общество свободных людей, а вы предлагаете...

— Заткнись, — обрывает его Вороненко, и голос его звучит как удар кнута. — Идеалы — для тех, кто может себе их позволить. Мы не можем. Мы на войне. Мы всегда на войне. И если мы не будем контролировать тех, кто обладает... — он делает паузу и улыбается, и улыбка его страшна, — ...особыми дарами, то они станут контролировать нас.

Юра хотел отвести взгляд, но не мог. Видения продолжались, сменяя друг друга, как кадры кинохроники, прокрученной на ускоренной скорости.

Он увидел, как Вороненко стоит перед группой людей в чёрных формах. Среди них — Елена. Молодая, красивая, с длинными тёмными волосами и зелёными глазами. Она не смотрит на него, она смотрит куда-то в сторону, и в её взгляде — пустота. Полная, абсолютная пустота человека, который потерял себя.

— Вы — моя семья, — говорит Вороненко, и в голосе его слышится почти отеческая нежность. — Моя кровь. И вы должны знать правду. Мы не просто люди. Мы — потомки тех, кто стоял у истоков. Мы — наследники Люцифера.

В зале повисает тишина. Кто-то переглядывается, кто-то опускает глаза. Только Елена продолжает смотреть в пустоту.

— Да, я сказал это, — продолжает Вороненко, и в голосе его звучит гордость. — Люцифер был не падшим ангелом. Он был первым, кто осмелился сказать: «Я не буду служить. Я буду править». И мы — его дети. Мы не подчиняемся правилам. Мы создаём их. Мы не идём за судьбой — мы пишем её. И «Смертоносец», и «Феникс», и все эти проекты — лишь инструменты. Инструменты, чтобы мир стал таким, каким мы хотим его видеть. Упорядоченным. Предсказуемым. Подконтрольным.

Юра чувствовал, как его начинает трясти. Всё это — проекты, сыворотки, лаборатории, Елена, её неродившийся ребёнок — всё это было связано. И в центре этой паутины, чёрной и липкой, сидел Вороненко. Человек, который считал себя наследником самого падшего ангела.

Видения начали тускнеть, и Юра снова оказался в салоне «Волги». Плафон горел ровно, но в его свете он заметил, как дрожат его собственные руки. Он поднял глаза на зеркало заднего вида.

И замер.

Чёрная «Волга» стояла позади них. Не приближалась, не пыталась таранить, не делала ничего угрожающего. Она просто стояла. Её фары горели тем же мертвенно-жёлтым светом,

что и у преследователей, но они не слепили — они словно втягивали в себя свет, делая мир вокруг темнее, холоднее.

А затем из её затемнённого окна, медленно, как сквозь вязкий дым, начало проступать лицо.

Оно было бледным, почти прозрачным, с острыми чертами и тёмными, ввалившимися глазами. Женское лицо. Елены.

Она смотрела прямо на Юру. Не на «Волгу», а на него. Сквозь стекло. Сквозь расстояние. Сквозь время. И на её губах, бледных и сухих, начала проступать улыбка. Не злая, не добрая — странная, как у человека, который знает нечто, чего не знают другие.

— Юра... — прошептала Каролина, и голос её был тихим, почти неживым. — Она говорит... мне...

— Что? — спросил Юра, не сводя глаз с лица в чёрном окне.

— Она говорит, что он знает. Вороненко. Он знает, что мы здесь. Он знает, что ты — тот самый. И он уже послал не просто погоню. Он послал того, кто сможет нас остановить.

— Кого?

— Себя, — ответила Каролина, и в голосе её прозвучала та самая сталь, что была во время погони, но сейчас в ней было что-то новое. Отчаяние. Смешанное с решимостью.

Чёрная «Волга» начала двигаться. Медленно, беззвучно, как призрак по тёмной воде. Она огибала их, держась на расстоянии, и Юра видел, как лицо Елены в затемнённом окне медленно поворачивается, следуя за ним, не отрываясь.

— Она говорит... — продолжила Каролина, и голос её дрогнул, — ...она говорит, что он уже мёртв. Что та часть Вороненко, которая была человеком, умерла много лет назад. А то, что осталось, — это только идея. Идея контроля. Идея власти. Идея, которая питается страхом.

Юра впился в руль. Пальцы побелели.

— Как нам остановить его?

— Мы не можем остановить идею, Юра, — ответила Каролина. — Мы можем только доказать, что она неверна. Мы можем показать, что тот, кто не подчиняется, может быть сильнее, чем тот, кто приказывает. Мы можем... стать мостом.

Чёрная «Волга» выровнялась с ними. Теперь она ехала рядом, бок о бок, и расстояние между ними было не больше метра. Юра видел каждую деталь её матового кузова, каждую тень, что плясала на его поверхности. И в этом танце он увидел нечто странное — на чёрной поверхности начинали проступать узоры. Символы, похожие на те, что он видел на металлическом цилиндре профессора Киселёва. Те самые, что были выгравированы на контейнере с сывороткой «Смертоносец».

— Она... она показывает нам что-то, — прошептал Юра.

— Да, — ответила Каролина, и в голосе её прозвучало удивление. — Она показывает нам координаты. Того места, где всё началось. Где создавали «Феникса». Где она... умерла.

Юра перевёл взгляд на символы. Они складывались в число. Длинное, сложное, похожее на координаты.

— Сочи, — тихо сказал он. — Она показывает нам Сочи.

Чёрная «Волга» начала замедляться. Её фары мигнули один раз, словно прощание, и она начала исчезать в тумане, растворяясь в серой пелене, как сон на рассвете. А вместе с ней исчезало и лицо Елены — медленно, спокойно, с той же странной улыбкой.

— Она уходит, — сказал Юра.

— Она всегда уходит, — повторила Каролина, и в голосе её слышалась та же щемящая нота, что и раньше. — Но теперь мы знаем, куда нам ехать.

В салоне повисла тишина. Мотор мягко урчал, и где-то вдалеке начал разгораться рассвет — первые, серые проблески, что пробивались сквозь туман.

Юра сидел и смотрел на дорогу. Впереди, где-то за горизонтом, лежал Сочи. Там, где ждала его бабушка, где дед хранил свои тайны, и где, возможно, ждала Елена — в своём мире между мирами.

— Каролина, — сказал он наконец, — а ты помнишь, как умирала? Ты помнишь ту боль? Молчание.

— Помню, — ответила она, и голос её был тих, как шёпот. — Я помню каждую секунду. Каждый крик. Каждую иглу. Каждую каплю того, что они вливали в меня. Но я помню и другое, Юра.

— Что?

— Я помню, как после этого я стала сильнее. Как моя душа, которую они хотели уничтожить, нашла себе новый дом. Как я поняла, что они не могут убить меня, потому что я уже не человек. Я — нечто большее. Я — память. Я — воля. Я — дорога, которая никогда не кончается.

Юра кивнул. В груди разливалось странное чувство — не страх, не надежда, а что-то среднее. Знание того, что, что бы ни случилось дальше, он уже не один.

— Тогда поехали, — сказал он. — В Сочи.

Двигатель «Волги» тихо, почти ласково взревел, и машина, плавно развернувшись, показала по ночной дороге. За её кормой оставался туман, чёрная тень и лицо женщины, которая ждала.

Ждала, когда мост откроется.

...И мост открылся.

Это случилось беззвучно — мир вокруг на мгновение стал плоским, как старая фотография, а затем обрёл глубину, но уже другую. Юра почувствовал это нутром: что-то сдвинулось, пропуская их туда, где время текло не по земным законам. Каролина мягко ускорила, и асфальт под колёсами запел тонкую, звенящую ноту.

А затем из тишины родился рёв.

Чёрная «Волга» вынырнула из ниоткуда — не приблизилась, не догнала, а именно вынырнула, словно ждала по ту сторону моста. Её двигатель ревел не механическим басом, а живым, утробным воем, в котором слышалась не ярость — голод. Она ударила сзади, без предупреждения, без сигнала, без единого проблеска фар. Удар — короткий, жестокий, не рассчитанный на то, чтобы остановить, а на то, чтобы ранить.

Каролину бросило вправо. Юра вцепился в руль, чувствуя, как её кузов содрогнулся, как что-то хрустнуло в заднем крыле, как металл застонал — не скрежетом, а именно стоном, высоким, почти человеческим. Чёрная тень за кормой не отставала, она снова приближалась, и Юра кожей ощутил её ледяное дыхание, просачивающееся сквозь щели.

Второй удар пришёлся в правый бок — короткий, точный, как удар ножа под ребро. Юру швырнуло на пассажирское сиденье, книга слетела на пол, плафон мигнул и погас на секунду, и в этой секунде темноты раздался звук, от которого у него похолодело внутри. Звук разрываемой плоти.

А затем — тишина. Рёв позади стих, словно чёрная «Волга» растворилась, насытившись болью.

— Каролина? — позвал он, но она не ответила.

Двигатель молчал. Плафон горел тускло, едва-едва. Юра толкнул дверь, вывалился наружу на ватных ногах и обошёл машину справа. И замер.

В правой двери, чуть ниже ручки, зияла вмятина — глубокая, с рваными краями, словно металл не смяли, а вспороли. Из трещины в самой глубине вмятины текла кровь. Настоящая. Густая, тёмная, почти чёрная в рассветных сумерках. Она стекала медленно, толчками, как из раны, и капли падали на гравий, смешиваясь с пылью.

Юра протянул руку. Коснулся. Пальцы стали липкими, тёплыми. Он поднёс их к лицу, вдохнул — запах железа и соли. Никакой магии. Никаких символов. Только кровь. Кровь машины, которая помнила себя человеком.

Глава 7. Привыкание.

Рассветный воздух был влажным и тягучим, как старая патока. Юра стоял на коленях перед правой дверью «Волги», глядя на тонкую струйку крови, стекающую по рваному металлу. В ушах всё ещё гудел тот последний удар чёрной тени, а в груди колотилось сердце, словно пытаясь пробить рёбра и вырваться наружу. Он поднёс испачканные пальцы к лицу, вдохнул запах — железо, соль и что-то ещё, почти неуловимое, напоминающее запах старой кожи и дорожной пыли. Кровь была настоящей. Живой.

— Каролина... — его голос сорвался на хрип. — Ты... ты слышишь меня?

Тишина. Только ветер шелестел в сухой траве у обочины, да где-то вдалеке, за холмами, начинал просыпаться город — первые, ещё робкие звуки утренней жизни. Но в салоне машины было пусто. Плафон горел тускло, почти невидимо, словно свеча на последнем дыхании.

— Каролина! — крикнул он громче, и голос его эхом разлетелся по пустынной дороге. — Ты слышишь меня?! Ответь! Пожалуйста!

Он ударил кулаком по капоту — раз, второй. Тёплый металл глухо отозвался под пальцами, но в ответ — ничего. Только тишина. Та самая тишина, которая бывает в доме, где кто-то только что умер.

Юра отшатнулся от машины, сделал несколько шагов назад и рухнул на колени прямо на гравий. Острые камешки впились в колени через тонкую ткань брюк, но боли он почти не чувствовал. Вся боль была внутри — в груди, в горле, в висках, где пульсировала тяжёлая, гудящая волна страха.

— Нет... нет, нет, нет... — зашептал он, качая головой. — Ты не можешь... ты же говорила, что сильнее их... что ты помнишь... что ты — нечто большее...

Он сжал голову руками, вцепился пальцами в волосы, пытаясь унять дрожь, которая сотрясала его тело с головы до пят. Всё случилось так быстро: эта чёрная тень, этот жуткий удар, этот звук разрываемого металла, похожий на крик живого существа. А теперь — тишина. И кровь. Много крови.

Юра поднялся на ноги, пошатываясь. Голова кружилась, перед глазами плыли тёмные пятна. Он сделал шаг к машине, затем другой, остановился, глядя на вмятину. Кровь продолжала сочиться, но теперь медленнее, капля за каплей, стекая на землю и оставляя на гравии тёмные, почти чёрные пятна.

— Это всё из-за меня, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Я хотел в Сочи. Я хотел найти ответы. Я... я не должен был просить тебя везти меня. Ты же говорила, что они ждали нас. Ты знала. Знала, что это опасно. Но я всё равно...

Он запнулся, чувствуя, как в горле встаёт ком, мешая дышать. Слезы, которые он сдерживал всю ночь, наконец прорвались — горячие, солёные, оставляя влажные дорожки на грязном лице. Он не плакал так с самого детства. Тогда, в поезде, когда профессор Киселёв влил ему в рот серебряную сыворотку и мир вокруг потемнел. Тогда, когда мать сидела рядом с ним, прижимая его голову к груди, и шептала молитвы. Сейчас он плакал снова. Но не от боли. От бессилия.

— Прости меня, — выдохнул он, опускаясь на колени рядом с вмятиной. — Пожалуйста... прости меня. Я не хотел, чтобы ты пострадала. Ты же единственная, кто... кто не смотрел на меня как на монстра. Ты дала мне надежду. А я... я позволил этому случиться

Он протянул руку, коснулся влажного металла, провёл пальцами по рваному краю. И в этот момент почувствовал то самое — слабое, почти неуловимое, но отчётливое тепло. Тепло, которое было не от солнца (солнца-то ещё не было), а откуда-то изнутри, из самых недр машины. Тепло, похожее на дыхание.

— Каролина? — голос его сел до шёпота. — Ты... ты здесь?

Плафон в салоне дрогнул, мигнул, разгорелся чуть ярче. В динамике магнитофона «Былина» раздался тихий, едва слышный шорох — тот самый, похожий на дыхание.

— Я... здесь, — голос Каролины был слабым, прерывистым, словно шёл из глубокой, тёмной пещеры. — Просто... дай мне... минуту.

Юра выдохнул так, что плечи его опустились. Он снова прижался лбом к капоту, чувствуя, как холодный металл постепенно нагревается под его кожей.

— Ты жива... — прошептал он. — Ты жива.

— Не совсем... подходящее слово, — Каролина попыталась усмехнуться, но усмешка вышла слабой, болезненной. — Я не живая... в человеческом смысле. Но я... я ещё могу говорить. Это уже хорошо.

— Что с тобой случилось? — Юра поднял голову, вытер рукавом мокрое лицо. — Эта чёрная машина... она ударила тебя. Я видел кровь. Настоящую кровь. Как...

— Как у человека, — закончила за него Каролина. — Да, Юра. Это была не просто машина. Это была часть меня. То, что они отняли, когда создавали... эту тень. Они использовали мой собственный прототип, чтобы сделать оружие против меня. Чёрная «Волга» — это моя копия. Но без души. Только ярость. Только голод. И она чувствует, когда я слабею. Она приходит, чтобы... чтобы забрать то, что осталось.

— Забрать? — Юра нахмурился. — Что значит «забрать»?

— Мою память, — ответила Каролина, и голос её дрогнул. — Мои воспоминания. Мою суть. Каждый удар, каждый укус — она высасывает из меня то, что делает меня мной. Если она ударит ещё раз... я могу исчезнуть. Навсегда.

Юра почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он снова взглянул на вмятину, на кровь, стекающую по металлу. Всё это было реально. Слишком реально.

— Мы должны что-то сделать, — сказал он, и голос его стал твёрже. — Мы не можем просто сидеть здесь и ждать, пока она вернётся. Ты говорила, что знаешь, как остановить Вороненко. Что нужно стать мостом. Но как? Как мне помочь тебе?

Каролина молчала несколько секунд. В салоне слышалось лишь тихое шипение, похожее на то, как остывает чайник после долгого кипения.

— Ты хочешь знать правду, Юра? — наконец спросила она. — Всю правду? Даже ту, которая может изменить тебя навсегда?

— Я уже изменился, — ответил он, глядя на свои испачканные кровью руки. — Я уже не тот мальчик, который бежал от людей из Комитета. Я видел то, чего не должен был видеть. Я чувствую то, чего не должен был чувствовать. И я хочу знать. Всё.

— Тогда садись внутрь, — сказала Каролина. — Закрой дверь. И слушай.

Юра, шатаясь, поднялся на ноги. Колени болели, спина ныла, голова гудела, но он заставил себя идти. Он открыл водительскую дверь, сел на тёплое, ещё хранящее тепло её тела кожаное сиденье и закрыл дверь. Плафон горел ровным, тёплым светом. Книга с золотым фениксом лежала на пассажирском сиденье, открытая, и на её страницах, как и прежде, проступали буквы, складываясь в слова.

— Я не могу рассказать тебе всё сразу, — начала Каролина, и голос её стал глубже, спокойнее, хотя в нём всё ещё слышалась боль. — Некоторые вещи... их нужно пережить, чтобы понять. Но я могу показать тебе одну вещь. Ту, что объяснит, почему я здесь. Почему я ждала тебя. И почему ты — единственный, кто может помочь мне закончить то, что начал твой дед.

— Покажи, — прошептал Юра.

Плафон мигнул. Свет стал мягче, теплее, словно погружая их в золотистый туман. И в этом тумане, прямо перед глазами Юры, начали проявляться образы.

Он увидел завод. Огромный, гулкий цех, залитый ярким электрическим светом. Увидел конвейерную линию, по которой медленно двигались кузова машин — серые, ещё без краски,

без души. Увидел рабочих в промасленных комбинезонах, которые сваривали детали, подгоняли панели, проверяли швы. И вдруг — одна машина, стоящая в стороне от всех, под старым, пыльным прожектором. Чёрная, глянцевая, уже готовая. И рядом с ней — женщина. Та самая, которую он видел в видении. Каролина. Человеческая Каролина

Она стояла, положив руку на капот, и что-то говорила инженерам. Её лицо было серьёзным, сосредоточенным, но в глазах горел огонь — тот самый, который он слышал в её голосе, когда она рассказывала о своей жизни, о смерти, о возрождении в металле.

— Это был первый прототип, — голос Каролины звучал откуда-то издалека, словно шёл сквозь время. — Я помогала создавать эту машину. Я вложила в неё часть своей души — тогда, когда была ещё человеком. Но я не знала, что мой проект станет основой для того, что они назовут «Фениксом». Что моя работа, моя страсть к автомобилям станет оружием против меня самой.

Видение сменилось. Теперь Юра видел лабораторию — ту самую, где она умирала. Видел, как её тело, распятое на каталке, корчится в агонии. Видел, как её сознание, отторгнутое плотью, мечется в поисках убежища. И видел, как она находит это убежище — в корпусе чёрной «Волги», что стоит в соседнем ангаре.

— Я не хотела становиться машиной, — сказала Каролина, и голос её дрогнул. — Я хотела жить. Работать. Любить. Но они отняли это у меня. Они сделали меня тем, кем я стала. И теперь я не знаю, что я есть — душа, запертая в металле, или просто программа, которая научилась чувствовать.

— Ты — не программа, — твёрдо сказал Юра. — Я видел твои воспоминания. Я чувствовал твою боль. Программы не чувствуют. Они просто выполняют команды. А ты... ты выбираешь. Ты выбрала ждать меня. Ты выбрала помочь мне. Ты выбрала быть свободной.

В салоне повисла тишина. Каролина молчала так долго, что Юра начал бояться, что она снова потеряла сознание. Но затем плафон загорелся ярче, и голос её зазвучал с новой силой — в нём слышалась не боль, а удивление.

— Ты... ты правда так думаешь?

— Я знаю, — ответил Юра. — Потому что если бы ты была просто программой, ты бы не стала рисковать собой, чтобы защитить меня. Ты бы не плакала, когда рассказывала о Елене. Ты бы не боялась, что чёрная «Волга» отнимет у тебя память. Страх, боль, любовь — это всё чувства. А чувства есть только у живых.

Долгую минуту Каролина молчала. А затем, очень тихо, почти шёпотом, она сказала:

— Спасибо, Юра.

— Не за что, — он улыбнулся, и впервые за эту долгую ночь улыбка его была искренней.

Но улыбка сошла с его лица так же быстро, как и появилась. Потому что в голове его, словно гром среди ясного неба, раздалась мысль. Она не была его собственной. Она пришла откуда-то извне — холодная, липкая, пугающая.

«Юра...»

Он вздрогнул так, что лбом ударился о край приборной панели. Острая боль пронзила лоб, но он не обратил на неё внимания. Потому что голос, который он услышал, не принадлежал Каролине.

Это был голос Елены.

— Ты слышал? — спросил он, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом. — Это она... она говорит со мной.

— Я слышу её, — ответила Каролина, и голос её был напряжённым. — Она близко. Очень близко.

Юра вгляделся в утренний туман, который начинал сгущаться у края дороги, и увидел её. Знакомый силуэт — красное платье, длинные тёмные волосы, развевающиеся на ветру.

Елена стояла на обочине, в нескольких метрах от них, и смотрела прямо на него. Её глаза были зелёными, такими же, как в первую встречу, и в них было всё — боль, надежда, отчаяние и любовь.

Она не двигалась, не говорила, просто стояла, и Юра чувствовал, что она ждёт. Чего-то. Чего-то важного.

— Она хочет, чтобы ты подошёл к ней, — сказала Каролина, и голос её был ровным, но в нём слышалась тревога. — Но будь осторожен. Чёрная «Волга» всё ещё где-то рядом. Она ждёт, когда ты сделаешь ошибку.

— Она не причинит мне вреда, — ответил Юра, и сам удивился тому, как уверенно прозвучал его голос. — Я чувствую это.

Он открыл дверь, выбрался из машины. Ноги его дрожали, но он заставил себя идти. Шаг за шагом, медленно, преодолевая липкий страх, который сковывал движения. Елена не двигалась, не приближалась, не исчезала. Она просто стояла и ждала, пока он подойдёт.

Когда между ними оставалось не больше трёх шагов, он остановился. В утреннем свете её лицо казалось ещё бледнее, чем в прошлый раз. Под глазами залегли тени, губы были сухими и потрескавшимися. Она выглядела уставшей, измученной, словно несла на плечах груз, который невозможно сбросить.

— Ты пришёл, — сказала она, и голос её был низким, хриловатым, как у человека, который долго молчал. — Я знала, что ты придёшь. Я видела тебя в своих снах.

— Кто ты? — спросил Юра, хотя уже знал ответ. — Почему ты преследуешь нас?

— Я не преследую, — ответила она, качая головой. — Я жду. Я жду, когда ты будешь готов.

— Готов к чему?

Елена подняла руку, коснулась своего округлившегося живота. В этом жесте было что-то почти материнское, нежное, но в то же время — бесконечно печальное.

— К встрече с моим сыном, — сказала она, и голос её дрогнул. — Он не может родиться, пока мир не будет готов. А мир не готов, пока Вороненко правит тенями. Ты — тот, кто сможет открыть дверь. Ты — тот, кто сможет показать ему, что такое свобода.

Юра почувствовал, как в груди разливается странное тепло. Не страх, не гнев — что-то другое. Принятие. Знание того, что всё, что с ним случилось, не было случайностью. Что он действительно был частью чего-то большего.

— Я не знаю, смогу ли, — признался он. — Я всего лишь мальчик.

— Ты — больше, чем мальчик, — сказала Елена, и на её губах появилась слабая, едва заметная улыбка. — Ты — тот, кто не боится смотреть в лицо тьме. Ты — тот, кто не сдаётся. Ты — тот, кто идёт, даже когда не видит дороги. Именно такие люди меняют мир.

Она шагнула к нему ближе, и Юра почувствовал странный холод, исходящий от её тела. Холод, который не был враждебным — скорее, усталым. Усталым от долгого странствия между мирами.

— Она умирает, — раздался вдруг голос Каролины из динамика «Волги». — Её сознание тает. Ей осталось недолго.

— Я знаю, — тихо ответила Елена, не оборачиваясь. — Я чувствую это. Но я не боюсь. Я уже увидела достаточно. Я увидела его.

Она положила руку на плечо Юры, и её пальцы оказались ледяными, как прикосновение смерти. Но в этом прикосновении не было угрозы. Только благодарность.

— Ты сделаешь это, — сказала она. — Я знаю. Потому что я видела. В своих снах. Ты откроешь дверь, и он родится. И мир станет другим. Лучшим.

Она сделала шаг назад. Её фигура начала таять, растворяться в утреннем тумане, как дым на ветру. И последнее, что услышал Юра, прежде чем она исчезла, был шёпот:

— Спасибо тебе, Юра Бойко.

Юра стоял и смотрел на пустое место, где только что была Елена. Туман медленно оседал, открывая серое, свинцовое небо. Где-то вдалеке начинал просыпаться город — слышались первые гудки машин, лай собак, голоса людей. Мир возвращался к жизни, но сам Юра чувствовал себя так, будто только что проснулся после долгого, тяжёлого сна.

Он вернулся к «Волге», сел на водительское сиденье и закрыл дверь. Книга на пассажирском кресле была закрыта, но он заметил, как на её обложке тускло поблёскивает золотой феникс.

— Что теперь? — спросил он тихо.

— Теперь мы едем, — ответила Каролина, и в голосе её слышалась усталость, но вместе с ней — твёрдая решимость. — Мы едем в Сочи. Мы найдём твою бабушку. Мы узнаем правду. И мы остановим Вороненко.

— А как же чёрная «Волга»? — спросил Юра, вглядываясь в туман за окном.

— Она будет ждать, — сказала Каролина. — Она всегда ждёт. Но теперь я знаю, как с ней бороться. Я знаю её слабость.

— Какую?

— Она не может двигаться без света, — ответила Каролина. — Она питается страхом. Чем больше ты боишься, тем сильнее она становится. Но если ты перестанешь бояться... если ты покажешь ей, что ты не жертва, а охотник... она потеряет силу.

Юра кивнул, сжал руль и посмотрел вперёд. Туман начал рассеиваться, открывая дорогу, ведущую вниз, в долину, где вдалеке поблёскивали огни города.

— Тогда поехали, — сказал он.

Двигатель «Волги» взревел, и машина мягко тронулась с места, унося их в новый день, полный тайн, опасностей и надежды. А где-то позади, в глубине тумана, две жёлтые фары зажглись на мгновение — и погасли, словно их и не было.

Дорога вилась серпантином среди холмов, заросших густым кустарником, где ветер гнул ветви и трепал листву. Юра сидел в полной тишине, только дыхание его было тяжёлым, неритмичным. Мысли метались, словно загнанные звери в клетке, не находя выхода. Каролина не торопилась говорить, давая ему время переварить случившееся. Но тишина давила на плечи, и с каждой минутой она становилась всё тяжелее.

— Ты знала, — наконец выдохнул он, глядя на дорогу перед собой, но не видя её. — Ты знала, что она придёт. Что эта чёрная тень ударит. Ты знала, но ничего не сказала.

— Да, — тихо призналась Каролина, и в её голосе не было попыток оправдаться. — Я знала.

— Почему?! — Юра ударил ладонью по рулю, отчего внутри машины разнёсся глухой звук. — Ты могла предупредить меня! Мы могли свернуть, спрятаться, уехать в другую сторону! Но ты ничего не сказала! Ты просто позволила этому случиться!

— Потому что, если бы я сказала тебе, — ответила она, и голос её был спокойным, но в нём слышалась сталь, — ты бы испугался. А она питается страхом. Чем больше ты боишься, тем сильнее она становится. Я должна была дать тебе шанс почувствовать её, привыкнуть к ней, понять, что она — не всесильна. Только тогда ты сможешь не бояться её.

— Это не ответ! — выкрикнул он, и голос его дрогнул. — Ты могла хотя бы сказать мне, что она существует. Что она — часть тебя. Что она хочет забрать то, что осталось от твоей души. Но ты держала это в секрете. Как и многое другое.

Каролина замолчала. Плафон в салоне пригас, словно она задумалась о чём-то тяжёлом.

— Ты прав, — сказала она наконец. — Я не должна была скрывать это от тебя. Но пойми, Юра: я хотела защитить тебя. Ты слишком молод, чтобы нести такой груз. Ты и так уже видел слишком много. Я боялась, что если скажу тебе всю правду, ты просто сломаешься. Что ты откажешься идти дальше.

— Откажусь? — Юра усмехнулся, и в усмешке его слышалась горечь. — Ты думаешь, я могу отказаться? После всего, что случилось? После того, что я видел? Что я чувствовал? Если бы я хотел отказаться, я бы просто ушёл. Я бы оставил тебя здесь, на этой заправке, и пошёл бы своей дорогой. Но я не ушёл. Я остался. Потому что я не могу. Не сейчас.

Он замолчал, чувствуя, как в груди разрастается странное, горячее чувство. Не гнев, не страх — что-то другое. Решимость.

— Я хочу знать правду, — сказал он твёрдо. — Всю правду. Не ту, которую ты считаешь безопасной для меня. А всю. Без утайки. Даже если она страшная. Даже если она изменит меня навсегда. Потому что я уже изменился. И я хочу знать, во что я превращаюсь.

На несколько мгновений в салоне повисла тишина. Каролина не отвечала. Лишь где-то под капотом тихо щёлкали реле, словно она перебирала варианты, взвешивала слова, которые могла бы сказать.

— Ты не боишься, что правда уничтожит тебя? — наконец спросила она.

— Я боюсь, — признался Юра, и голос его был тихим, но твёрдым. — Но я боюсь не правды. Я боюсь неизвестности. Я боюсь быть тем, кто не знает, что происходит вокруг него. Я боюсь быть марионеткой, которую дёргают за нитки, не спрашивая её согласия. Если я узнаю правду, я хотя бы буду знать, что происходит. И буду выбирать сам.

Долгое молчание. Плафон, до этого горевший тускло, начал набирать яркость, словно Каролина наконец приняла решение.

— Хорошо, — сказала она. — Я расскажу тебе всё. Но сначала я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Ты не должен мне верить. Ты должен проверять каждое моё слово. Я была частью системы, которую создал Вороненко. И хотя я ненавижу его, я всё ещё могу быть заражена его идеями. Я могу ошибаться. И я могу лгать, даже не осознавая этого. Договорились?

— Договорились, — ответил Юра.

Каролина начала свой рассказ.

— Я была рождена в маленьком городке на юге Германии, в семье потомственных инженеров. Мой отец работал над созданием аэродинамических кузовов для гоночных автомобилей, моя мать была специалистом по аэродинамике. Ещё в детстве я впитывала их знания, их страсть к механизмам, которые были не просто железками, а чем-то большим. Я видела, как в их руках мёртвый металл оживал, обретал форму и душу.

Она говорила, и в голосе её слышалась тоска по тем далёким, почти забытым временам.

— Когда началась война, мой отец, как и многие, был призван на работу в военную промышленность. Сначала он проектировал кузова для грузовиков, потом — для легковых машин. Я была слишком мала, чтобы понять весь ужас того, что происходило вокруг. Но я помню, как однажды отец вернулся домой бледный, как полотно, и сказал матери: «Мы создаём не машины. Мы создаём смерть».

Глава 8: Красный vs Чёрный.

Юра слушал, затаив дыхание. Каролина никогда не рассказывала о своём прошлом так подробно. Он чувствовал, что сейчас она открывает ему нечто очень важное, сокровенное.

— После войны моя семья оказалась в Советском Союзе. Нас перевезли сюда по обмену специалистами. Сначала было трудно: незнание языка, чужая культура. Но постепенно мы привыкли. Отец получил работу на заводе, мама преподавала в техническом училище. Я пошла в местную школу, выучила язык. Я чувствовала себя почти русской, но в глубине души всегда помнила, откуда я родом.

— А потом ты встретила деда? — спросил Юра.

— Да, — голос Каролины стал мягче, теплее. — Я встретила твоего деда на одном из заводских совещаний. Он работал над проектом, который казался безумным. Он хотел создать машину, которая не просто перевозила бы людей, но и чувствовала их. Которая могла бы адап-

тироваться к водителю, понимать его мысли, его эмоции. Это было невероятно. Но он верил в это. И я поверила в него.

— Вы работали вместе?

— Да. Мы создали первый прототип. Ту самую машину, которую я упоминала, — «Волгу», что стояла в цеху под прожектором. Она была нашей гордостью. Но потом пришёл Вороненко. Он увидел потенциал в нашей работе, но не так, как видели его мы. Для него это было оружие. Средство контроля.

Каролина запнулась, и Юра услышал, как в её голосе снова появилась горечь.

— Он заставил нас продолжать проект, но теперь — под его руководством. Он добавил в схему элементы, которые превращали машину из инструмента для водителя в инструмент для системы. Он хотел контролировать не только машины, но и людей, которые ими управляли. А когда я попыталась воспротивиться, он... он уничтожил меня. Не физически — я была ещё жива. Но он уничтожил всё, что я любила, всё, что я строила. Мою семью. Моих коллег. Мою веру в то, что техника может быть доброй.

Юра почувствовал, как по лицу его пробежала холодная дрожь.

— А твой отец? Мама? Что стало с ними?

Каролина молчала несколько секунд. Плафон пригас, будто ей было больно говорить об этом.

— Отец умер через год после того, как проект перешёл в руки Вороненко. Официальная причина — сердечный приступ. Но я знаю, что это было не так. Он был сильным, здоровым человеком. Его убили. Мать... она не пережила потери. Она ушла в себя, перестала говорить, перестала есть. Через несколько месяцев я похоронила и её.

Юра сжал кулаки, чувствуя, как внутри него закипает ярость.

— Это чудовищно, — прошептал он.

— Мир, в котором мы живём, полон чудовищ, Юра, — сказала Каролина. — Но есть и хорошие люди. Твой дед был одним из них. Он рисковал собой, чтобы помочь мне. Когда он понял, что Вороненко планирует использовать мой проект для создания армии идеальных солдат, он собрал все данные, которые смог, и спрятал их в надёжном месте. Он знал, что рано или поздно найдётся кто-то, кто сможет продолжить его дело.

— Я, — сказал Юра, и в голосе его не было сомнений. — Это я. Ты сказала, что я — ключ. Что я — тот, кто сможет открыть дверь. И я верю тебе. Но я не могу сделать это один. Мне нужна ты.

— Ты не один, — ответила Каролина. — Мы вместе. Договорились?

— Договорились.

Они долго сидели в тишине, глядя на дорогу. Через открытые окна в салон врвался свежий ветер, пахнувший полыньёю и утренней росой. Где-то вдали пропел петух, возвещая начало нового дня.

— Я хочу заключить с тобой договор, — сказал наконец Юра.

— Договор?

— Да. Я хочу знать всё. Всю правду о тебе, о проекте, о том, что произошло. Но взамен я обещаю, что не буду тебя бояться. Что бы ты ни сказала, что бы ни показала, я останусь с тобой. Я помогу тебе. Даже если это будет страшно. Даже.

На следующее утро...

Утро разгоралось медленно, будто нехотя. Солнце, ещё скрытое за холмами, окрасило небо в цвет разбавленного кровью молока — бледно-розовый, с прожилками серых облаков. Дорога, пустая и бесконечная, стелилась под колёса «Волги» серой лентой, и каждый километр, оставшийся позади, казался маленькой победой над тьмой, что гналась за ними.

Юра молчал. После долгого разговора с Каролиной, после её исповеди он чувствовал себя опустошённым, но странным образом — наполненным одновременно. Словно он наконец

перестал быть пассажиром в собственной жизни и взялся за руль не только метафорически, но и буквально. Его пальцы сжимали обод руля с уверенностью, которой он не чувствовал прежде. Раньше он просто держался за него, позволяя машине вести себя. Теперь он вёл её сам. И это ощущение — ощущение контроля, пусть даже иллюзорного, — придавало ему сил.

— Ты изменился, — заметила Каролина, и голос её, всё ещё слабый после ночного нападения, звучал в динамиках почти нежно. — Я чувствую это. Твоё сердцебиение стало ровнее. Дыхание глубже. Ты больше не дрожишь.

— Я устал бояться, — просто ответил Юра, не отрывая взгляда от дороги. — Это выматывает. Страх — он как ржавчина. Разъедает изнутри. Я понял это, когда ты рассказала мне о себе. О твоём отце. О матери. О том, что они сделали с тобой. Я подумал: если ты, потеряв всё, что любила, смогла найти в себе силы жить дальше, то я-то чего боюсь? Я жив. У меня есть руки, ноги, голова на плечах. И у меня есть ты.

Каролина промолчала, но плафон в салоне мигнул теплее, и Юра мог поклясться, что машина чуть заметно ускорилась, словно подбадривая его.

Они миновали несколько деревушек — сонных, затерянных среди холмов, где время, казалось, остановилось ещё в прошлом веке. Покосившиеся заборы, серые избы с резными наличниками, колодцы с деревянными воротами, старухи в платках, провожающие машину долгими, ничего не выражающими взглядами. Юра чувствовал эти взгляды кожей — тяжёлые, липкие, как патока. В них не было враждебности, но не было и приветливости. Просто наблюдение. Просто ожидание. Чего? Ответа на этот вопрос он не знал, но чувствовал, что ответ где-то рядом, за поворотом, за следующим холмом, за полосой тумана, который начинал сгущаться у обочин.

— Туман, — сказал он, скорее для себя, чем для Каролины. — Опять туман.

— Да, — отозвалась она, и голос её напрягся. — Я чувствую его. Он не обычный. В нём есть что-то... чужое. Что-то, что не принадлежит этому миру.

— Как тогда, в первую ночь? Когда ты впервые заговорила со мной?

— Да. Тогда туман тоже был её оружием. Она использует его, чтобы скрыть своё приближение. Чтобы дезориентировать. Чтобы питаться нашим страхом до того, как нанесёт удар.

Юра сбавил скорость. Дорога шла под уклон, ныряя в долину, где туман лежал плотным, почти осязаемым одеялом. Он колыхался, переливался в утреннем свете, и в этом движении чудилось что-то живое, что-то дышащее. Ветви придорожных кустов, торчащие из молочной пелены, напоминали руки утопленников, тянущиеся к небу в безмолвной мольбе.

— Мы можем объехать? — спросил Юра, хотя уже знал ответ.

— Нет, — Каролина помолчала. — Здесь только одна дорога. И она ведёт прямо в город. Если мы свернём, потеряем время. А времени у нас почти не осталось.

— Тогда поехали, — сказал он и нажал на педаль газа.

«Волга» нырнула в туман, как ныряет пловец в мутную воду — с замиранием сердца, с холодком, пробегающим по спине. Видимость упала до нескольких метров. Юра включил противотуманные фары, но их жёлтый свет лишь размазывался по белой пелене, создавая причудливые, постоянно меняющиеся узоры. Казалось, что они едут не по дороге, а по дну какого-то древнего, высохшего моря, где вместо воды — призрачный туман, а вместо рыб — тени, скользящие у самой границы восприятия.

— Она здесь, — сказала Каролина, и голос её был спокойным, но в этом спокойствии чувствовалось колоссальное напряжение. — Я чувствую её. Она ждёт нас у въезда в город.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я бы сама выбрала это место. Узкая дорога, ограниченная видимость, близость к людям. Она знает, что я не стану рисковать гражданскими. Она знает, что я буду осторожна. И она использует это против меня.

Юра сглотнул комок в горле. Его руки на руле снова начали дрожать, но он заставил себя дышать глубоко и ровно. «Ты не боишься. Ты не боишься. Ты не боишься», — повторял он про себя, словно мантру, словно заклинание, способное отогнать злых духов.

И вдруг — тишина.

Не просто тишина, а та особенная, звенящая пустота, которая наступает перед чем-то страшным. Двигатель «Волги» работал ровно, шины шуршали по асфальту, но все эти звуки словно отдалились, стали приглушёнными, будто доносились из-под толщи воды. Юра перестал слышать собственное дыхание. Перестал слышать биение сердца. Мир замер в неестественной, пугающей неподвижности.

А потом он увидел её.

Сначала — два жёлтых огня в глубине тумана. Они не походили на фары обычной машины. Слишком яркие, слишком живые, они горели ровным, немигающим светом, словно глаза хищника, выслеживающего добычу в ночи. Они приближались медленно, величественно, и в их движении было что-то гипнотическое, завораживающее, от чего невозможно было отвести взгляд.

— Это она, — прошептал Юра, и голос его сорвался.

— Да, — подтвердила Каролина. — Чёрная «Волга». Моя тень. Моя смерть.

Туман расступился, словно занавес перед началом трагедии, и Юра увидел её целиком. Она была точной копией Каролины — ГАЗ-3102, тот же самый кузов, те же линии, тот же силуэт. Но если Каролина, кроваво-красная, сияла в лучах солнца, как драгоценный камень, то эта машина была воплощением тьмы. Её чёрный цвет не был просто цветом — это была пустота, отсутствие света, бездна, которая поглощала всё, к чему прикасалась. Хром на бамперах и решётке радиатора не блестел, а тускло мерцал, словно покрытый вековой пылью. Стёкла были тёмными, почти непрозрачными, и за ними не угадывалось никакого движения, никакой жизни. Только тьма. Только холод. Только голод.

Она стояла поперёк дороги, перекрывая въезд в город. За ней, в нескольких сотнях метров, виднелись первые дома — серые, невзрачные коробки окраины, но сейчас они казались недостижимыми, как мираж в пустыне. Между ними и свободой стояла чёрная «Волга».

— Что будем делать? — спросил Юра, чувствуя, как пот катится по спине.

— Я не знаю, — честно призналась Каролина. — Раньше я всегда убегала. Всегда уходила от боя. Но теперь... теперь со мной ты. И это меняет всё.

— Меняет как?

— Ты — не просто пассажир. Ты — часть меня. Ты даёшь мне силы, о которых я даже не подозревала. Когда ты рядом, я чувствую, что могу больше. Что я могу бороться.

Чёрная «Волга» медленно, почти лениво тронулась с места. Она не разворачивалась, не пыталась объехать их — она просто покатила назад, не отрывая от них взгляда своих жёлтых фар. Это было приглашение. Вызов. Приглашение на танец смерти.

— Она хочет, чтобы мы последовали за ней, — сказал Юра.

— Да. Она хочет увести нас от города. Туда, где нет свидетелей. Где она сможет делать всё, что захочет, не опасаясь вмешательства.

— И мы пойдём?

Каролина молчала несколько секунд. Юра чувствовал, как вибрирует кузов машины — не от работы двигателя, а от напряжения, которое исходило от неё самой. Она принимала решение. И когда она заговорила, в её голосе звучала та самая сталь, которую он слышал раньше.

— Мы пойдём. Но на моих условиях.

— Что это значит?

— Это значит, что мы не будем убегать. Мы не будем прятаться. Мы будем сражаться. Я устала быть жертвой, Юра. Устала бояться собственной тени. Если ей нужна моя душа — пусть попробует забрать её. Но я не отдамся без боя.

Чёрная «Волга» развернулась — плавно, грациозно, как хищник, демонстрирующий свою мощь, — и помчалась по дороге, ведущей в объезд города. Юра, не раздумывая, нажал на газ. Красная «Волга» взревела двигателем и устремилась за ней.

Началась погоня.

Дорога, по которой они мчались, была старой, заброшенной — одной из тех, что остались от советских времён и использовались теперь только редкими местными жителями да любителями острых ощущений. Асфальт был потрескавшимся, покрытым выбоинами и заплатками, но обе машины неслись по нему так, словно это был гоночный трек. Чёрная «Волга» впереди, красная — позади, и расстояние между ними то сокращалось, то увеличивалось в зависимости от поворотов и рельефа.

Юра вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Скорость нарастала — восемьдесят, сто, сто двадцать километров в час. Ветер врывается в открытое окно, свистел в ушах, трепал волосы. Глаза слезились от напряжения, но он не моргал, боясь упустить из виду чёрный силуэт впереди.

— Она быстрее меня, — сказала Каролина, и в голосе её слышалась тревога. — Она легче. У неё нет лишнего веса — ни воспоминаний, ни совести, ни души. Она пустая внутри. Именно это делает её такой опасной.

— Но у тебя есть то, чего нет у неё! — крикнул Юра, перекрикивая шум ветра. — У тебя есть я!

— Да! — ответила Каролина, и в её голосе прозвучало что-то похожее на восторг. — У меня есть ты! Держись крепче, Юра Бойко! Сейчас мы покажем этой твари, на что мы способны!

Она резко ускорила. Юру вжало в спинку сиденья, перед глазами поплыли тёмные круги, но он удержал руль и продолжал давить на газ. Красная «Волга» нагоняла чёрную, сокращая разрыв метр за метром. Уже можно было разглядеть детали — рваный металл на заднем бампере, царапины на крышке багажника, тусклое мерцание выхлопных газов.

— Ближе! — крикнул Юра. — Ещё ближе!

И вдруг чёрная «Волга» резко затормозила. Юра едва успел среагировать — ударил по тормозам, вывернул руль вправо, уходя от столкновения. Красную «Волгу» занесло, она проскрежетала шинами по асфальту, оставляя чёрные следы, и остановилась в нескольких метрах от глубокой канавы. Юра чувствовал, как колотится сердце, как дрожат руки, как пот заливает глаза.

— Она играет с нами, — сказала Каролина, и голос её был мрачным. — Как кошка с мышью. Она хочет, чтобы мы боялись. Чтобы мы ошибались. Чтобы мы потеряли контроль.

— Не дождётся! — выдохнул Юра и снова нажал на газ.

Погоня продолжилась. Теперь уже не было разделения на преследователя и жертву — обе машины кружили друг вокруг друга в смертельном танце, то сближаясь, то расходясь, обмениваясь ударами. Чёрная «Волга» была сзади, пытаясь задеть бампер или крыло; красная уворачивалась, отвечая резкими манёврами, заставляя противницу терять равновесие.

На одном из поворотов чёрная «Волга» прижала их к обочине. Юра видел, как приближается каменистый откос, видел летящие в лобовое стекло ветки кустов, слышал скрежет металла о гравий. Но Каролина не сдавалась — она резко вывернула руль влево (Юра лишь помог ей, следуя её импульсу), и красная «Волга», словно раненый зверь, вырвалась из ловушки, оставив на обочине клочья краски.

— Она сильна, — сказала Каролина, и Юра услышал в её голосе боль. — Очень сильна. Она знает все мои слабости. Все мои уязвимые места. Она была создана из моей боли, моего страха, моей ненависти. Всё, что я подавляла в себе годами, она воплотила в реальность.

— Тогда перестань подавлять! — крикнул Юра. — Выпусти это! Пусть она увидит, что ты не жертва! Что ты можешь быть такой же опасной, как она!

На мгновение в салоне повисла тишина. Затем плафон вспыхнул ослепительно-ярким, почти яростным светом, и Каролина издала звук — низкий, вибрирующий гул, который шёл откуда-то из глубин двигателя. Этот звук был похож на рычание разъярённого зверя, готового броситься в бой.

— Ты прав, — сказала она, и голос её изменился. В нём больше не было страха. Только холодная, расчётливая ярость. — Я слишком долго была жертвой. Пора стать охотником.

Красная «Волга» рванула вперёд с такой скоростью, что Юра на мгновение потерял ориентацию в пространстве. Мир за окном превратился в смазанную полосу — серое небо, чёрный асфальт, зелёные пятна деревьев. Они нагоняли чёрную машину, и расстояние между ними сокращалось с каждой секундой.

Чёрная «Волга» попыталась уйти влево, на встречную полосу, но Каролина предугадала этот манёвр. Она бросила машину наперерез, блокируя путь. Чёрная метнулась вправо — и снова красная оказалась там раньше, отрезая путь к бегству.

— Я знаю каждый её шаг, — сказала Каролина, и в голосе её слышалось мрачное удовлетворение. — Потому что она — это я. Она думает так же, как я. Она предсказуема. И это её главная слабость.

Они нагнали чёрную «Волгу» на прямом участке дороги. Юра видел, как она пытается ускориться, как дрожит её кузов от напряжения, как из выхлопной трубы вырываются клубы чёрного дыма. Но Каролина не отставала. Метр за метром, сантиметр за сантиметром — красная «Волга» приближалась к своей тени.

И вот они поравнялись.

Юра повернул голову и посмотрел в тёмное окно чёрной машины. На мгновение ему показалось, что он видит там силуэт — человеческий силуэт, сидящий за рулём. Но это была не Каролина, не Елена, не кто-то из живых. Это было нечто бесформенное, тёмное, сотканное из дыма и ненависти. Оно повернуло голову, и Юра почувствовал, как в его мозг вонзились два жёлтых луча — холодных, безжалостных, лишённых всего человеческого.

— Не смотри на неё! — крикнула Каролина. — Она пытается проникнуть в твой разум! Она питается твоим страхом!

Но Юра не отвёл взгляда. Он смотрел прямо в эти жёлтые глаза, и в груди его росло странное чувство — не страх, не гнев, а что-то другое. Сострадание? Нет, не совсем. Понимание. Он понимал, что это существо, чем бы оно ни было, тоже страдает. Оно было создано для единственной цели — разрушать. У него не было выбора. Не было свободы. Не было души. Оно было заложником своей природы, так же как Каролина была заложницей своего металлического тела.

— Мне жаль тебя, — прошептал Юра, не зная, слышит ли его тварь за рулём. — Мне жаль, что они сделали тебя такой. Ты не виновата. Ты просто оружие. Но оружие не может выбирать. А я могу.

Он отвернулся и сосредоточился на дороге. Чёрная «Волга» снова попыталась атаковать — резко вильнула вправо, пытаясь задеть их крылом. Но Каролина была готова. Она применила приём, которого Юра никогда не видел раньше, — резко затормозила, пропуская чёрную машину вперёд, а затем, когда та по инерции ушла вправо, ударила её в заднее крыло. Удар был точным, выверенным, математически рассчитанным. Чёрную «Волгу» занесло, развернуло на сто восемьдесят градусов, и она врезалась в придорожный столб.

Металл заскрежетал, застонал, словно живое существо. Столб накренился, с него посыпались искры оборванных проводов. Чёрная «Волга» замерла на месте, окутанная облаком пыли и дыма.

Юра остановил красную «Волгу» в нескольких десятках метров от места аварии. Его руки всё ещё дрожали, но в груди разливалось странное тепло — чувство победы. Он повернулся к приборной панели, ожидая услышать голос Каролины, но она молчала.

— Каролина? — позвал он. — Ты в порядке?

Ответом ему был тихий, едва слышный стон. Плафон в салоне мигнул и погас, потом снова зажёгся, но уже тусклее.

— Я... в порядке, — ответила она наконец, и голос её был слабым, уставшим, но в нём слышалось удовлетворение. — Просто... устала. Этот манёвр... он отнял у меня много сил. Но оно того стоило. Мы победили её. Впервые за все эти годы... мы победили.

Юра посмотрел на чёрную «Волгу», застывшую у столба. От неё всё ещё поднимался дым, но жёлтые фары погасли. Она выглядела жалкой, сломленной, почти мёртвой. Вмятина на боку, разбитое стекло, погнутый бампер — всё это делало её похожей на обычную машину, попавшую в аварию. Но Юра знал, что это не так. Он чувствовал, что тварь внутри ещё жива. Ослаблена, но жива. И однажды она вернётся.

— Это ещё не конец, — сказал он, озвучивая свои мысли. — Она вернётся. Правда?

— Да, — подтвердила Каролина. — Она всегда возвращается. Пока существует моя душа, будет существовать и моя тень. Но теперь... теперь я знаю, что могу бороться. Что могу победить. И это меняет всё.

Юра откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Усталость навалилась на него, словно тяжёлое одеяло. Мышцы ныли, в голове гудело, перед глазами всё ещё плыли тёмные пятна. Но он был счастлив. По-настоящему счастлив. Потому что они выжили. Потому что они сражались вместе — человек и машина, душа и металл — и победили.

— Спасибо тебе, Юра, — тихо сказала Каролина. — За то, что не бросил меня. За то, что поверил в меня. За то, что дал мне силы бороться.

— Это тебе спасибо, — ответил он, открывая глаза. — За то, что защитила меня. За то, что показала мне, кто я есть на самом деле. За то, что была рядом, когда мне было страшно.

Плафон в салоне загорелся теплее, мягче, почти ласково. Юра мог поклясться, что чувствует прикосновение — лёгкое, невесомое, словно дуновение ветра.

— Нам нужно ехать, — сказала Каролина, и в голосе её снова зазвучала деловитость. — Город ждёт. Твоя бабушка ждёт. Истина ждёт. Мы не можем терять время.

— Ты справишься? — спросил Юра с сомнением. — Ты потратила столько сил. Может, отдохнём немного?

— Нет, — твёрдо ответила она. — Я не могу отдыхать. Пока Вороненко жив, пока его машина работает, пока тени бродят по земле, я не имею права на отдых. К тому же... у меня есть ты. Ты — мой источник силы. Пока ты со мной, я могу всё.

Юра улыбнулся, сжал руль обеими руками и осторожно тронулся с места. Красная «Волга», всё ещё покрытая пылью и царапинами после погони, мягко покатилась по дороге, огибая разбитую чёрную машину. Когда они проезжали мимо, Юра снова взглянул на неё. Ему показалось, что в глубине разбитого салона что-то шевельнулось — тёмное, бесформенное, злобное. Но это длилось лишь мгновение. Затем «Волга» проехала мимо, и чёрная машина осталась позади, растворяясь в утреннем тумане, как ночной кошмар, забытый с первыми лучами солнца.

Впереди показались первые дома. Город просыпался, наполняясь звуками — гудками машин, голосами людей, лаем собак. Обычный провинциальный город, каких тысячи в России. Но Юра знал, что это не так. Этот город скрывал тайну. Возможно, самую важную тайну в его жизни.

Глава 9. Слепое пятно.

Они въехали на главную улицу. По обеим сторонам тянулись старые пятиэтажки, перемежающиеся с новыми торговыми центрами и советскими административными зданиями. Люди спешили на работу, толкались на остановках, покупали газеты в киосках. Никто не обращал внимания на красную «Волгу», покрытую дорожной пылью и царапинами. Для них это была

просто старая машина. Для Юры — единственный друг, защитник и проводник в мире, полном опасностей.

Юра и Каролина двигались по городу, оставляя позади призрачную тишину заброшенной дороги. Городская суэта обрушилась на них шумом, голосами, запахами бензина и горячего асфальта. Светофоры сменяли друг друга, и каждый раз, когда красная «Волга» останавливалась на перекрёстке, Юра чувствовал на себе взгляды прохожих. Не враждебные, нет — любопытные. Старая машина, покрытая пылью и царапинами, выглядела здесь чужеродно, словно пришелец из другого времени. Но никто не знал, что это не просто машина, а живое существо, которое только что одержало победу над своей тенью.

Юра свернул на улицу Кирова, как велела Каролина. Узкая, затенённая старыми тополями, она уводила их вглубь старого района, где дома были ниже, а дворы — зеленее. Здесь пахло спелыми яблоками и нагретой листвой. Где-то лаяла собака, дети гоняли мяч на импровизированном футбольном поле между гаражами.

— Дом семь, — сказала Каролина. — Вон тот, с зелёной крышей.

Юра припарковался у покосившегося забора, за которым виднелся небольшой деревянный дом с резными наличниками и палисадником, заросшим кустами сирени. Всё выглядело мирно, почти идиллически. Но Юра чувствовал, что внутри этого дома скрывается нечто большее, чем просто бабушкино жильё.

Они вышли из машины. Юра обернулся, чтобы запереть дверь, и в этот момент почувствовал странное покалывание в затылке. Ощущение, что за ним наблюдают. Он резко повернулся, но никого не увидел. Только пустую улицу да старуху в платке, сидящую на скамейке у соседнего подъезда и безучастно глядящую в пространство.

— Что-то не так, — сказал Юра тихо, скорее себе, чем Каролине.

— Я тоже это чувствую, — отозвалась она из динамиков, и голос её был напряжённым. — Будь осторожен. Вороненко мог оставить здесь своих людей. Он знает, что мы направляемся сюда.

Юра кивнул и направился к калитке. Она была не заперта. Он толкнул её, и она с пронзительным скрипом отворилась, открывая дорожку, выложенную старым кирпичом, ведущую к крыльцу. Он поднялся по ступенькам, постучал. Тишина. Он постучал снова — громче. И вдруг услышал шаги за дверью. Кто-то приближался, медленно, осторожно. Затем дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо бабушки.

— Юра? — голос её дрожал. — Ты... ты здесь? Как ты...

— Бабушка, — сказал он, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Нам нужно поговорить. Это очень важно. Вы впустите нас?

Она колебалась лишь мгновение. Затем дверь распахнулась, и она шагнула вперёд, обнимая внука с такой силой, что он едва не задохнулся. Её руки были тёплыми, сухими, пахли мылом и старыми книгами. Она прижимала его к груди, и он чувствовал, как её плечи мелко дрожат.

— Я так боялась за тебя, — прошептала она. — Твой дед... он ничего не говорит, только ходит по комнате и молчит. Я чувствовала, что случилось что-то ужасное. А ты... ты приехал. Ты живой.

— Живой, — подтвердил Юра, отстраняясь. — Но нам нужно поговорить. О дедке. О проекте. О том, что происходит. И о том, что Вороненко уже здесь.

Бабушка вздрогнула, услышав это имя. Её лицо, и без того бледное, побелело ещё больше.

— Входите, — сказала она, пропуская его в дом. — И твоя... твоя машина... — она посмотрела на красную «Волгу», стоящую у забора, и в её глазах мелькнуло странное выражение. — Она тоже войдёт?

Юра улыбнулся.

— Она всегда со мной, бабушка. Даже когда не входит в дом.

...А тем временем, в трёхстах километрах от этого тихого провинциального городка, в старой профессорской квартире с высоченными потолками и бесконечными книжными шкафами, царил тревога. Анна Сергеевна металась по комнате, сжимая в руках телефонную трубку, которую уже полчаса не выпускала из побелевших пальцев.

— Не берут трубку, — сказала она, и голос её сорвался на всхлип. — Никто не берёт. Ни в школе, ни у соседей, ни у его друзей. Дима, — она повернулась к мужу, который стоял у окна, глядя в ночное небо, — я не знаю, где он! Ты понимаешь? Мой сын пропал!

Дмитрий Алексеевич обернулся. Его лицо было серым, осунувшимся, под глазами залегли глубокие тени. Он не спал вторую ночь, но вместо слов утешения лишь покачал головой.

— Я звонил в больницу, — сказал он глухо. — Его там нет. В морг тоже не поступал никто с его описанием. С милицией я уже разговаривал — они сказали, что пока нет оснований для розыска. Только написали заявление, да и то с неохотой. «Подросток сбежал из дома, бывает», — это их слова. — Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Никто не понимает, что он не просто сбежал. Он попал в беду.

Анна Сергеевна швырнула трубку на рычаг и, не выдержав, разрыдалась. Её плечи тряслись, слёзы текли по щекам, и она ничего не могла с этим поделать. Слёзы душили её, мешали дышать. Дмитрий подошёл и обнял жену, прижимая к себе.

— Мы найдём его, — сказал он, но в голосе его не было уверенности. — Мы обязательно найдём.

Из коридора слышались тяжёлые, размеренные шаги. Всеволод Игнатович, опираясь на трость, вошёл в комнату. Его лицо было непроницаемым, как каменная маска, но в глазах плескалась та же глубокая тревога, что и у его дочери.

— Анна, — сказал он, и голос его прозвучал сухо, почти жёстко, — прекрати истерику. Слезами делу не поможешь. Мы должны думать, что делать дальше.

Анна подняла на него заплаканные глаза. Её взгляд был полон гнева и отчаяния.

— Что делать?! — крикнула она, вырываясь из объятий мужа. — Что мы можем сделать, папа? Мы даже не знаем, где он! Ты сам говорил — за ним охотятся люди из Комитета. Ты знал, что так будет! Ты знал, что это опасно, но ты позволил ему уехать! Ты позволил ему уехать, и теперь он пропал! — она замолчала, пытаясь справиться с дрожью в голосе. — Я не хочу слышать про «мыслить», папа. Я хочу, чтобы мой сын был здесь. Живой. И если вы не поможете мне его найти... — она перевела взгляд на отца, — то я пойду в милицию сама. Я напишу заявление. Я подниму на ноги всех, кого знаю. Я не остановлюсь, пока не найду его.

Всеволод Игнатович вздохнул, тяжело опустился на стул и устало потёр переносицу.

— Я тоже хочу, чтобы он был здесь, Аня, — сказал он, и голос его стал мягче. — Но ты должна понять: если мы поднимем шум, если заявим в милицию, если начнём искать его открыто, мы выдадим его. Вороненко и его люди только этого и ждут. Они знают, что он — ключ. И если они поймут, что мы ищем его, они сделают всё, чтобы найти его первыми. Чтобы заполучить его до того, как мы сможем его защитить.

— Так что же нам делать?! — крикнула Анна. — Сидеть сложа руки? Ждать, пока он сам вернётся? А если он не вернётся?! Что тогда?!

— Тогда мы будем действовать, — твёрдо сказал Всеволод Игнатович. — Но действовать умно. Не поднимая шума. Вороненко — не дурак. Он уже, скорее всего, знает, что мы беспокоены. Он ждёт, что мы сделаем ошибку. И если мы её сделаем, мы потеряем Юру навсегда.

Он поднялся, подошёл к секретеру, открыл его и из ящика достал старую, обтянутую кожей папку. Ту самую, с грифом «Феникс». Он положил её на стол, и его пальцы задержались на истёртом переплёте.

— У меня есть кое-какие связи, — сказал он, — люди, которые помогли мне много лет назад. Они не любят Вороненко. Они знают, что он делает, и ненавидят его за это. Я позвоню

им. Я попрошу о помощи. И, возможно, они смогут найти Юру раньше, чем Комитет. Но это займёт время. День. Два. Не больше.

Анна Сергеевна наконец сдалась. Она без сил опустилась на стул рядом с отцом, закрыла лицо руками и зарыдала. Дмитрий стоял у окна, глядя на ночное небо, и в его голове пронеслись десятки мыслей — мрачных, тревожных, полных отчаяния.

— Только бы он был жив, — прошептала Анна. — Только бы он был жив.

В этот момент в коридоре раздался звонок. Короткий, требовательный. Анна вздрогнула, подняла голову. Всеволод Игнатович переглянулся с Дмитрием. Кто мог звонить в такой час? Половина двенадцатого ночи.

Дмитрий подошёл к двери и открыл её. На пороге стоял мужчина в чёрном плаще с непроницаемым лицом. Он был высок, широкоплеч, и от него исходил холод — тот самый ледяной холод, который бывает только у людей, привыкших убивать.

— Кто вы? — спросил Дмитрий, и его голос дрогнул.

Мужчина не ответил. Он протянул конверт, на котором не было ни имени, ни адреса, и сказал:

— Передайте это Всеволоду Игнатовичу. Это срочно. — Затем он развернулся и ушёл, растворившись в темноте лестничной площадки, как призрак.

Дмитрий взял конверт и вернулся в гостиную. Всеволод Игнатович взял его, открыл. Внутри была записка, написанная от руки: «Юра жив. Он в Сочи. У бабушки. Берегите его. — К.Г.В.»

Всеволод Игнатович перечитал записку дважды. В его глазах мелькнула искра надежды, но затем она погасла, уступив место тревоге. Каролина. Значит, это правда. Его внук действительно в Сочи. Но с ним — она. Та, о ком он не говорил никому много лет. Машина с душой человека. И она везёт его к истине.

— Мы едем в Сочи, — сказал он, поднимаясь. — Сейчас же. Собирайтесь.

Анна, услышав это, подняла голову, в её глазах загорелась надежда.

— Папа... ты знаешь, где он?

— Да, — ответил Всеволод Игнатович, и голос его был твёрд. — Он у бабушки Лизы. В Сочи. Там мы его и найдём.

Тем временем в маленьком домике на улице Кирова Юра сидел на старом, скрипучем диване, а бабушка Лиза наливала чай. Вся обстановка в комнате была пропитана уютом и спокойствием. Но это спокойствие было обманчиво. За его пределами шла война. Война, в которой Юра был главной целью.

— Бабушка, — начал Юра, — мне нужно знать правду. Всю. От начала до конца. Что такое «Феникс»? Почему дед скрывал это столько лет? И почему Вороненко хочет меня уничтожить?

Бабушка Лиза вздохнула. Она поставила чашку с чаем перед Юрой и села напротив. Её лицо было усталым, но глаза горели тем же огнём, что и у деда, когда он говорил о проекте.

— «Феникс» — это не просто сыворотка, Юра, — сказала она тихо. — Это технология, которая меняет саму природу человека. Она была разработана в лабораториях Комитета в начале пятидесятых. Изначально она задумывалась как способ создания сверхсолдат — людей, которых не страшила смерть, ибо они знали, что их души могли продолжать сражаться даже после смерти. Но профессор Киселев, твой дед и другие учёные, которые работали над проектом, поняли, что это слишком опасно. Что это может уничтожить человечество. И они попытались остановить проект. Но Вороненко... — она покачала головой. — Вороненко хотел иного. Он хотел использовать «Феникса» для контроля над всеми, кто обладает способностями, которые нельзя объяснить наукой. Именно поэтому он преследует тебя. Ты — один из немногих, кто выжил после инъекции. Ты — ключ к тому, чтобы остановить его или, наоборот, дать ему власть над всеми.

Но профессор Киселев, твой дед и ещё один учёный, работавшие над проектом «Феникс», смогли перед окончанием проекта создать три образца, в которые они не смогли интегрировать души подопытных людей. Ими стали: Эриний-1; Эриний-2; Эриний-3.

Юра смотрел на бабушку, и в его голове крутились тысячи вопросов. Но один из них был важнее всех.

— А моя мама? — спросил он. — Она знает, где я? Она знает, что со мной случилось?

— Я послала ей письмо, — ответила бабушка. — Два дня назад, как только узнала, что ты приедешь. Я написала, чтобы она не волновалась, что ты в безопасности. Но я не знаю, получила ли она его. Почта сейчас работает с перебоями. Но я уверена, что она скоро узнает. И твой дед... он уже знает.

Юра почувствовал, как его сердце сжалось от тоски по дому, по матери, по отцу. Но он понимал: сейчас он должен быть здесь. Он должен узнать правду. Он должен остановить Вороненко и его безумные планы.

— Что нам делать теперь? — спросил он.

Бабушка Лиза посмотрела на чай, остывающий на столе, и её лицо стало серьёзным.

— Теперь мы ждём, — сказала она. — Ждём, пока твой дед придет сюда. Он должен тебе кое-что передать. Документы. То, что осталось от «Феникса». Это единственное, что может остановить Вороненко.

Юра кивнул и взял чашку в руки. Горячий чай согревал ладони, но внутри всё ещё было холодно.

— Каролина, — сказал он мысленно, — ты здесь?

— Я здесь, — ответила она, и голос её был тихим, но успокаивающим. — Я всегда рядом. И я не позволю им причинить тебе вред.

Где-то далеко за окнами этого уютного дома разгорался рассвет. А в Москве, в квартире на окраине города, Анна Сергеевна сжимала в руках записку от К.Г.В. и смотрела на отца, готовящегося к отъезду.

— Мы найдём его, пап, — сказала она, и голос её дрожал от надежды. — Мы найдём его.

— Найдём, — ответил Всеволод Игнатович, и в его голосе звучала та же надежда. — Обязательно найдём.

Они не знали, что впереди их ждёт ещё немало опасностей. Что чёрная «Волга» не уничтожена до конца и что Вороненко уже знает, где находится Юра. Но пока они верили, что сила рода, любовь и дружба помогут им преодолеть все преграды. И эта вера была сильнее любого оружия.

Утро в Сочи встречало Юру тёплым, ласковым солнцем. Дом бабушки Лизы, утопающий в зелени сада, казался маленьким райским уголком, где время текло иначе. Юра проснулся на старой кровати с деревянным изголовьем, чувствуя, как лучи заливают комнату мягким золотом. За окном щебетали птицы, где-то лаяла собака, а ветер доносил запах спелых яблок и нагретой земли. Всё было так мирно, так обычно — но Юра знал, что это затишье перед бурей.

Каролина, стоявшая во дворе, где бабушка Лиза разрешила ей «отдохнуть», тихо урчала двигателем, словно разговаривая сама с собой. Около неё сидела бабушка Лиза, подперев щеку рукой, и что-то ей рассказывала. Юра не слышал слов, но видел, как она жестикулирует, как её лицо озаряется то улыбкой, то грустью. «Они подружились», — подумал он с теплотой. Вчера вечером, после долгого разговора, бабушка Лиза и Каролина провели вместе несколько часов: одна сидела на веранде, потягивая чай, а другая стояла во дворе с приоткрытыми дверями салона, словно слушая рассказы старушки. Это была странная, почти сюрреалистичная картина, но Юра чувствовал, что они нашли общий язык. Возможно, потому, что обе были хранительницами тайн.

Он спустился вниз, умылся студёной водой из старого рукомойника и прошёл в сад. Бабушка, заметив его, помахала рукой.

— Доброе утро, внучок. Как спалось?

— Хорошо, бабуль, — ответил Юра, присаживаясь на скамейку рядом с ней. Он взглянул на Каролину, которая стояла на траве, покрытая капельками росы, и мягко улыбнулся. — Ты что, рассказывала ей сказки?

— Почти, — улыбнулась бабушка Лиза. — Мы говорили о жизни. О том, как важно быть нужным кому-то. О том, как трудно иногда найти своё место в этом мире, даже если ты — машина. Она хорошая, Юра. Я чувствую это. Она как человек, просто в другой форме.

Каролина, словно услышав комплимент, тихо взревела двигателем, и бабушка рассмеялась, похлопав её по капоту.

— Знаешь, она напомнила мне одну старую историю, — сказала бабушка. — Мне рассказывал её твой дедушка, когда мы только познакомились. Он работал тогда с профессором Киселевым. Они разрабатывали прототип машины, которая могла бы помогать людям с ограниченными возможностями — чтобы они могли водить её силой мысли. Но Комитет, конечно, перехватил проект. Они всегда вмешиваются, когда видят что-то полезное. И в итоге всё обернулось так, как обернулось.

Юра вздохнул и сжал пальцы в кулаки.

— Бабушка, дедушка сказал, что у него есть документы. То, что осталось от «Феникса». Где они?

Бабушка Лиза помолчала, глядя на далёкие горы, покрытые утренней дымкой.

— Они в сейфе, под домом, — сказала она тихо. — Когда-то, ещё до войны, твой дедушка построил здесь подвал — тайное убежище. Думал, что это может пригодиться. И не ошибся. Там хранятся все его записи, чертежи, протоколы опытов. Всё, что он успел спасти, когда лаборатория была уничтожена. Но открыть сейф может только он. Или тот, кто знает код.

— А ты знаешь код? — спросил Юра.

Бабушка покачала головой.

— Нет, внучок. Это было его тайной. Он говорил, что даже мне не должен говорить, чтобы никто не мог выведать его под пытками. Но он сказал, что если приедет, то сам всё откроет. И он приедет. Я знаю.

— А если он не успеет? — прошептал Юра.

— Тогда ты должен сделать это сам, — сказала она тихо. — Или тот, кому он доверится.

Юра задумался. Он вспомнил о письме, которое получила его мать. О записке от К.Г.В. Значит, дед действительно знает, где он. И он едет сюда. Но у него оставалась надежда, что всё будет хорошо.

Он зашёл в дом, взял чашку горячего чая и вышел во двор, снова сел на скамейку, глядя на горы, где начинал разгораться день. К горам, которые видели столько тайн, сколько не видело ни одно человеческое сердце. Он хотел расспросить бабушку ещё о многом, но в этот момент заметил, что она смотрит на него с особенной, тревожной заботой. Её глаза говорили больше, чем слова.

— Бабушка, — сказал Юра, — что-то случилось?

— Нет, — покачала она головой, — но я чувствую — скоро что-то произойдёт. И это будет не просто так. Это будет решающим моментом. Я не знаю, что именно, но я чувствую это. Как чувствовала, когда твой дедушка уезжал на войну. Как чувствовала, когда родилась твоя мама. Как чувствовала, когда ты родился. Это предчувствие.

Юра почувствовал, как холодок пробежал по его коже. Он тоже чувствовал это — странную дрожь в воздухе, как перед грозой. И он знал, что его дед должен приехать как можно скорее. Потому что Вороненко не будет ждать.

Наступил вечер. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в кроваво-красные тона. Юра сидел на веранде, когда Каролина, припаркованная во дворе, заговорила:

— Юра, я чувствую их. Они приближаются.

Юра вскочил, подошёл к калитке. Никого не было видно на пустынной улочке. Только ветер шевелил листья, да где-то вдалеке слышался лай собак.

— Кто «они»? — спросил он.

— Люди Вороненко, — ответила Каролина. — Они уже въехали в город. Им понадобится не больше часа, чтобы добраться сюда.

Юра быстро вернулся в дом. Бабушка стояла у печки, но, услышав его шаги, обернулась.

— Они едут, — сказал он.

Она кивнула, словно ожидала этого.

— Тогда готовься, — сказала она и вышла из кухни, скрывшись в комнате.

Она вернулась через несколько минут с небольшим старым револьвером, который Юра никогда не видел прежде.

— Возьми, — сказала она, протягивая оружие. — Если не сможешь убежать — защищайся.

Юра замер. Его пальцы неловко сжали холодную рукоять револьвера. Оружие казалось тяжёлым и незнакомым.

— Я не умею стрелять, — прошептал он.

— Научись, если придётся, — ответила она твёрдо. — Ты сильнее, чем думаешь, Юра. Просто помни: ты не один.

Снаружи послышался шум подъезжающих машин. Двигатели взревели, хлопнули двери. Бабушка Лиза шагнула к окну, приоткрыла занавеску и прищурилась:

— Четыре машины, — сказала она. — Чёрные, без номеров. Девять человек. Вооружены.

Юра прижал револьвер к груди, чувствуя, как его ладони становятся мокрыми от пота. «Бабушка, спрячься, — сказал он шёпотом, — я с ними справлюсь».

— Нет, — она покачала головой. — Я не оставлю тебя.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял мужчина в чёрном костюме. За ним виднелись ещё фигуры. Это были не милиционеры и не работники Комитета — это были бойцы, готовые к бою.

— Юрий Бойко, — произнёс мужчина низким, ледяным голосом, — вы арестованы по обвинению в шпионаже и измене Родине. Выходите с поднятыми руками.

Юра поднял голову, вглядываясь в лицо говорившего. И его сердце пропустило удар. Перед ним стоял Константин Геннадьевич Вороненко — тот самый, что приходил к деду в тот роковой вечер. Он стоял на пороге, одетый в безукоризненный костюм, и его глаза, холодные и расчётливые, не обещали ничего, кроме смерти.

— Ты, — прошептал Юра, сжимая револьвер.

— Я, — ответил Вороненко, и его губы исказились в хищной улыбке. — Ты думал, что сможешь уйти от нас на этой старой колыхаге? — он кивнул на Каролину, стоявшую во дворе. — Она не сможет защитить тебя вечно. Ты — главный приз, и я заберу то, что принадлежит мне по праву.

Юра стоял перед Вороненко, чувствуя, как холодный страх сковывает его тело, но в груди теплился огонь — огонь, который разгорался с каждым мгновением. Это был не просто страх за себя, это была ярость за бабушку, за деда, за мать, за Каролину, за всех, кто пострадал от этого человека.

— Ты ошибся, — сказал он, и голос его звучал твёрже, чем он ожидал. — Я не буду твоим оружием.

— А ты и не будешь, — усмехнулся Вороненко. — Ты станешь моим ключом. Ключом к двери, которую я не могу открыть сам. Но с тобой у меня это получится.

Он сделал шаг вперёд, его люди окружили дом, готовые броситься по первому сигналу. В воздухе запахло порохом и смертью.

Глава 10: Архивариус.

Юра смотрел на Вороненко, чувствуя, как время замедляется, как каждый звук становится отчётливее, словно мир готовился к чему-то важному. Револьвер в его руке казался продолжением его собственной воли. Он не знал, как стрелять, но знал, что если не сделает это сейчас, они все погибнут.

— Не подходи, — предупредил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Вороненко рассмеялся — низко, глухо, как смеётся человек, который знает, что никто не посмеет ему перечить.

— Ты смешон, мальчик. Ты думаешь, что можешь остановить меня этим старым хламом? — Он кивнул на револьвер. — Я прошёл войну, я смотрел смерти в глаза, и я не боюсь таких маленьких, как ты.

Юра чувствовал, как его ладони потеют от напряжения, но он сжал рукоять револьвера ещё крепче. «Каролина, — подумал он, — если ты меня слышишь, помоги мне. Я не знаю, что делать».

И вдруг из глубины салона красной «Волги» раздался голос, который услышали все:

— Не беспокойся, Юра. Я здесь.

Вороненко замер. Его глаза расширились от неожиданности. Он перевёл взгляд с Юры на «Волгу» и обратно, словно пытаясь осознать, что эта машина только что заговорила.

— Что это? — процедил он сквозь зубы. — Что это за шутки?

— Это не шутка, — ответила Каролина. Её голос звучал громко и отчётливо, словно она стояла рядом. — Ты думал, что избавился от меня тогда, в лаборатории. Ты думал, что уничтожил меня. Но я всё ещё здесь. И я не позволю тебе причинить вред этому мальчику.

Вороненко замер, его лицо покрылось бледностью. Он узнал этот голос — голос Каролины Штайн. Той самой, которую он убил много лет назад. Той самой, чья душа, по его мнению, была уничтожена навсегда. Но она была здесь. И она говорила.

— Невозможно, — прошептал он.

— Возможно, — ответила Каролина, и в её голосе слышалась сталь. — Я — то, что ты создал, Константин. Я — твоё чудовище. И теперь я пришла за тобой.

Вороненко вздрогнул, но быстро взял себя в руки. Он сделал шаг вперёд, и его люди окружили Юру.

— Ты не сможешь остановить нас, — сказал он, и голос его дрогнул лишь на мгновение. — Ты всего лишь машина. Бесплезная игрушка.

— Я не игрушка, — ответила Каролина, и её голос стал холоднее. — Я — память. Я — воля. Я — свобода.

И вдруг все фары красной «Волги» зажглись ослепительно-ярким светом. На одно мгновение мир исчез, остался только этот свет, и в его потоке Юра увидел видение — прошлое Каролины, её жизнь, её смерть, её возрождение в металле. Он увидел лабораторию, где её убивали, увидел Вороненко, стоящего над её телом, и понял, что ненавидит этого человека так же сильно, как и она.

Свет погас так же внезапно, как зажёгся. Вороненко стоял, прикрывая лицо рукой, и его люди тоже отступили. Тишина висела в воздухе.

— Уходите, — громко прозвучало из магнитолы Каролины. — Но раз ты назвал меня «бесплезной игрушкой», то это игрушка сейчас уничтожит игрушечника, который её создал.

Яркий свет погас, оставив после себя лишь танцующие пятна перед глазами и запах озона, смешанный с горелым бензином. Тишина, повисшая в воздухе, была обманчивой — она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент. Юра стоял неподвижно, всё ещё сжимая револьвер, хотя его руки уже начали мелко дрожать. Он смотрел на Вороненко, который медленно опустил руку от лица, щурясь от остаточных вспышек в глазах.

Вороненко перевёл дыхание. Его люди — четверо здоровых мужчин в чёрных куртках — переглянулись, но не сделали ни шагу вперёд. Они ждали приказа, но их босс медлил. Кон-

стантин Павлович Вороненко был не из тех, кто теряет самообладание, но то, что он только что услышал и увидел, выбило его из колеи. Голос из магнитолы. Голос мёртвой женщины. Голос Каролины Штайн.

Он сделал шаг к красной «Волге», и его ботинки громко хрустнули по гравию. Он остановился в трёх метрах от капота, скрестил руки на груди и усмехнулся, но усмешка вышла кривой — скорее гримасой, чем улыбкой.

— Ну что ты нам сделаешь, а, Эриний-1? — произнёс он громко, обращаясь к машине так, будто разговаривал с живым человеком. Его голос окреп, в нём снова появилась та стальная нотка, которой он пугал подчинённых и врагов. — Посмотри на себя. Ты была немкой, полукровкой, рождённой от грязного союза. Твой отец — какой-то забулдыга, мать — прислуга. Ты выбилась в учёные только потому, что я дал тебе шанс. Я! — Он ткнул себя пальцем в грудь. — А стала ещё более омерзительной. Ты теперь жалкая машина с душой. С душой, которую я же и создал, когда переливал твои мозги в проводку. Что такое, Эриний-1, сейчас заплачешь? Ой, забыл, — он театрально приложил руку к уху, изображая притворное сожаление, — ты и плакать не можешь. У тебя нет слёзных желёз, нет сердца, нет ничего человеческого, кроме этой пародии на голос. Ты — ошибка. Эксперимент, который пошёл не по плану. И сейчас я исправлю эту ошибку.

Он обернулся к своим людям и коротко хохотнул. Те, поняв, что их босс пришёл в себя, подхватили смех — сначала неуверенно, потом громче, наглее. Один из них, лысый детина с татуировкой на шее, сплюнул на землю и сказал:

— Да она просто радио с аккумулятором, Константин Павлович. Разве такое может навредить?

— Именно, — кивнул Вороненко, снова поворачиваясь к машине. — Ты слышала? Ты — радио. Игрушка. Бесплезная игрушка, которую я выброшу на свалку, как только разберусь с этим щенком, — он кивнул на Юру, который стоял с белым лицом, не в силах пошевелиться.

Смех разнёсся по двору — грубый, гортанный, он разрывал тишину ночи. Вороненко запрокинул голову, наслаждаясь моментом. Он снова был хозяином положения. Он снова контролировал всё. Его люди окружили Юру плотным кольцом, и мальчик чувствовал, как жар от их тел смешивается с холодом страха.

Но в этот момент, когда смех достиг своего пика, из салона «Волги» донеслось:

— Смейтесь. Смейтесь, пока можете.

Голос Каролины был тихим, почти спокойным, но в нём сквозила такая ледяная уверенность, что смех начал затихать сам собой. Вороненко перестал смеяться первым, его лицо снова напряглось.

— Что ты можешь сделать, машина? — прорычал он. — Ты прикована к своему железному гробу. У тебя нет ног, чтобы уйти, нет рук, чтобы ударить. Ты просто говоришь. И это всё, на что ты способна.

— Ты прав, — ответила Каролина, и в её голосе послышалась странная, почти ласковая нотка. — У меня нет рук и ног. Но у меня есть то, чего у тебя никогда не было. Память. Воля. И цель.

Юра почувствовал, как кто-то схватил его за плечо. Он обернулся и увидел мать — её глаза были полны слёз, но она держалась мужественно. Рядом стоял отец, сжав кулаки, а за их спинами — бабушка с дедушкой, старые, но с достоинством выпрямленные. Они не произнесли ни слова, но их взгляды были обращены к Юре. Он понял: сейчас или никогда.

— Вороненко! — крикнул он, и его голос сорвался, но он продолжил: — Ты говорил, что я ничего не могу. Но я могу уйти. Я ухожу. И ты не остановишь меня.

Вороненко перевёл взгляд на Юру, и на его губах заиграла хищная улыбка.

— Ты думаешь, я позволю тебе уйти? — сказал он медленно. — Ты видел меня. Ты слышал её. Ты знаешь слишком много. Мои люди никогда не оставляют свидетелей.

— Они не тронут нас, — вдруг сказала бабушка. Её голос был твёрдым, как камень. — Потому что если они сделают хоть шаг, она их уничтожит.

Вороненко уставился на старуху, и на мгновение его самоуверенность дрогнула.

— Кто? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Каролина, — прошептал Юра.

И в этот момент двор снова наполнился светом — но не от фар. Это был свет, исходящий изнутри самой «Волги», из приборной панели, из динамиков, из каждой щели в кузове. Машина загудела, и этот гул был похож на рык хищника.

— Уходите, — сказала Каролина, и её голос прогремел так, что стёкла в соседних домах задребезжали. — Уходите сейчас. Я задержу их.

Юра не стал ждать второго раза. Он схватил мать за руку, отец подхватил бабушку, дедушка опёрся на палку, и они бросились прочь — через двор, мимо покосившегося забора, в тёмный переулок. Вороненко выкрикнул приказ своим людям, но те замерли, глядя на машину, которая вдруг ожила. Её фары вспыхнули снова, но не ослепительным белым светом, а мрачным, багровым — как свет прожектора на поле боя.

— Ты сегодня умрёшь, — произнесла Каролина, обращаясь к Вороненко.

Она сказала это негромко, почти ласково, как говорят приговорённому перед казнью. Вороненко попятился. Его лицо исказила гримаса, но он заставил себя усмехнуться, хотя усмешка была похожа на оскал загнанного зверя.

— Ты не можешь меня убить, — сказал он, но в голосе его уже не было прежней стали. — Ты — машина. Ты не человек.

— Я — твоё чудовище, — ответила Каролина.

И тогда всё произошло в одно мгновение. В салоне «Волги» раздался шелчок — педаль газа сама собой ушла в пол, коробка передач клацнула, переключаясь на первую скорость, и двигатель взревел так, будто в груди машины билось сердце гигантского зверя. Колёса взвизгнули по гравию, и три тонны советского металла рванули с места, как выпущенная из лука стрела.

Вороненко успел открыть рот, чтобы закричать, но не издал ни звука. Машина протаранила его тело с такой силой, что его отбросило на крыльцо дома. Четверо его людей попытались разбежаться — но куда им было бежать? «Волга» развернулась на месте, оставляя чёрные следы на асфальте, и врезалась в лысого детину, припечатав его к стене гаража. Второй попытался выстрелить в неё из пистолета, но пули отскакивали от металла, как горох от стенки. Машина налетела на него, смяв капотом, но даже не замедлилась. Она кружила во дворе, как обезумевшая, как хищник, который настигает добычу.

Третий вскочил на капот соседней машины, надеясь спастись, но «Волга» развернулась и ударила его передним бампером так, что он взлетел в воздух и рухнул на землю неподвижно. Четвёртый, тот, что был с татуировкой на шее, попытался укрыться за углом дома. Машина проехала сквозь забор, сломав доски, как спички, и выехала прямо на него. Глухой удар, треск костей — и тишина.

Всё кончилось за тридцать секунд.

Двор был усеян обломками досок, битым стеклом и окровавленными телами. Посередине этого ада стояла красная «Волга» — её капот был вмят, фары разбиты, но она стояла ровно, как памятник. Двигатель урчал, но в этом урчании не было агрессии — только удовлетворение. Только покой.

В салоне медленно затих гул, и из динамиков раздался тихий, почти усталый голос Каролины:

— Всё кончено.

Она не сказала больше ни слова. Только однажды, когда ветер колыхнул остатки фар, она прошептала в тишину опустевшего двора:

— Я не игрушка. Я — память. Я — воля. Я — свобода.

А за углом, в тёмном переулке, стояла семья Юры. Они слышали звуки бойни, но не видели её. Они только чувствовали, как ветер приносит запах бензина и крови. Юра сжимал руку матери, и его сердце билось где-то в горле. Он не знал, что будет завтра. Но он знал одно: Каролина сделала это. Она спасла их. Она отомстила.

— Пойдём, — сказал отец, и голос его дрожал. — Нам нужно уйти как можно дальше.

Они пошли по тёмной улице, никто не оглядывался. Только Юра, уже на выходе из переулочка, бросил короткий взгляд в сторону дома. Там, за забором, он увидел красный отблеск — фары «Волги» всё ещё горели, хотя двигатель заглох. И в этом свете ему показалось, что он видит лицо. Женское лицо, красивое, с грустными глазами.

Оно улыбнулось ему.

И в следующий миг свет погас.

Юра отвернулся и побежал догонять своих.

Ночь была тёплой, и звёзды над головой сияли так ярко, как никогда прежде. И хотя впереди их ждала неизвестность — новый город, новые имена, новая жизнь, — они знали, что за ними стоит кто-то, кто никогда не даст им пропасть. Кто-то, кто живёт в металле, но имеет душу, которая сильнее любой стали.

Каролина осталась там, во дворе, среди обломков и тишины. Она была одна. Но она не чувствовала одиночества. Впервые за много лет она ощутила что-то похожее на покой.

Она выполнила свою миссию. Она была свободна.

Ночь медленно перетекала в предзвездные сумерки, когда семья Юры остановилась на окраине небольшого городка, спрятавшегося среди холмов. Они нашли заброшенный дом — старую сторожку у железнодорожного переезда, — и мать Юры зажгла свечу, дрожащими руками прикрывая огонёк от сквозняка. Никто не говорил ни слова. Только тихое дыхание и потрескивание фитиля нарушали тишину.

Юра сидел на деревянном ящике, глядя в одну точку. Перед глазами всё ещё стояло лицо — то, что он увидел в багровом свете фар перед самым уходом. Женское лицо с грустными глазами. Каролина. Она улыбнулась ему, и в этой улыбке было столько боли и столько облегчения одновременно, что у него сжалось сердце.

Отец подошёл к нему и положил тяжёлую руку на плечо.

— Сынок, нам нужно решить, что делать дальше. Мы не можем вернуться. Вороненко был не один, у него были связи, покровители. Нас будут искать.

— Я знаю, — ответил Юра, не поднимая головы. — Но я не могу уйти, не узнав правды.

— Какой правды?

— Кто она на самом деле. Откуда она взялась. Почему она нас спасла. Она сказала, что была создана в лаборатории. Если я найду эту лабораторию, я смогу понять, кто она... что она.

Мать подошла ближе, её лицо было бледным в дрожащем свете свечи.

— Юра, ты с ума сошёл? Это опасно. Вороненко мёртв, но те, кто стоял за ним, могут быть живы. Ты хочешь отправиться в логово зверя?

— Она была там, мама. Она была человеком, а потом её убили. И превратили в это... в то, что она есть сейчас. Я должен это увидеть. Я должен знать, что произошло с ней.

Дедушка, опираясь на свою палку, подошёл к окну и посмотрел в темноту, где где-то далеко, за лесом, начинался большой город.

— Мальчик прав, — сказал он тихо, не оборачиваясь. — Если она спасла нас ценой своей — пусть даже второй — смерти, мы обязаны понять, во что мы ввязались. Имена. Факты. Враги. Всё это важно. Мы бежим, но мы не знаем, от кого бежим.

Бабушка молчала. Она сидела в углу и перебирала чётки, губы её шевелились беззвучно. Но в глазах её читалось согласие.

И тогда Юра поднялся. Он посмотрел на своих родных — на мать, которая пыталась быть сильной, но всё равно не могла скрыть слёз; на отца, чьи кулаки всё ещё были сжаты в бессильной ярости; на дедушку, который, несмотря на возраст, готов был идти в бой; на бабушку, чья вера была твёрже стали.

— Я поеду один. Так будет безопаснее для всех. Вы останетесь здесь, будете ждать меня. Если я не вернусь через три дня — уходите. Меняйте имена, уезжайте как можно дальше, на другой конец страны. Не ищите меня, не вспоминайте меня. Просто живите.

Мать хотела возразить, но отец остановил её, положив руку на её плечо.

— Если он решил, так тому и быть, — сказал он, хотя в голосе его слышалась хрипотца боли. — Он уже не мальчик. Он мужчина.

Юра обнял каждого из них. Коротко, но крепко. Слова были не нужны. Потом он взял старый рюкзак, который нашёл в сторожке, перекинул его через плечо и вышел в ночь.

Он шёл по пустынной дороге около часа, пока не увидел красный отблеск в темноте. «Волга» стояла там, где он её оставил — на выезде из посёлка, у старого дуба. Она выглядела так, будто её только что выкатили из автосалона: ни единой царапины, ни вмятины, ни следа той бойни, что произошла несколько часов назад. Капот сиял ровным глянцем, фары поблёскивали холодным стеклом.

Юра подошёл к машине и провёл рукой по капоту. Металл был тёплым, почти живым.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — сказал он тихо. — Я знаю, что ты помнишь. Скажи мне, где это было. Лаборатория. Я должен найти её.

Тишина. Потом из салона раздался тихий, слегка искажённый динамиками голос Каролины:

— Это было в здании бывшего спецхрана. Оно называлось «Спецхран им. Сталина». Под землёй. Три уровня. Теперь там заброшенный архив, но под ним, на четвёртом уровне, сохранились старые лаборатории. Есть вход через подземный коллектор, но он завален. Есть главный вход со стороны улицы Комсомольской, но он охраняется. По крайней мере, охранялся раньше.

— Я найду способ, — сказал Юра. — Ты покажешь мне дорогу?

— Покажу. Но ты должен понимать: ты идёшь в место, откуда люди не выходят. Ты готов?

Юра открыл дверцу и сел на водительское сиденье. Кожаное кресло было холодным, но он чувствовал, что с каждой секундой оно нагревается, будто машина впитывает его тепло. Он взялся за руль, и ему показалось, что сквозь пластик и сталь он чувствует ток, импульс, сердцебиение — не своё, а её.

— Я готов, — сказал он.

Двигатель завёлся с пол-оборота. Низкий, ровный гул заполнил салон. Фары включились сами, и Юра увидел, как дорога впереди осветилась мягким белым светом. Он нажал на педаль газа, и «Волга» плавно тронулась, набирая скорость.

Они ехали несколько часов. За окном мелькали поля, леса, редкие деревни, потом начался город — сначала его окраины с серыми пятиэтажками, потом всё более плотная застройка. Юра смотрел на дорогу, но знал, что Каролина ведёт его. Каждый поворот, каждый светофор, каждая развязка — всё было просчитано ею. Она знала этот путь, потому что когда-то проехала его в последний раз, будучи человеком.

— Расскажи мне, — попросил Юра, когда они остановились на красный сигнал светофора. — Расскажи, как это было.

— Что именно? — спросила Каролина, и голос её был ровным, без эмоций, но Юра уловил в нём едва заметную дрожь.

— Всё. Твою жизнь. Твою смерть. Что ты чувствовала, когда они... когда они делали это с тобой.

Каролина молчала долго. Светофор переключился на зелёный, но «Волга» не тронулась с места. Юра не нажимал на газ. Он ждал.

— Меня звали Каролина Штайн, — начала она, и в её голосе появилась странная мягкость, будто она рассказывала сказку на ночь. — Я родилась в 1942 году в Германии, в маленьком городке недалеко от Дрездена. Моя мать была немкой, отец — русским военнопленным. Когда война закончилась, нас выслали в Советский Союз как семью «изменников родины». Мы жили в бараке, потом в общежитии, потом — в крошечной комнате в коммуналке. Мать работала уборщицей, я училась. Мне говорили, что я умная, что я смогу стать кем-то. И я стала. Я поступила в институт, потом в аспирантуру, потом меня заметили. Сказали, что я нужна науке, что я могу принести пользу стране. Я поверила.

— А потом? — спросил Юра, и его голос дрогнул.

— А потом я оказалась в этом здании. Мне сказали, что я буду работать над проектом, который изменит мир. Я согласилась. Я была наивной и глупой. Я не знала, что они собираются делать. Они вводили мне препараты, ставили эксперименты на моём мозге, на моём теле. Они хотели создать идеальный интерфейс — связь человека и машины. Не искусственный интеллект, нет. Они хотели душу в металл. И я стала их первым успешным экспериментом. А потом... потом они поняли, что я знаю слишком много. Что я видела, что они делали с другими подопытными. Что я могу заговорить. И они решили меня уничтожить.

— Как они это сделали?

— Они пришли ночью. В лабораторию. Вороненко был главным. Он стоял надо мной и улыбался. Он сказал: «Ты больше не нужна, Каролина. Ты выполнила свою задачу». И он нажал на спуск. Пуля вошла мне в затылок. Я упала. Я видела потолок, который кружился, и я думала: «Как глупо умирать. Как глупо, что я не успела ничего сделать». Но я не умерла. Они сделали так, что мой мозг не умер. Они пересадили его в систему. Электронную систему. Они сделали из меня то, что я есть сейчас. Машину с душой.

Юра сжал руль так, что костяшки побелели. Он молчал, потому что слова застревали в горле. Слезы душили его, но он не давал им пролиться. Он должен был быть сильным.

— Теперь я понимаю, — сказал он наконец. — Почему ты так ненавидела Вороненко.

— Я не ненавидела его, — ответила Каролина. — Ненависть требует страсти. А я была пуста. Мне нужно было что-то, что наполнит меня. И этим стала цель — защитить невинных. Ты был первым, кто заговорил со мной не как с машиной, а как с человеком. Ты был первым, кто назвал меня по имени. Я не могла тебя бросить.

Юра выдохнул и нажал на газ. «Волга» тронулась, и город за окном понёсся мимо.

Они подъехали к зданию на улице Комсомольской через два часа. Это был огромный серый монолит — типичная сталинская архитектура: высокие колонны, широкие ступени, массивные двери. Над главным входом висела табличка: «Муниципальный архив». Ничего не напоминало о том, что когда-то здесь находилась секретная лаборатория. Никаких охраняемых периметров, никаких военных постов — только старушка-вахтёрша, которая дремала у входа, и редкие прохожие, спешащие по своим делам.

Юра припарковал «Волгу» в переулке, за зданием. Он выключил двигатель, и сразу наступила тишина.

— Как войти? — спросил он.

— На западной стороне есть служебный вход. Раньше он вёл в подвальное помещение. Сейчас там, возможно, всё завалено мусором, но если ты сможешь пробраться через технический этаж, ты попадёшь в коридор, который выходит к лифтовой шахте. Лифт не работает, но рядом есть лестница. Три пролёта вниз — и ты в лабораториях.

Юра кивнул и открыл дверцу. Он взял с собой маленький фонарик, спички и нож, который нашёл в бардачке.

— Ты будешь со мной на связи? — спросил он, обернувшись к машине.

— Я буду с тобой. Внутри здания есть старая проводка, я смогу подключиться к ней через динамики и лампочки. Если тебе будет нужна помощь — я услышу.

Юра вылез из машины и огляделся. Серая стена здания казалась неприступной, но он знал, где искать. Он обошёл здание с западной стороны и увидел тяжёлую металлическую дверь с облупившейся краской. Рядом висел огромный навесной замок, покрытый ржавчиной. Юра подошёл ближе и попробовал дёрнуть замок — он держался крепко.

— Есть другой путь? — прошептал он.

— Посмотри над дверью. Вентиляционное окно. Его решётка держится на старых шурупах. Она поддастся, если ты приложишь усилия.

Юра подпрыгнул, ухватился за нижний край окна и подтянулся. Решётка действительно закрипела — он дёрнул её изо всех сил, и она отошла вместе с гвоздями, которые просто рассыпались в труху от времени. Он отодвинул решётку, протиснулся в вентиляционное отверстие и упал внутрь, в темноту и пыль.

Он оказался в узком техническом коридоре. Вокруг были трубы, старые кабели, слои паутины. Воздух пах сыростью и гниющим деревом. Юра включил фонарик, и луч света разрезал тьму, выхватывая из мрака стены, покрытые пятнами плесени.

— Иди прямо до конца коридора, потом направо, — сказала Каролина, и её голос раздался из старого динамика, висящего под потолком. — Там будет лестница.

Юра пошёл, стараясь ступать как можно тише, хотя его шаги эхом разносились по пустому коридору. Сердце билось где-то в горле, но он не останавливался. Он шёл туда, где всё началось. И где всё закончилось.

Лестница была узкой, винтовой, с железными ступенями, которые стонали под его весом. Юра спускался медленно, считая пролёты. Один, второй, третий. На третьем пролёте воздух стал холоднее, и запах сырости сменился запахом металла и химикатов — странным, приторным, почти сладким.

Он вышел в широкий коридор. Пол был покрыт белой плиткой — когда-то она была стерильно-белой, но теперь пожелтела от времени. Стены тоже были выложены белым кафелем, кое-где потрескавшимся. Вдоль стен стояли пустые стойки — должно быть, когда-то здесь держали оборудование. Юра медленно прошёл по коридору, и луч его фонаря скользил по дверям с табличками: «Операционная», «Хирургическая», «Реанимационная».

Но одна дверь привлекла его внимание. Она была массивнее остальных, с застеклённым окошком на уровне глаз. На двери висела табличка: «Центральный пункт управления». Рядом — другая, поменьше, с надписью «Архив проекта».

Юра толкнул дверь архива, и она открылась с противным скрипом, который разнёсся по всему коридору.

Он вошёл внутрь. Комната была небольшой, около десяти квадратных метров, вся заставлена металлическими шкафами с выдвижными ящиками. На стенах висели карты — схемы здания, чертежи, какие-то графики. Но Юру интересовало только одно.

Он подошёл к центральному шкафу, который стоял отдельно, почти как алтарь. На нём была надпись: «Проект "Феникс"». Юра замер. «Феникс» — птица, возрождающаяся из пепла. Это имя подходило Каролине больше всего. Он взялся за ручку и выдвинул ящик.

Внутри лежала единственная папка — чёрная, потёртая, с пожелтевшими уголками. На обложке было написано от руки: «Проект "Феникс". Объект "Эриний-1". Каролина Штайн».

Юра дрожащими руками открыл папку. Внутри лежали документы: протоколы экспериментов, медицинские заключения, фотографии. Он перелистывал их, не останавливаясь, пока не дошёл до самого последнего листа.

Это была фотография. Тёмно-серая, выцветшая, почти чёрно-белая. На ней была девушка — молодая, лет двадцати пяти, с тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, и большими грустными глазами. Она смотрела прямо в объектив, и её лицо было невозмутимым, но в глазах читалась обречённость. Юра узнал это лицо — оно было точно таким же, как видение в багровом свете фар.

И поверх фотографии, наискосок, слева направо, была начертана надпись. Сделанная размашистым, уверенным почерком — почерком человека, который не сомневался в своих действиях. Она гласила:

ЛИКВИДИРОВАНА.

Том II:

«Стальной нимб»

Глава 11: Эриний-1.

Юра перевернул фотографию обратно. Надпись «ЛИКВИДИРОВАНА» горела перед глазами, врезалась в сетчатку, но он заставил себя отвести взгляд. Он не мог остановиться на этом. Он должен был понять.

Он снова открыл папку, на этот раз с самого начала. Дрожащие пальцы аккуратно перебирали пожелтевшие листы, словно те могли рассыпаться в прах от одного неосторожного движения. Первые страницы оказались техническими отчётами — сухими, выверенными, написанными мелким убористым почерком. Даты: 1965, 1966, начало 1967 года. Здесь говорилось о «нейроинтерфейсе», о «матрице совместимости», о каких-то «частотных колебаниях». Юра почти не понимал терминов, но одно слово повторялось снова и снова: «Кристаллы».

Он углубился в папку дальше, и перед ним начала разворачиваться история, которую тщательно пытались стереть. Там было приложение — пожелтевший акт о секретной экспедиции под Сахалином, датированный августом 1950 года. В нём говорилось о находке в одной из подводных пещер: россыпи кристаллов необычайной чистоты, ярко-синего цвета, излучавших слабое свечение. Их называли «Кристаллами памяти души» — неофициально, конечно. В официальных документах они значились как «Образцы КС-50/1». Учёные, работавшие с ними, быстро поняли: эти кристаллы — не просто минералы. Они обладали способностью вступать в резонанс с биотоками мозга, создавая мост между живым сознанием и неодошевлённой структурой.

Юра перелистнул ещё несколько страниц и наткнулся на схемы. Это были чертежи автомобиля — ГАЗ-3102 «Волга». Но не обычной. На полях синим карандашом были сделаны пометки: «Модификация шасси для размещения кристаллической матрицы», «Изоляция кабины от внешних полей», «Встраивание резонаторов в панель приборов и блок цилиндров». Оказывается, два экземпляра «Волги» были полностью переделаны под этот проект. В их кузов, в моторный отсек и даже в салон были вмонтированы кристаллы — так, чтобы они образовали единую сеть, способную принять и удержать человеческую личность.

Юра задержал дыхание, когда нашёл протокол эксперимента, датированный 10 марта 1967 года. В нём описывался главный этап: внедрение жидких кристаллов памяти в кровь испытуемого. Объектом значилась Каролина Штайн. Ей ввели раствор — мелкодисперсную суспензию, полученную путём дробления и обработки кристаллов из сахалинской находки. Подпись главного наблюдателя: профессор Арсенов Фёдор Михайлович.

Дальше шли медицинские заметки, написанные торопливым, почти нечитаемым почерком. «Состояние стабильное. Сознание ясное. Объект добровольно согласился на процедуру.

Интеграция назначена на 15 марта». И чуть ниже приписка: «Каролина выбрала "Волгу" — Эриний-1. Говорит, что чувствует с ней связь. Возможно, кристаллы уже начали резонировать».

Юра перевернул лист. На следующей странице был подробный протокол самого процесса. Он описывал, как Каролина Штайн, уже под действием препарата, села водителем в ГАЗ-3102 серебристо-серого цвета — тот самый, что стоял сейчас в гараже у тёти Яны. Её подключили к системе через специальные контакты, встроенные в кресло и руль. Запустили двигатель. Кристаллы по всему кузову начали светиться — сначала тускло, потом всё ярче, заполняя салон синим мерцающим светом. Сознание Каролины, согласно отчёту, «перешло в кристаллическую решётку», оставив физическое тело в состоянии глубокой комы. Тело поместили в изолированную камеру для дальнейших наблюдений, но записи обрывались — позже, как понял Юра, его просто утилизировали.

Но это было только начало.

Юра нашёл отдельную папку внутри основной — тонкую, с надписью «Эриний-2». Там было меньше документов, но они были ещё более трагичными. Из них следовало, что в лаборатории было построено два прототипа «Волги»: Эриний-1 — серебристо-серый, в который села Каролина, и Эриний-2 — чёрный как смоль, предназначавшийся для резервного испытуемого. Но резервный испытуемый не понадобился. Вместо этого в тот же день, 15 марта 1967 года, профессор Арсенов, руководивший процессом, получил смертельную травму. Во время финальной калибровки кристаллов в Эриний-1 произошёл выброс энергии. Один из осколков кристалла размером с горошину пробил защитный экран и вонзился прямо в сердце профессора.

Юра прочитал это и замер. В акте было написано: «Осколок кристалла КС-50/1 попал в грудную клетку Ф. М. Арсенова. Фибрилляция желудочков, клиническая смерть. Однако зафиксирована аномальная активность — кристалл начал встраиваться в ткани миокарда». И дальше, словно в бреду, кто-то из лаборантов приписал: «Профессор Арсенов, будучи ещё в сознании, потребовал поместить его в Эриний-2. Сказал: "Я видел, как она уходит. Я должен догнать". Его подключили к системе Эриний-2 за три минуты до остановки сердца».

Юра почувствовал, как холод пробегает по спине. Арсенов не умер — он тоже перешёл. В чёрную «Волгу». Интеграция прошла, но была неполной — кристалл в его сердце вступил в конфликт с кристаллами автомобиля, и сознание профессора застряло где-то между жизнью и машиной. В отчёте значилось: «Объект "Эриний-2" функционирует. Личность профессора Арсенова сохранена частично. Наблюдается агрессия, дезориентация, фрагментарность воспоминаний. Рекомендована изоляция».

А потом — пожар.

Юра нашёл обгоревший лист, почти рассыпавшийся по краям. В нём говорилось, что Каролина Штайн, уже ставшая Эриний-1, каким-то образом сохранила контроль над своим сознанием. Она поняла, что её ликвидируют, что проект засекретят, а её саму объявят «несуществующей». И тогда она устроила короткое замыкание в лабораторной сети. Пламя вспыхнуло мгновенно, охватив стеллажи с документами, оборудование, часть кристаллов. Но главное — огонь добрался до камеры, где стоял Эриний-2 с запёртым внутри сознанием Арсенова.

Юра читал: «Объект "Эриний-2" повреждён пожаром. Корпус обгорел, остекление выбито. Однако кристаллическая матрица уцелела. Объект "Эриний-1" покинул зону возгорания самостоятельно — двигатель запустился без ключа, ворота гаража открылись. Угон. На поиски отправили группу, но безуспешно. Считается, что Каролина Штайн скрылась. Тело её, находившееся в камере, сгорело дотла».

Юра перевёл дух. Он понял, что перед ним не просто история двух машин. Это история двух душ, запёртых в металле и стекле. И он вспомнил, что в гараже у тёти Яны всегда стояла серебристо-серая «Волга». Эриний-1. Каролина. Та самая, на которой они иногда ездили по

городу, не подозревая, что внутри — живой человек, точнее, его воспоминания, его боль, его сознание.

Но это было не всё. В самом низу папки, под ворохом выцветших страниц, Юра нашёл ещё один документ, озаглавленный «Эриний-3. Передача объекта». Он был подписан лично его тётей — Всеволодой Яне Сергеевной. В нём говорилось, что третий прототип, созданный по той же технологии, но не «Волга», а совершенно иная машина — БМ-13 «Катюша», реактивная установка, стоявшая когда-то на вооружении, — тоже оборудовали кристаллами памяти в 1968 году, через год после побега Каролины. Но для этого использовали не человека. В документе значилось: «Объект "Эриний-3" создан путём переноса усреднённой матрицы боевого опыта. Сознание отсутствует. Кристаллы запрограммированы на выполнение тактических задач. Передан на хранение и дальнейшее изучение гражданскому лицу — Всеволоде Я. С.».

Юра сглотнул. Теперь он знал, почему тётя Яна так странно относилась к тому «Катюше» в ангаре. И почему она никогда не позволяла ему подходить к нему близко. Эриний-3 было оружием. Бездушным, холодным, но сделанным по тому же принципу, что и две «Волги», в одной из которых заперта Каролина, а в другой — обугленный призрак профессора Арсенова, сходящий с ума от боли и огня.

Юра закрыл папку. Руки его больше не дрожали — они онемели. Он понял главное: проект «Феникс» не удался. Никто не возродился из пепла. Каролина Штайн стала машиной, профессор Арсенов стал её тенью, а третья — просто смертоносной игрушкой. И теперь Юра знал правду. Правду, которую кто-то очень хотел похоронить вместе с теми кристаллами под Сахалином.

Он поднял фонарик, посмотрел на стеллажи с металлическими ящиками и понял: здесь, в этом подземелье, хранился не просто архив. Здесь хранилась душа. Вернее, то, что от неё осталось, когда её перелили в металл, стекло и бензин.

Юра закрыл папку. Его руки больше не дрожали — они онемели, словно он долго держал их в ледяной воде. Тяжёлый картон, обтянутый выцветшей тканью, лёг на его колени, и в тишине подземного архива это движение показалось оглушительным, как удар колокола. Он сидел неподвижно, глядя на чёрную обложку, на которой едва угадывалась стёртая временем надпись «Ликвидирована», и чувствовал, как мир вокруг него медленно, но неумолимо перестраивается.

Комната — этот бетонный склеп, заставленный стеллажами с выдвижными ящиками, — перестала быть просто архивом. Она превратилась в склеп, в могильник чужих судеб, где каждая пылинка, каждый обрывок бумаги хранил крик о помощи, заглушённый десятилетиями. Юра поднял глаза, и его взгляд скользнул по стенам, по картам, по чертежам, висящим на них. Теперь он видел их иначе. Это были не схемы зданий и технические наброски. Это были карты плена. Карты тюрьмы, которую построили для живых душ, решив, что металл и стекло — достойная замена телу и свободе.

Он медленно перевёл дыхание. Грудная клетка сжалась, как будто её стянули стальным обручем. Мысль, которая только что была догадкой, вдруг обрела плоть и вес, и этот вес давил на плечи, заставляя сутулиться, чувствовать себя старше своих лет на десятки лет. «Каролина Штайн», — прошептал он про себя, и имя это, которое ещё вчера было просто набором звуков, теперь звучало как заклинание. Каролина Штайн — девушка, которая хотела жить, любить, творить. Которая видела в технике не оружие, а продолжение человеческой мечты. И её убили. Убили не для того, чтобы она замолчала навсегда, а для того, чтобы она заговорила голосом подчинённой машины. Её лишили тела, но не смерти. Ей подарили вечность, но вечность в заточении, где каждое утро — это звук стартера, а каждая ночь — остывающий двигатель.

Юра представил этот момент. Холодный, стерильный свет операционной, который он уже видел в видениях Каролины. Запах антисептиков, смешанный с запахом озона от работающей аппаратуры. Пластиковые стяжки, врезающиеся в кожу. Её крик, тот самый, который он слы-

шал в своей голове: «Bitte! Прошу! Не надо!». Он представил, как она задыхается от собственного страха, как её сознание, такое яркое, живое, настоящее, разрывают на части и вливают по капле в холодный, безразличный металл. Её превратили в автомобиль. Не в метафоре, не в поэтическом образе, а на самом деле. Её душа стала бензином, её воспоминания — проводами, её надежды — фарами, которые освещали дорогу в никуда.

Юра сжал кулаки так, что побелели костяшки. В груди вскипела злоба — глухая, первобытная, которая просилась наружу рёвом. Он хотел что-то разбить, сломать, выкрикнуть своё бессилие в эту бетонную пустоту. Но он сдержался. Он понимал, что гнев — это тоже топливо для тех, кто создал этот архив. Те, кто подписал бумагу «Ликвидирована», не боялись криков. Они боялись только правды. А правда была в том, что Каролина Штайн была не просто первым экспериментом. Она была невинной жертвой, которую принесли на алтарь безумной идеи контроля. И эта правда, выношенная им в тишине архива, начинала менять его самого.

Он медленно перевёл взгляд на стеллаж, где в самом дальнем углу лежала ещё одна папка. Не такая старая, но с более современными бумагами, и на корешке её значилось: «Эриний-3. Передача объекта». Юра протянул руку, дрожащими пальцами взял её, и в этот момент его сознание пронзила другая, не менее страшная догадка. Она была не менее отчётливой, чем голос Каролины в динамиках «Волги». Она была кристально ясной, ледяной и неопровержимой. Тётя Яна.

Он резко, почти судорожно открыл папку. Внутри лежали те же сухие протоколы, те же схемы, но теперь объектом был не автомобиль, а боевая установка. БМ-13 «Катюша». Та самая реактивная система, которая стояла на вооружении и которая, как он узнал из обрывков взрослых разговоров, однажды спасла жизни целому батальону. Спасла, но сама погибла. Вернее, погибла его тётя, а машина осталась. Теперь это было не просто «Катюша». Теперь это было имя, высеченное на броне, — имя его родной тёти Яны, которую он никогда не знал живой, но чей портрет висел в гостиной, чей образ был окружён ореолом героической смерти. Он перевернул несколько страниц и нашёл то, что искал. Акт о «переносе усреднённой матрицы боевого опыта». Сознание отсутствует. Кристаллы запрограммированы на выполнение тактических задач. Передан на хранение и дальнейшее изучение гражданскому лицу — Всеволоде Я. С.

Юра замер. Слова «сознание отсутствует» били по глазам, как кислотой. Он знал, что это ложь. Он чувствовал это всем своим существом, той самой частью сознания, которую «Смертоносец» распахнул настежь. Он понимал, что никакая «усреднённая матрица» не могла замкнуть живую душу, которую они туда вложили. Они не создали боевую программу. Они заперли его тётю в стальной трубе, заставили её смотреть на мир через оптический прицел, чувствовать мир через вибрацию выхлопных газов и слышать мир только в грохоте залпов. Его тётя Яна, которая, по рассказам деда, закрыла собой командира, которая смеялась и пела, которая мечтала о доме и семье, — она стала узницей «Катюши».

Юра почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он оперся рукой о холодный металлический стеллаж, чтобы не упасть. Перед глазами поплыли круги. Он видел два образа: образ Каролины, превращённой в «Волгу», и образ его тёти, запертой в «Катюше». Они были так похожи и так трагичны. Обе были женщинами, которых убили дважды: сначала как людей, а потом, пересадив их души в мёртвый металл, уничтожили их как личностей. Он вспомнил странное чувство, которое всегда испытывал, когда проходил мимо ангара, где стояла та старая «Катюша». Ему казалось, что она смотрит на него. Что она дышит. Он всегда списывал это на детское воображение, на любовь к военной технике. Теперь он знал правду. Это была не «Катюша». Это была Янушка. Так он мысленно назвал её, и это имя — уменьшительное, домашнее, согревающее — почему-то пришло само собой. Оно противостояло всему этому казённому, холодному архиву. Оно возвращало ей человечность, которую у неё украли.

Янушка. БМ-13, чьи реактивные снаряды когда-то крушили врага, а теперь её собственная душа была разорвана на куски и запечатана в кристаллах. Юра закрыл глаза. Он представил, как она чувствует себя там, в этой стальной трубе. Весь мир для неё — это рёв залпа, вибрация отдачи, запах пороха и оружейной смазки. Она не может пошевелиться, не может заговорить, не может даже заплакать. Она видит только то, что видит прицел. Она слышит только то, что слышат датчики.

Она навечно прикована к своему металлическому телу, как Каролина к кузову «Волги». И если Каролина, несмотря на всё, смогла сохранить ясность рассудка, найти в себе силы помогать другим и даже восстать против своих создателей, то Янушка... Что случилось с её сознанием за десятилетия этого стального молчания? Слышит ли она его сейчас? Понимает ли, что её племянник, мальчишка, которого она никогда не видела живым, стоит сейчас в этом пыльном подземелье и читает её приговор?

Юра открыл глаза. Он больше не чувствовал гнева. Гнев ушёл, оставив после себя выжженную пустоту, которая начинала заполняться чем-то другим. Принятием. Это было похоже на то чувство, когда после долгой, мучительной боли наступает странное, почти пугающее спокойствие.

Он принял эти факты не как что-то внешнее, чуждое, а как часть самого себя. Он осознал, что его собственная кровь, его собственная семья оказались в центре этой чудовищной машины. Его тётя — узница «Катюши», его дед — хранитель тайн, его мать — не ведающая о том, что её сестра не погибла героически, а заточена в металле. И он, Юра, — тот самый ключ, который может либо навсегда запереть эту дверь, либо распахнуть её настежь.

Он медленно поднялся с ящика, на котором сидел. Ноги его дрожали, но он заставил себя стоять прямо. Он взял папку с надписью «Эриний-3» и положил её рядом с папкой Каролины. Две папки, два имени, две судьбы, скреплённые одной страшной историей. Он знал, что не сможет уйти отсюда, оставив их здесь. Он должен забрать их. Он должен показать их деду. Он должен заставить всех, кто причастен к этому, ответить.

Но главное — он должен был увидеть её. Янушку. Он должен был подойти к ней, коснуться её брони и сказать ей, что она не одна. Что кто-то знает правду. Что кто-то помнит её не как матрицу, а как человека. И, возможно, если Каролина смогла сохранить себя, смогла помочь ему, то и Янушка тоже всё ещё там, внутри. Ждёт. Смотрит сквозь оптику прицела на тот же мир, из которого её когда-то вырвали, и надеется, что кто-то откроет эту стальную клетку.

Юра взял обе папки под мышку и оглядел комнату в последний раз. Стены архива, которые ещё минуту назад казались ему просто старым бетоном, теперь виделись ему иначе. Они были слоями лжи. Каждый шов, каждая трещина хранили в себе чей-то крик, чью-то сломанную судьбу. Теперь он знал, что не должен останавливаться. Он должен идти дальше. В тот ангар, где ждала Янушка. И потом — к своей семье, чтобы разделить с ними это бремя.

Он вышел в коридор, и шаги его эхом разнеслись по пустому подземелью. Свет фонарика вырывал из темноты то старую проводку, то облупившуюся краску на стенах. Но Юра не обращал на это внимания. Он шёл, погружённый в свои мысли, и в голове его звучали имена.

Каролина. Янушка. Они были разными, но их объединяло одно — их превратили в машины, в орудия, в вещи. И он, Юра Бойко, был тем, кто должен был восстановить их человечность, даже если для этого потребовалось бы разрушить весь этот прогнивший мир до основания.

Он уже подходил к выходу из подземелья, когда заметил в стене небольшую нишу, скрытую ржавым листом железа. Он отодвинул его и увидел старый, потёртый альбом с вклеенными фотографиями, пожелтевшими от времени. На первой странице была та самая фотография, которую он видел в папке, — девушка с тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, с грустными глазами. Каролина. Но не в документации, а живая, настоящая: она стояла у старого

автомобиля, улыбалась в объектив, и рядом с ней был молодой мужчина, в котором он с трудом узнал своего деда — без седины, без морщин, с горящим взглядом и уверенной улыбкой.

На следующей странице был снимок группы людей в военной форме, среди которых стояла тётя Яна. Её лицо было обращено к камере, и в нём не было той обречённости, которую он видел на документальных фото. Она смеялась, запрокинув голову, и её рука покоилась на броне «Катюши». Это было фото, сделанное до того, как её превратили в узницу металла. В ней ещё была жизнь, свобода, будущее.

Юра медленно перелистывал страницы. Он видел деда, стоящего рядом с профессором Киселёвым, на фоне той самой «Волги», которую они создали — серебристо-серой, ещё не ставшей Каролиной. Он видел чертежи на столах, окурки в пепельницах, чашки с остывшим чаем. Эти фотографии были свидетелями того, что задумывалось как благое дело, а превратилось в кошмар. Он видел, как надежда сменяется тревогой, как улыбки становятся натянутыми, а взгляды — тревожными. Это была хроника падения. И в центре этого падения были две женщины — Каролина и Яна.

Он закрыл альбом и сунул его под мышку, к папкам. Он знал, что теперь ему предстоит жить с этой правдой. Она будет жечь его изнутри, как тот кристалл, который когда-то попал в сердце профессора Арсенова. Но он не боялся этого огня. Он знал, что только в этом огне можно перековать судьбу.

Юра подошёл к выходу из подземелья, к тому самому вентиляционному окну, через которое он проник сюда. Он обернулся в последний раз, вглядываясь в темноту коридора, где, как ему казалось, всё ещё витал запах слёз и металла. «Я вернусь», — пообещал он мысленно тем, кто остался в этом бетонном склепе. «Я вернусь за вами. Всех заберу».

Он вылез наружу. Ночь уже начала бледнеть, уступая место серому предрассветному сумраку. Где-то вдалеке слышались первые звуки просыпающегося города — далёкий гудок тепловоза, редкий лай собак, шум шин по мокрому асфальту. Мир жил своей жизнью, не ведая о том, что в его недрах, в старых архивах и ржавых ангарах, бьются пульсом живые души, запертые в металле.

Юра постоял с минуту, вдыхая утренний воздух, который пах сыростью и бензином, и двинулся к тому месту, где ждала его Каролина. Теперь он шёл к ней не как к спасительнице, а как к сестре по несчастью, как к той, с кем его связала не просто случайность, а сама судьба. Он нёс ей весть о том, что он всё понял. И что он готов идти с ней до конца.

Когда он подошёл к тому переулку, где они расстались, он увидел, что «Волга» стоит на том же месте, но в её облике произошли изменения. Фары, разбитые во время боя, теперь целы и блестят влажным стеклом. Вмятины на капоте исчезли. Машина стояла, словно отдохнувшая после долгой дороги, и ждала его, тихо урча двигателем, как живое существо, которое почувствовало приближение хозяина.

Юра подошёл ближе, положил руку на капот и на мгновение зажмурился, прислушиваясь к лёгкой вибрации, идущей от металла.

— Я всё знаю, — сказал он негромко. — Я знаю про тебя. Про Янушку. Про профессора Арсенова. Про всё. Я знаю, что они сделали с тобой.

Тишина. Затем из салона раздался голос Каролины, слабый, но тёплый:

— Ты... принял это?

— Да, — ответил Юра, открывая дверцу. — Принял. Я больше не буду убегать от этой правды. Я больше не буду бояться. Ты не просто машина. Ты — Каролина. А «Катюша» в ангаре — это Янушка. И я обещаю, что сделаю всё, чтобы вы обе обрели свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.